

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
“Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова”

Научный журнал

Издаётся с 2001 года

(до 1 января 2012 года – “Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки”)

Выходит 6 раз в год

СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Свидетельство о регистрации
Эл № ФС77-89123
выдано 07 февраля 2025 года
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс журнала – 38555

Главный редактор **В.И. Голдин**

Редакционный совет:

И. Брок (Норвегия),
А.В. Головнёв,
Д.С. Дюррант (Канада),
А.Л. Кудрин,
В.А. Садовничий

Редакционная коллегия:

Л.В. Баева, Л.И. Богданова, С.В. Борисов,
В.Н. Гончаров, И.В. Дёмин,
Т.Ю. Загрязкина, Н.А. Илюхина,
Д. Кемпер (Германия),
А.В. Колмогорова, Н.И. Коновалова,
И.В. Кузнецова (отв. секретарь),
А.Г. Лошаков, В.А. Марьянчик, А.А. Мёдова,
Й.П. Нильсен (Норвегия), М.Ю. Опенков,
А.В. Петров, Р.Г. Пихоя, А.М. Поликарпов,
Ю.В. Попков, А.М. Прилуцкий,
А.В. Репневский, К.Я. Сигал, Б.Г. Соколов,
Ф.Х. Соколова (зам. гл. редактора),
Н.М. Терехин, П.В. Фёдоров,
М. Фрейм (Великобритания),
Л. Хейнинен (Финляндия),
К. Хин (Норвегия),
О.С. Чеснокова, А.В. Чудинов,
А.Е. Шапаров, Л.Ю. Щипицина

СЕРИЯ

“Гуманитарные и социальные науки”

Т. 25,
№ 5 / 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Соколова Ф.Х., Труфанова Е.А.** Процессы регионализации в Северной Европе: истоки становления и динамика развития..... 5
- Юдина Т.В., Хайрлапова М.М.** Страхование рабочих на соляных промыслах Астраханской губернии в начале XX века... 21
- Артемьев Е.М.** Создание Академии наук КНДР и начало академических обменов СССР и КНДР в 1950-е годы..... 30

ЛИНГВИСТИКА

- Каракуц-Бородина Л.А., Авхадиева И.А.** Владимир Набоков как культуртрегер: преподавание русской словесности в США... 43
- Газизов Р.А.** Функционирование максим вежливости в публичной речи (на материале выступлений Ангелы Меркель) 53
- Буров А.А., Балаганов Д.В.** Система когнитивных механизмов в переводе..... 63
- Воронцова И.С.** Прецедентные феномены в испанском медийном дискурсе: особенности семантических и синтаксических трансформаций..... 76

ФИЛОСОФИЯ

- Опенков М.Ю., Тетенков Н.Б.** Философия запаха и вкуса..... 89
- Голиков К.С.** «Новое осевое время»: действительно ли это так?... 98
- Канатаев Д.В., Курочкин С.С., Лаптева А.В.** Трансформация понятия «отчуждение» в условиях цифровизации..... 108
- Зашихина И.М.** ChatGPT и метафизика искусственного интеллекта: идеи Юка Хуэя о технологиях будущего..... 118

СОДЕРЖАНИЕ

Индексируется в: Размещается в:

Редактор
Е.А. Почехина
Ведущий редактор
А.В. Крюкова
Переводчик
С.В. Бирюкова
Верстка
О.В. Деревцовой

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес издателя:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17
Тел.: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Адрес редакции:
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого,
д. 56, каб. 26
Тел.: +7 (8182) 21-61-00 (18-20)
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Выход в свет 31.10.2025.
Бумага писчая. Формат 84×108 1/16.
Усл. печ. л. 14,49. Уч.-изд. л. 12,28.
Тираж 1000 экз. Заказ № 8989.

Адрес типографии:
Издательский дом имени В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, д. 56

Свободная цена

© САФУ имени М.В. Ломоносова, 2025

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Шеховская Ю.А., Федуленкова Т.Н. От полипарадигмальной и интегральной лингвистики к суперпарадигме..... 129

Наши рецензенты..... 134

К сведению авторов..... 136

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov"

Scientific journal

Published since 2001

(Until January 1, 2012 – Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences)

Issued bi-monthly

VESTNIK

OF NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL
UNIVERSITY

Registration certificate
EI no. FS77-89123
issued on February 7, 2025
by the Federal Service for Supervision
of Communications,
Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor)

Subscriptional index of the journal – 38555

Editor in Chief **V.I. Goldin**

Editorial Council:

I. Broch (Norway),
A.V. Golovnev,
J.S. Durrant (Canada),
A.L. Kudrin,
V.A. Sadovnichy

Editorial Board:

L.V. Baeva, L.I. Bogdanova, S.V. Borisov,
V.N. Goncharov, I.V. Demin,
T.Yu. Zagryazkina, N.A. Ilyukhina,
D. Kemper (Germany),
A.V. Kolmogorova, N.I. Konovalova,
I.V. Kuznetsova (Executive Secretary),
A.G. Loshakov, V.A. Maryanchik,
A.A. Medova, J.P. Nielsen (Norway),
M.Yu. Openkov, A.V. Petrov,
R.G. Pikhoya, A.M. Polikarpov,
Yu.V. Popkov, A.M. Prilutsky,
A.V. Repnevsky, K.Ya. Sigal, B.G. Sokolov,
F.Kh. Sokolova (Deputy Editor in Chief),
N.M. Terebikhin,
P.V. Fedorov, M. Frame (UK),
L. Heininen (Finland),
K. Heen (Norway),
O.S. Chesnokova,
A.V. Chudinov, A.E. Shaparov,
L.Yu. Shchipitsina

SERIES
"Humanitarian and Social Sciences"

Vol. 25,
No. 5 / 2025

CONTENTS

HISTORY

- Sokolova F.Kh., Trufanova E.A.** Regionalization in Northern Europe: Origins and Development Dynamics..... 5
Yudina T.V., Khairlapova M.M. Insurance of Workers in the Salt Fields of the Astrakhan Province in the Early 20th Century..... 21
Artemyev E.M. Establishment of the North Korean Academy of Sciences and the Start of Academic Exchanges Between the Soviet Union and North Korea in the 1950s..... 30

LINGUISTICS

- Karakuts-Borodina L.A., Avkhadieva I.A.** Vladimir Nabokov as a Kulturträger: Teaching Russian in the USA..... 43
Gazizov R.A. Politeness Maxims in a Public Speech (Based on Angela Merkel's Speeches)..... 53
Burov A.A., Balaganov D.V. The System of Cognitive Mechanisms in Translation..... 63
Vorontsova I.S. Precedent Phenomena in Spanish Media Discourse: Semantic and Syntactic Transformations..... 76

PHILOSOPHY

- Openkov M.Yu., Tetenkov N.B.** The Philosophy of Smell and Taste..... 89
Golikov K.S. New Axial Age: Is It Really the Case?..... 98
Kanataev D.V., Kurochkin S.S., Lapteva A.V. Transformation of the Concept of Alienation in the Conditions of Digitalization... 108
Zashikhina I.M. ChatGPT and the Metaphysics of Artificial Intelligence: Yuk Hui's Ideas About the Future of Technology... 118

CONTENTS

Indexed in:

Included in:

Editor

E.A. Lochekhina

Managing Editor

A.V. Kryukova

Translator

S.V. Biryukova

Make-up by

O.V. Derevtsova

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

Shekhovskaya Yu.A., Fedulenkova T.N. From Multiparadigm and Integral Linguistics to a Superparadigm..... 129

Our Peer-Reviewers..... 134

Information for Authors..... 136

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the list of reviewed scientific journals, in which major scientific results of theses for academic degrees of candidate and doctor of science have to be published

Publisher's address:

nab. Severnoy Dviny 17,
Arkhangelsk, 163002

Phone: +7 (8182) 21-61-99

E-mail: public@narfu.ru

Editorial office address:

ul. Uritskogo 56, office 26, Arkhangelsk, 163060

Phone: +7 (8182) 21-61-00 (18-20)

E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Publication date 31.10.2025.

Writing paper. Format 84×108 1/16.

Conv. printer's sh. 14,49.

Acad. publ. sh. 12,28.

Circulation 1000 copies. Order no. 8989.

Printer's address:

NARFU Publishing House named after
V.N. Bulatov

ul. Uritskogo 56, Arkhangelsk, 163060

Free price

© NARFU named after M.V. Lomonosov, 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 5. С. 5–20.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 5–20.

Обзорная статья
УДК [94(4-17)+327(4-17)]
DOI: 10.37482/2687-1505-V456

Процессы регионализации в Северной Европе: истоки становления и динамика развития

Флера Харисовна Соколова¹
Елизавета Андреевна Труфанова²✉

^{1,2}Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

¹e-mail: f.sokolova@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3063-6128>

²e-mail: e.trufanova@narfu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-9460-1497>

Аннотация. В статье на основе широкого круга документальных источников представлена историческая динамика процессов регионализации в Северной Европе, выявлены их стратегические и идейно-политические основания. Теоретическую основу работы составляет синтез концепций старого и нового регионализма, т. к. процессы регионализации, начавшиеся в середине XX века, эволюционировали во времени: постепенно в них вовлекались географически отдаленные территории и активными субъектами регионостроительства наряду с государствами становились негосударственные акторы. В ходе исследования установлено, что исторические предпосылки процессов регионализации в Северной Европе формировались на протяжении XV – середины XX века. Сам процесс регионостроительства начался в середине XX века с учреждения Северного совета парламентариев стран Северной Европы в 1952 году и прошел три этапа (1952–1990; 1990–2013; 2014 – настоящее время). На первом этапе процессы регионализации в Северной Европе основывались на концепции старого регионализма и были направлены прежде всего на сохранение региональной идентичности. Начиная с 1990-х годов конструирование североευропейского региона осуществляется на базе концепции нового регионализма, в него включаются страны Балтии, Россия и географически отдаленные арктические государства. Ключевой целью процессов в 1990–2013 годах становится трансляция североευропейских ценностей на Балтийский, Баренцев (Евро-Арктический) и Арктический регионы, в процессы североευропейской регионализации вовлекаются наднациональные (Европейский союз), субнациональные структуры и множество негосударственных акторов. Третий этап, начавшийся в 2014 году, характеризуется попытками брендинга североευропейского региона в глобальное пространство с целью повышения собственного имиджа в мире и извлечения выгод и преимуществ глобализации.

Ключевые слова: старый регионализм, новый регионализм, североευропейский регионализм, процессы регионализации, регионостроительство, североευропейский регион, Северная Европа

Для цитирования: Соколова, Ф. Х. Процессы регионализации в Северной Европе: истоки становления и динамика развития / Ф. Х. Соколова, Е. А. Труфанова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 5. – С. 5-20. – DOI 10.37482/2687-1505-V456.

Review article

Regionalization in Northern Europe: Origins and Development Dynamics

Flera Kh. Sokolova¹

Elizaveta A. Trufanova²✉

^{1,2}Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

¹e-mail: f.sokolova@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3063-6128>

²e-mail: e.trufanova@narfu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-9460-1497>

Abstract. Based on a wide range of documentary sources, the article presents a historical dynamics of regionalization processes in Northern Europe as well as identifies their strategic and ideological-political foundations. The theoretical framework of the study is the synthesis of the concepts of old and new regionalism, since regionalization, which began in the mid-20th century, has evolved over time and gradually spread to geographically remote territories. Along with states, non-state actors became active subjects of region-building. The research determined that the historical background to regionalization in Northern Europe was formed during the 15th – mid-20th centuries. The process of region-building itself began in the mid-20th century, with the establishment of the Nordic Council in 1952, and went through three periods (1952–1990, 1990–2013, and 2014 – present). At the first stage, regionalization in Northern Europe was based on the concept of old regionalism and was primarily aimed at preserving regional identity. Starting from the 1990s, the region has been shaped according to the concept of new regionalism, involving the Baltic countries, Russia and geographically remote Arctic states. In 1990–2013, the major goal of these processes was to spread Northern European values to the Baltic, Barents (Euro-Arctic) and Arctic regions; supranational (European Union) and subnational structures as well as a number of non-state actors were involved in Northern European regionalization. The third period, which began in 2014, is characterized by attempts to brand the Northern European region in the global space in order to enhance the region's image in the world and gain the benefits and advantages of globalization.

Keywords: *old regionalism, new regionalism, Nordic regionalism, regionalization, region-building, Northern European region, Northern Europe*

For citation: Sokolova F.Kh., Trufanova E.A. Regionalization in Northern Europe: Origins and Development Dynamics. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 5–20. DOI: 10.37482/2687-1505-V456

Введение. Регионализация – один из мировых трендов современности. Проблемы соотношения глобализации, регионализации и интеграции, динамика развития процессов ре-

гионализации, причины и факторы их широкого распространения на рубеже XX–XXI веков, их последствий, места и роли в мире – актуальные и социально значимые проблемы, на-

ходящиеся в центре внимания исследователей. В настоящее время отсутствует единая точка зрения относительно времени начала процессов международного регионостроительства. Одни считают точкой отсчета времени существования древних империй (египетской, греческой и китайской), другие – середину XIX века. Широкий спектр мнений представлен касательно причин и факторов развития и расширения различных форматов регионального взаимодействия, среди них: стремление стран к интеграции и сотрудничеству для повышения конкурентоспособности в мире консолидированными усилиями; попытки сохранения и укрепления культурной и национальной идентичности в условиях глобализации; регионализация как способ решения общих проблем, таких как экологические вызовы, безопасность и миграция, которые не знают границ и требуют совместных усилий на региональном уровне. Наконец, регионализация в современном мире рассматривается как фактор формирования новой, многополярной геополитической конфигурации и распределения власти в мире.

По мнению авторов настоящей статьи, комплексная реконструкция процессов регионализации в мире возможна лишь на основе анализа конкретных форм ее проявления в различных регионах. В данном контексте значимым видится анализ динамики развития процессов регионализации в Северной Европе, которая еще в 1952 году, вскоре после создания межправительственной организации «Бенилюкс», учредила региональную организацию сотрудничества парламентариев стран Северной Европы (Дании, Исландии, Норвегии, Швеции и Финляндии) и, по сути, стояла у истоков европейской интеграции.

В научной литературе широко представлены теоретические основы регионализма как политики и идеологии регионостроительства и непосредственно самих процессов регионализации в мире. Среди исследователей данной проблематики стоит выделить А.Д. Воскресенского [1], В.И. Куйбаря [2], М.Л. Лагутину [3], В.А. Щипкова [4]. Особого внимания за-

служивают работы Б. Хеттне [5, 6], П. де Ломбарде [7] и Ф. Содербаума [8], в которых детально рассматриваются концептуальные основания процессов регионализации, в частности старого, нового и сравнительного регионализма.

Предметом детального анализа являются история развития североευропейского региона, предпосылки и факторы процессов регионализации в Северной Европе, что отражено в трудах В.Е. Возгина [9], М.А. Катцовой [10–12], Е.В. Коруновой [13], Т. Андерсена [14], Дж. Бонсдорфа [15], Дж. Странга [16], Х.А. Густафсона [17]. Другая группа научных работ посвящена созданию Северного совета и североευропейской регионализации в 1950–1990-е годы. Вклад в изучение обозначенной темы внесли Л.О. Бабынина [18], О.В. Зарецкая [19, 20], Т. Этзольд [21], Т. Фошберг [22], Н. Паркер [23], М. Йалава [24]. Важным направлением исследования выступает современная североευропейская регионализация, в частности развитие сотрудничества Северного совета с другими странами и институтами. Среди авторов, освещающих данную тему, необходимо отметить Л.С. Воронкова [25], К.Б. Исупову [26], К.С. Браунинга [27], Дж. Магнуса [28].

Процессы регионализации в Северной Европе являются актуальной темой отечественной и зарубежной научной литературы, однако необходимо отметить фрагментарность исследований. Большинство трудов посвящено определенному периоду в истории региона (периоду скандинавизма, созданию североευропейских институтов сотрудничества, холодной войне и др.), что актуализирует проведение исследования, направленного на комплексный и всесторонний анализ процессов регионализации в Северной Европе в исторической динамике.

Целью настоящей статьи являются историческая реконструкция процессов регионализации в Северной Европе от истоков становления до современности и выявление их стратегических и идейно-политических оснований.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1952 года, когда был сфор-

мирован Северный совет парламентариев стран Северной Европы, по настоящее время. Однако авторы оставляют за собой право на исторические экскурсы в период конца XIV – первой половины XX века, на протяжении которого формировались исторические предпосылки процессов регионализации в Северной Европе.

Территориальные рамки ограничены регионом Северной Европы – Швеции, Дании (включая Гренландию и Фарерские острова), Норвегии, Исландии и Финляндии (включая Аландские острова).

Материалы и методы. Настоящее исследование фокусируется на рассмотрении концепций старого и нового регионализма, ибо, как показывает мировая и региональная практика, регионы в XX веке, как правило, создавались на объективных основаниях – из географически близких территорий, имеющих культурно-историческое и политическое сходство, при этом процессы регионализации инициировались государствами «сверху» (согласно концепции старого регионализма). Начиная с 1990-х годов регионы начали конструироваться сознательно, под определенные цели и задачи, объединяли географически отдаленные и разнородные в плане культурно-исторических традиций страны. В эти процессы широко

вовлекались негосударственные факторы международных отношений, т. е. процессы инициировались «снизу» (согласно теории нового регионализма).

Авторы использовали принципы детерминизма и развития, которые позволили выявить причинно-следственные связи процессов регионализации в Северной Европе и отразить их в эволюционной динамике. Применение методов анализа, синтеза и историко-описательного метода помогло произвести детальную реконструкцию процессов регионализации и сделать соответствующие выводы и заключения. Проследить особенности североевропейского регионализма от послевоенных инициатив до современных форм сотрудничества позволил сравнительный метод.

Источниковая база исследования представлена межгосударственными договорами и соглашениями, устанавливающими основы сотрудничества в регионе Северной Европы¹, организационно-распорядительной документацией Северного совета и Совета министров северных стран (СМСС)² и стратегиями развития региона³. Ценными источниками явились заявления государств, в которых нашли отражение намерения и цели региональной интеграции⁴. Все эти материалы позволили комплексно рас-

¹The Helsinki Treaty: Treaty of Co-Operation Between Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden. 23.03.1962. URL: <https://norden.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A1250815&dswid=1506> (дата обращения: 27.05.2025); Memorandum of Understanding Between the Ministry of Defence of the Kingdom of Denmark, the Ministry of Defence of the Republic of Finland, the Ministry for Foreign Affairs of Iceland, the Ministry of Defence of the Kingdom of Norway and the Government of the Kingdom of Sweden on Nordic Defence Cooperation. 04.11.2009. URL: <https://www.nordefco.org/Files/nordefco-mou.pdf> (дата обращения: 27.05.2025).

²Open to the Winds of Change: Norden 2000 (Wise Men Report). Copenhagen: Nordic Council and Nordic Council of Ministers, 2000. 120 p.; Co-Operation for Strength. Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2005. 32 p. URL: <https://norden.diva-portal.org/smash/record.jsf?dswid=-1496&pid=diva2%3A700569> (дата обращения: 27.05.2025); Nordic Co-Operation. Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2011. 20 p. URL: <https://norden.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A701691&dswid=6430> (дата обращения: 27.05.2025).

³Strategy for International Branding of the Nordic Region 2015–2018, 2014. URL: <http://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:783406/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 01.06.2025); Strategy for International Branding of the Nordic Region 2019–2021, 2019. URL: <https://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:1279355/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 01.06.2025); Strategy for International Branding of the Nordic Region 2022–2024, 2022. URL: <https://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:1715426/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).

⁴Finland Withdraws from the Barents Euro-Arctic Council. 21.11.2024. URL: <https://um.fi/current-affairs/-/asset-publisher/gc654PySnjTX/content/suomi-eroaa-barentsin-euroarctisesta-neuvostosta> (дата обращения: 02.06.2025).

смотреть заявленную тему и провести всесторонний анализ процессов регионализации в Северной Европе.

Результаты. Исторические предпосылки процессов регионализации в Северной Европе восходят к Кальмарской унии, которая была заключена в 1397 году и просуществовала до 1523 года [29, с. 200]. Личная уния королевств Дании, Норвегии и Швеции под верховной властью датских королей была создана с целью противостояния немецкой политической и экономической экспансии в Скандинавские страны. К концу XIV века Ганзейский союз «захватил почти всю внешнюю (а отчасти и внутреннюю) торговлю Дании, Норвегии и Швеции»⁵, поэтому процессы консолидации североевропейских стран были направлены на сохранение политико-экономической и культурной независимости. Создание региона ставило своей целью обеспечение военной и экономической безопасности. Кальмарская уния фактически явилась первым проектом стран Северной Европы, направленным на противостояние европейским государствам. Несмотря на то, что в рамках унии наблюдались многочисленные восстания и кризисы, она считается примером единства североевропейских стран и период ее существования рассматривается как важнейшая веха истории региона [17]. Уния, предусматривавшая общую внешнюю политику при сохранении внутренней автономии, обладала сходством с принципами и нормами, определяющими сотрудничество североевропейских стран на современном этапе [30, с. 52].

После распада Кальмарской унии началась борьба Швеции (включая Финляндию) и Дании (включая Норвегию и Исландию) за господство на севере Европы, последним крупным конфликтом стала Северная война 1700–1721 годов, в результате которой Швеция лишилась статуса великой державы. Победа антишведской коалиции привела к потере Финляндии. В 1814 году Норвегия провозгласила свою независимость, однако была вынуждена вступить

в личную унию со Швецией. Лишь в 1905 году Норвегия стала полностью суверенным и независимым государством [14].

Очередным важным этапом становления североевропейского региона является скандинавское движение XIX века. Скандинавизм берет свои истоки в общеевропейском пандвижении [30, с. 55]. В его основе лежала идея развития тесного сотрудничества и сближения скандинавских стран – Швеции, Дании и Норвегии. Изначально скандинавизм проявился как студенческое движение, которое привело к многочисленным демонстрациям с призывами к расширению политических свобод, неотделимых от скандинавизма [31]. В широком смысле скандинавизм затрагивал несколько направлений.

Экономический скандинавизм не получил широкого распространения, однако в 1840-е годы датский чиновник В. Ротке предложил отменить таможенные пошлины между странами Северной Европы и ввести тарифы для защиты региональной экономики [30, с. 56]. Несмотря на такое прогрессивное предложение, идея Ротке не привлекла внимания политической элиты, а экономическое сотрудничество не получило импульса к развитию.

Идея культурного скандинавизма объединяла писателей, художников и других представителей интеллигенции. Данная форма скандинавизма была основана на идее о том, что Северная Европа – фактически одна нация, объединенная общими языково-культурным наследием, ценностями и судьбой [24]. Благодаря активной пропаганде в литературе и студенческих кругах скандинавизм получил широкую поддержку в обществе и достиг кульминации в 1840-е годы, когда общее прошлое заняло центральное место в североевропейской идентичности, став доказательством единства народов [32].

Благодаря сближению в сфере культуры скандинавизм достиг политической сферы. Важным импульсом стали угрозы Дании с юга (шлезвиг-гольштейнский вопрос и давление Пруссии) и Швеции с востока (со стороны

⁵Ковалевский С.Д. Кальмарская уния // Большая сов. энцикл.: в 30 т. 3-е изд. Т. 11. Италия – Кваркуш. М.: Сов. энцикл., 1973. С. 287. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/058/063.htm> (дата обращения: 25.05.2025).

Российской империи) [10]. Шведские монархи также стремились заключить всескандинавскую унию, в которую была бы включена Финляндия, отвоеванная у России [30, с. 57]. Таким образом, путем политического скандинавизма государства Северной Европы хотели создать политический и оборонительный союз. В конечном счете политический скандинавизм не смог добиться военной солидарности между государствами региона. В 1864 году Швеция приняла решение не вмешиваться в датско-пруссский конфликт из-за Шлезвига [16]. Отсутствие поддержки Дании со стороны скандинавских соседей «нанесло удар по политическому скандинавизму и способствовало окончательному укреплению всех скандинавских стран в своем нейтральном внешнеполитическом курсе» [33, с. 134].

На смену политическому скандинавизму пришла идея практического скандинавизма. Сторонники интенсификации североевропейского сотрудничества переключились на взаимодействие в практических областях, что способствовало укреплению идей общности среди жителей Северной Европы [9].

По инициативе Дании в 1907 году был учрежден Северный межпарламентский союз, в рамках которого представители Швеции, Дании и Норвегии согласовывали позиции по вопросам мировой политики и обменивались мнениями перед международными встречами [11]. На собраниях Союза обсуждались и внутрорегиональные вопросы (гармонизация законодательства, развитие экономики). Государства региона были нацелены на активное участие в мировых процессах путем сближения внешнеполитических взглядов, однако в эти годы не произошло институционализации межгосударственного взаимодействия. С точки зрения обсуждаемых вопросов и методов сотрудничества Северный межпарламентский союз стал прообразом Северного совета, образованного в регионе лишь в середине XX века.

На начало XX века пришелся подъем национального движения в Норвегии, Финлян-

дии и Исландии, что способствовало обретению ими независимости. Выход Норвегии и Исландии из уний со Швецией и Данией, следует отметить, проходил мирно, стороны избегали военного конфликта, что можно рассматривать как последствие скандинавизма [30, с. 63]. После провозглашения независимости Финляндии в стране началась гражданская война, что являлось скорее исключением в процессе обретения независимости странами Северной Европы. К началу XX века все государства региона были суверенными – и это содействовало укреплению сотрудничества и геополитическому сближению.

После Первой мировой войны региональное сотрудничество стало одним из приоритетов внешней политики североевропейских государств, импульсом к чему были не только экономические интересы, но и политика нейтралитета [12]. По совместной инициативе в 1919 году в Швеции, Норвегии и Дании были образованы Северные ассоциации, целью которых являлось «всемерное поощрение и развитие культурных, гуманитарных, экономических, профессиональных и иных связей с соседними странами, взаимной информированности и заинтересованности» [11, с. 66], а также продвижение региональной идентичности Северной Европы и интенсификация межнациональных контактов [12]. В Исландии и Финляндии Северные ассоциации появились несколько позже – в 1922 и 1924 годах соответственно. Объединив экономические и политические круги, представителей гражданского общества, Северные ассоциации, не являясь наднациональными органами, стали форумами для обмена мнениями перед внесением конкретных предложений в национальные парламенты. Основной целью форумов стало содействие всестороннему сотрудничеству в рамках региона с упором на воспитание чувства культурной близости и открытие границ⁶. Несмотря на то, что Северные ассоциации не были институционализированными учреждениями,

⁶The Nordic Association and the Confederation of Nordic Associations. URL: <https://www.norden.org/en/information/nordic-association-and-confederation-nordic-associations> (дата обращения: 29.05.2025).

фактически они стали одним из первых форматов межгосударственного взаимодействия в Северной Европе.

В межвоенные годы выдвигались проекты по дальнейшему сближению североевропейских государств и усилению сотрудничества. Не стали исключением экономическая сфера и сфера безопасности. Во время мирового экономического кризиса 1929 года страны Северной Европы заявляли о своей заинтересованности в развитии сотрудничества и снижении негативных последствий кризиса [34, с. 29].

Несмотря на то, что еще в начале Первой мировой войны главы правительств Швеции, Норвегии и Дании заявили о намерении сохранить нейтралитет, в 1939 году возникла идея создания североевропейского оборонительного союза [30, с. 71]. Предложение было внесено Финляндией после советско-финской войны. Идея была с энтузиазмом встречена в Стокгольме и Осло, однако проект не был реализован в связи с началом Второй мировой войны и оккупацией Дании и Норвегии немецкими войсками, вступлением Финляндии в войну на стороне Германии и проведением политики нейтралитета⁷ Швецией [13]. После окончания войны идея формирования оборонительного союза вновь была озвучена, однако в связи с созданием НАТО и вступлением в него Дании, Исландии и Норвегии отпала [34, с. 30]. Членство в НАТО никогда не было вариантом для Финляндии из-за ограничений ее внешней политики согласно заключенному с Советским Союзом Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, а для Швеции неприсоединение к военным союзам на многие годы стало частью государственной политики [16].

Очередной неудачной инициативой стран Северной Европы в середине XX века стала

попытка создания таможенного союза. Несмотря на долгие переговоры, идея также не была реализована из-за внешних факторов, в данном случае – из-за создания в 1960 году Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) [30, с. 85]. ЕАСТ являлась более широкой по составу участников организацией, что оказалось более привлекательным вариантом для североевропейских стран. Дания, Норвегия и Швеция были одними из членов-основателей ЕАСТ, Финляндия и Исландия стали ассоциированными членами в 1961 и 1970 годах соответственно [18]. Как отмечает Дж. Бонсдорф, с момента создания ЕАСТ внутрирегиональная торговля стран Северной Европы возросла [15], следовательно, создание ЕАСТ способствовало экономическому сотрудничеству государств.

Таким образом, истоки процессов регионализации в Северной Европе уходят в глубину веков. Нахождение в союзах и униях на протяжении многих лет способствовало формированию чувства единства и принадлежности к единому региону, укреплению политических и экономических отношений. Однако получившие в эти годы широкое развитие различные форматы регионального сотрудничества не привели к созданию единых структур взаимодействия, что было обусловлено внешними факторами. Лишь в 1950-е годы страны Северной Европы преуспели в региональной интеграции. В 1951 году премьер-министр Дании Ханс Хедтофт предложил создать консультативный орган для регулярных встреч парламентариев стран Северной Европы⁸. В следующем году Дания, Швеция, Норвегия и Исландия основали Северный совет, ставший форумом политического сотрудничества. Финляндия принимала участие в переговорах на начальных этапах, но не присоединилась из-за возможной негативной реакции

⁷Несмотря на то, что формально Стокгольм не вступал в военно-политический союз с Германией и не был оккупирован немецкими войсками, в военные годы Швеция являлась не нейтральным, а невоюющим государством. Так, Швеция предоставляла свободный проход через свою территорию немецким войскам, снабжала Германию ресурсами, а также обеспечивала кредитами.

⁸The History of the Nordic Council. URL: <https://www.norden.org/en/information/history-nordic-council> (дата обращения: 27.05.2025).

СССР. Однако к 1955 году позиция Советского Союза по поводу финляндского нейтралитета смягчилась, и Финляндия стала полноправным членом Северного совета⁹.

Исходя из того, что в 1952 году между странами Северной Европы был введен режим беспаспортного передвижения, а в 1958 году был создан полноценный Северный паспортный союз¹⁰, можно отметить, что изначально целью Северного совета была социально-экономическая интеграция. Создание ЕАСТ также актуализировало вопрос о способности малых стран эффективно отстаивать свои интересы в рамках крупной экономической группировки. Осознавая, что совместные усилия могут быть более результативными, чем индивидуальные действия, северные страны сделали стратегический выбор в пользу усиления сотрудничества как внутри региона, так и в контексте участия в ЕАСТ [25, с. 4].

В 1960-е годы Дания и Норвегия начали тяготеть к членству в Европейском экономическом сообществе (ЕЭС). Для того чтобы избежать потери смысла северного сотрудничества в случае присоединения одного из государств к ЕЭС, были выдвинуты предложения о создании международного соглашения, подчеркивающего основные цели взаимодействия североевропейских стран и описывающего будущее развитие [21, с. 4]. Таким образом, институционализация сотрудничества произошла через 10 лет после формирования Северного совета. В 1962 году представители правительств Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании и Исландии подписали Хельсинкский договор¹¹, который обозначил основные правовые и уставные рамки сотрудничества. В оригинальный текст договора неоднократно вносились поправки, важней-

шей из которых является дополнение 1971 года, согласно которому был создан СМСС. В соответствии со ст. 60 Хельсинкского договора, правительства стран Северной Европы и их автономных территорий (Фарерских островов, Аландских островов и Гренландии) сотрудничают в рамках СМСС, который стал исполнительным органом, принимающим решения о практической реализации рекомендаций, вынесенных Северным советом. Таким образом, институциональная основа сотрудничества стран Северной Европы базируется на Хельсинкском договоре и представлена двумя структурами: Северным советом и СМСС.

Данный исторический этап регионализации Северной Европы характеризуется институционализацией сотрудничества и созданием нормативно-правовой базы. Целью сотрудничества в Северном совете была объявлена социальная интеграция и улучшение экономической ситуации, что позволяет констатировать: интенсификация сотрудничества североевропейских стран в эти годы была обусловлена стремлением к сохранению региональных особенностей в контексте включения в процессы общеевропейской интеграции.

После окончания холодной войны страны Северной Европы столкнулись с новыми вызовами и возможностями – объединением Европы, глобализацией и фундаментальными изменениями международной системы после разрушения биполярного мира [24, с. 133]. Северное сотрудничество, структуры которого были созданы в 1950-е и 1970-е годы, перестало быть актуальным в связи с изменившейся геополитической обстановкой и требовало адаптации к новым условиям «для отражения меняющегося мира и Европы, которая выгля-

⁹The Nordic Council – Our Council. URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:701349/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 27.05.2025).

¹⁰The History of the Nordic Council. URL: <https://www.norden.org/en/information/history-nordic-council> (дата обращения: 27.05.2025).

¹¹The Helsinki Treaty: Treaty of Co-Operation Between Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden. 23.03.1962. URL: <https://norden.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A1250815&dsid=1506> (дата обращения: 27.05.2025).

дит совсем иначе, чем была несколько лет назад» [16, с. 6].

Как отмечает Н. Паркер, краеугольным камнем североевропейской идентичности на протяжении многих лет являлось периферийное положение государств Северной Европы по отношению к Европе и Европейскому союзу [23]. В частности, в годы холодной войны североевропейская региональная идентичность основывалась на идее, что она лучше европейской [22]. Однако в конце XX века такой подход стал представлять собой проблему, т. к. государства рисковали оказаться в изоляции.

В связи с угрозой маргинализации в 1990-е годы североевропейские страны стали активно расширять сферу своего влияния, вступая в различные международные форматы взаимодействия. В 1992 году был создан Совет государств Балтийского моря, предполагающий развитие сотрудничества стран Северной Европы с Россией и европейскими государствами, имеющими выход в Балтийское море. В 1993 году с подписанием Киркенесской декларации был образован Баренцев (Евро-Арктический) регион (БЕАР), основанный на опыте североевропейской регионализации и традициях трансграничного сотрудничества населения северных территорий и направленный на интенсификацию взаимодействия североевропейских стран и России [35]. В 1996 году страны Северной Европы вместе с США, Канадой и Россией создали Арктический совет – ведущий форум сотрудничества в Арктике. Данные форматы позволили государствам расширить географический масштаб и направления североевропейского сотрудничества [26], а также сохранить за собой особую роль в международных отношениях, основанную на принципе солидаризма.

Участвуя в создании и деятельности выше-названных форматов межрегионального взаимодействия, североевропейские государства стремились, во-первых, не допустить изоляции

от европейских государств и принимать активное участие в происходящих после окончания холодной войны процессах европейской регионализации, во-вторых, построить отношения с Россией и странами Балтии, включив их в сферу своего воздействия. Правомерно утверждение А.А. Володькина, что в процессах конструирования Балтийского региона северные государства должны были стать «главными ретрансляторами европейских ценностей и моделей развития в постсоциалистические страны восточного побережья Балтийского моря, увеличив таким образом свой политический вес в Европе» [36, с. 49]. По мнению авторов настоящей статьи, аналогичные цели преследовали североевропейские страны в рамках реализации евроарктического сотрудничества. Об этом свидетельствуют и ключевые направления взаимодействия в настоящем формате регионального сотрудничества, в т. ч. реформа местного самоуправления на принципах демократии, культура, образование, наука, молодежь, коренные народы, на что североевропейскими странами выделялись огромные средства. То есть, по существу, широко использовались инструменты мягкой силы в целях видоизменения российского общественного сознания в свою пользу. Дополнительным подтверждением тому является «парализация» деятельности БЕАР после выхода из нее России в 2023 году. А в ноябре 2024 года правительство Финляндии заявило, что выйдет из БЕАР после 2025 года¹², что фактически означает распад данного формата взаимодействия.

Вместе с тем очевиден и позитивный результат регионального сотрудничества в Балтийском регионе, БЕАР и Арктике. Начиная с 1990-х годов в эти процессы активно включались субнациональные регионы и негосударственные акторы международных отношений (транснациональные компании, культурные и образовательные учреждения, университеты), что свидетельствует о видо-

¹²Finland Withdraws from the Barents Euro-Arctic Council. 21.11.2024.

изменении политической идеологии регионализма в мире в целом и в Северной Европе в частности и ее эволюции от старого регионализма к новому.

В первом десятилетии XXI века были очевидны попытки стран Северной Европы, с одной стороны, сохранить свою идентичность в условиях расширяющейся глобализации, с другой – извлечь из нее выгоду. В частности, в отчете СМСС 2000 года «Открыты ветрам перемен: Северная Европа 2000» среди проблемных зон отдельно отмечена глобализация, которая «в целом носит позитивный характер для региона, но может привести к ослаблению возможностей национального и демократического влияния»¹³. В связи с этим в отчете нашло отражение следующая рекомендация: более тесное сотрудничество и имплементация совместных инициатив для сохранения традиционных для региона ценностей. В документе 2005 года указано, что «северное сотрудничество направлено на сохранение скандинавских языков, истории и традиций во все более глобализирующемся мире»¹⁴. Уже в обновленной версии 2011 года отмечается, что «премьер-министры стран Северной Европы проводят регулярные встречи для обсуждения того, как наилучшим образом ответить на вызовы, возникающие в результате глобализации, и извлечь выгоду из потенциала, который она предлагает»¹⁵. В данном случае отчетливо наблюдается эволюция идейно-политических оснований процессов североевропейской ре-

гионализации. Изначально она была направлена на защиту традиционных ценностей от влияния глобализации и культурный протекционизм. С 1990-х годов страны Северной Европы пытаются вовлечь в орбиту своих ценностей страны Балтии и Россию. Но уже во втором десятилетии XXI века они ставят перед собой более амбициозные цели: активное включение в процессы глобализации в целях повышения своих конкурентных преимуществ в мире.

В связи с этим в 2013 году министры по сотрудничеству поручили секретариату Северного совета проанализировать идею создания совместной стратегии брендинга региона [28, с. 87], что привело к выпуску первого документа в 2014 году¹⁶ и его обновлению в 2019¹⁷ и 2022¹⁸ годах. В настоящее время региональный проект по брендированию Северной Европы «Северная перспектива» существует уже 10 лет, пройдя три стратегических периода (2015–2018, 2019–2021 и 2022–2024 годы).

Проанализировав стратегии, можно отметить, что брендинг Северной Европы эволюционировал от создания имиджа, основанного на общих ценностях, к более детализированным стратегиям, ориентированным на конкретные результаты. В последней стратегии акцент сместился на адаптацию к глобальным вызовам (изменение климата, цифровизация). Можно проследить и изменение целей: если изначально брендинг был направлен на формирование и укрепление общерегиональных ценностей

¹³Open to the Winds of Change: Norden 2000 (Wise Men Report). Copenhagen: Nordic Council and Nordic Council of Ministers, 2000. 120 p.

¹⁴Co-Operation for Strength. Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2005. 32 p. URL: <https://norden.diva-portal.org/smash/record.jsf?dsid=-1496&pid=diva2%3A700569> (дата обращения: 27.05.2025).

¹⁵Nordic Co-Operation. Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2011. 20 p. URL: <https://norden.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A701691&dsid=6430> (дата обращения: 27.05.2025).

¹⁶Strategy for International Branding of the Nordic Region 2015–2018, 2014. URL: <http://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:783406/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁷Strategy for International Branding of the Nordic Region 2019–2021, 2019. URL: <https://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:1279355/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁸Strategy for International Branding of the Nordic Region 2022–2024, 2022. URL: <https://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:1715426/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).

и их сохранение в условиях глобализации, то последняя стратегия направлена на адаптацию к глобализационным процессам и трансляцию ценностей и культуры Северной Европы в глобальное пространство. Под этим были реальные основания. На протяжении многих лет страны Северной Европы входят в десятку мировых лидеров в индексах глобализации. В настоящее время посредством совместного брендинга региона североевропейские государства стремятся сформировать свой образ как стран-лидеров в различных сферах (борьба с изменением климата, инновации и цифровые технологии), а также как безопасное и стабильное место для инвестиций и туризма.

Заключение. На основе вышеизложенного можно отметить, что процессы регионализации в Северной Европе прошли длительный исторический путь и ее идейно-политические основания и цели эволюционировали в пространстве и времени. В период с конца XIV века и до середины XX века формировались исторические предпосылки процессов регионализации, которые развивались противоречиво и сочетали в себе как конфликты, так и стремление к сотрудничеству.

Первый период собственно регионостроительства начался с создания Северного совета в 1952 году и продолжался до 1990-х годов. Здесь очевидно конструирование региона на основе концепции старого регионализма. В этот процесс преимущественно были вовлечены близлежащие государства с общей историей, идентичными культурно-национальными традициями, схожими политическими и экономическими структурами. Главной целью регионализации являлось стремление сохранять и развивать свою культурно-национальную и региональную идентичность.

Второй период охватывает 1990–2013 годы, когда в процессы североевропейской регионализации включаются страны Балтии и Россия, имеющие принципиально иные культур-

но-исторические, политические и экономические традиции. В рамках таких форматов регионального взаимодействия, как Совет государств Балтийского моря, БЕАР и Арктический совет, страны Северной Европы наряду с попытками сохранения собственной идентичности пытаются транслировать свои ценности на близлежащее окружение и повысить свою конкурентоспособность в регионе. Процессы конструирования региона с этого периода начинают основываться на концепции нового регионализма. В них вместе с государствами активно включаются наднациональные (Европейский союз), субнациональные регионы, множество негосударственных акторов.

Наконец, третий период ведет отчет с 2014 года, когда была принята первая стратегия брендинга региона в глобальное пространство с целью повышения собственного имиджа в мире и извлечения выгод и преимуществ из глобализации. В частности, Стратегия международного брендинга Северной Европы на 2022–2024 годы преследует цель представить регион в глобальном масштабе и повысить конкурентоспособность и международное влияние с учетом современных вызовов (климатический кризис, цифровая трансформация и глобальная нестабильность). В числе ключевых задач заявлены: позиционирование региона как лидера в борьбе с изменением климата; продвижение Северной Европы как центра инноваций и цифровых технологий; укрепление имиджа региона как безопасного и стабильного места для инвестиций и туризма.

Данные «Евробарометра»¹⁹ за 2020 год свидетельствуют, что североевропейским странам удастся сохранить региональную идентичность – более 50 % жителей Северной Европы идентифицируют себя с регионом проживания, более 98 % жителей региона владеют родным языком. Но очевидно влияние на них европейских ценностей – практически

¹⁹Values and Identities of EU Citizens, 2020. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2230> (дата обращения: 15.06.2025).

50 % считают себя гражданами Европы, а имеющиеся данные по Норвегии за 1994–2020 годы показывают, что восприятие региональной идентичности неуклонно уменьшается: с 89,9 в 1994 году до 85 % в 2020 году²⁰. Одновременно за период 2012–2024 годов в странах Северной

Европы возрос удельный вес лиц, владеющих языком международного общения – английским²¹. Иными словами, натиск процессов глобализации по западноевропейскому образцу странам Северной Европы удается сдерживать с большим трудом.

Список литературы

1. *Воскресенский А.Д.* Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнит. политика. 2012. № 2(8). С. 30–58. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-2\(8\)-30-58](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-2(8)-30-58)
2. *Куйбарь В.И.* Глобальная регионализация как один из факторов формирования философии диалектического реализма (теоретико-методологический эскиз) // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Философия. 2009. № 6. С. 52–55.
3. *Лагутина М.Л., Михайленко Е.Б.* Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов // Вестн. РУДН. Сер.: Междунар. отношения. 2020. № 2. С. 261–278. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-2-261-278>
4. *Щипков В.А.* Регионализм как идеология глобализма: моногр. М.: МГИМО-Ун-т, 2017. 188 с.
5. *Hettne B.* The Europeanization of Europe: Endogenous and Exogenous Dimensions // J. Eur. Integr. 2002. Vol. 24, № 4. P. 325–340. <http://doi.org/10.1080/0703633022000038968>
6. *Hettne B., Soderbaum F.* Theorising the Rise of Regionness // New Polit. Econ. 2000. Vol. 5, № 3. P. 457–473.
7. *De Lombaerde P., Söderbaum F., Van Langenhove L., Baert F.* The Problem of Comparison in Comparative Regionalism. Univ. Miami, 2009. 22 p.
8. *Söderbaum F.* Early, Old, New and Comparative Regionalism: The Scholarly Development of the Field // KFG Working Paper Series No. 46, Kolleg-Forschergruppe (KFG) “The Transformative Power of Europe”. Freie Universität Berlin, 2015. 28 p. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2687942>
9. *Возгрин В.Е.* Скандинавизм: первая попытка интеграции европейских народов // Вестн. С.-Петерб. ун-та. История. 2015. Вып. 3. С. 54–64.
10. *Катцова М.А.* К проблеме сотрудничества скандинавских стран в 1910-е гг.: первый опыт координации дипломатических действий // Вестн. С.-Петерб. ун-та. История. 2009. Вып. 1. С. 213–220.
11. *Катцова М.А.* К проблеме истоков северного регионализма: феномен «практического скандинавизма» в последней трети XIX – первой половине XX вв. (часть I) // Тр. каф. истории Нового и новейшего времени. 2011. № 6. С. 56–78.
12. *Катцова М.А.* Образование Северных Ассоциаций и их роль в становлении сотрудничества скандинавских стран и Финляндии в 1920-е гг. // Тр. каф. истории Нового и новейшего времени. 2009. № 3. С. 79–92.
13. *Корунова Е.В.* Нейтралитет или участие? Вторая мировая война и эволюция внешнеполитических концепций скандинавских стран // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25: Междунар. отношения и мировая политика. 2020. Т. 12, № 3. С. 222–256. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2020-12-3-222-256>

²⁰Nærhet og likhet i kommunal velferd, 1994. URL: https://surveybanken.sikt.no/no/study/f8265436-c6dc-4203-a9f8-66c715e9dc0b/3?type=analyses&elems=bc62148a-f3f8-4f87-8932-6642f12e8723_1&file=7118e2fd-bfc5-4ac6-aef8-2828c2f538f6_2 (дата обращения: 15.06.2025); Norsk medborgerpanel runde 18, 2020. URL: https://surveybanken.sikt.no/no/study/5e215666-f563-431f-8360-1e28a9617398/24?type=analyses&elems=b93e633f-f580-4be5-aa8a-6168701cd34a_3&file=d0d2c431-1131-41b1-8454-f6c66d9b699c_11 (дата обращения: 15.06.2025).

²¹Explore Top Languages in Denmark. URL: <https://languageknowledge.eu/countries/denmark> (дата обращения: 15.06.2025); Explore Top Languages in Finland. URL: <https://languageknowledge.eu/countries/finland> (дата обращения: 15.06.2025); Explore top Languages in Sweden. URL: <https://languageknowledge.eu/countries/sweden> (дата обращения: 15.06.2025).

14. *Andersson H.E.* What Activates an Identity? The Case of Norden // *Int. Relat.* 2010. Vol. 24, № 1. P. 46–64. <https://doi.org/10.1177/0047117809359039>
15. *Bonsdorff G.* Regional Cooperation of the Nordic Countries // *Coop. Confl.* 1965. Vol. 1, № 1. P. 32–38. <https://doi.org/10.1177/001083676500100103>
16. *Strang J.* Nordic Political and Economic Cooperation: Context, History and Outlook // *ASEAN Energy Market Integration, Energy Security and Connectivity: The Nordic and European Union Approaches*. Singapore: Energy Studies Institute, 2016. 19 p. URL: https://www.asean-aemi.org/wp-content/uploads/2015/11/AEMI-Connectivity-Singapore_JohanStrang.pdf (дата обращения: 25.05.2025).
17. *Gustafsson H.* A State That Failed? On the Union of Kalmar, Especially Its Dissolution // *Scand. J. Hist.* 2006. Vol. 31, № 3-4. P. 205–220. <https://doi.org/10.1080/03468750600930720>
18. *Бабынина Л.О.* Страны Северной Европы и дифференциация в ЕС // *Соврем. Европа*. 2007. № 3(31). С. 58–72.
19. *Зарецкая О.В.* Регионализм во внешней политике Норвегии и Швеции (1945–2000 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2008. 207 с.
20. *Зарецкая О.В.* Евроинтеграция, регионализм Швеции и Норвегии и попытка создания Северного экономического сообщества в 1960–1970-е годы // *Ученые записки кафедры всеобщей истории Северного (Арктического) федерального университета*. Вып. 2. Архангельск, 2013. С. 81–90.
21. *Etzold T.* The Case of the Nordic Councils. Mapping Multilateralism in Transition No. 1. Vienna: International Peace Institute, 2013. 13 p.
22. *Forsberg T.* The Rise of Nordic Defence Cooperation: A Return to Regionalism? // *Int. Aff.* 2013. Vol. 89, № 5. P. 1161–1181. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12065>
23. *Parker N.* Differentiating, Collaborating, Outdoing: Nordic Identity and Marginality in the Contemporary World // *Identities*. 2002. Vol. 9, № 3. P. 355–381. <https://doi.org/10.1080/10702890213973>
24. *Jalava M.* The Nordic Countries as a Historical and Historiographical Region: Towards a Critical Writing of Translocal History // *Hist. Historiogr. Int. J. Theory Hist. Historiography*. 2012. Vol. 6, № 11. P. 244–264. <https://doi.org/10.15848/hh.v0i11.477>
25. *Воронков Л.С.* Страны Северной Европы, «Северное измерение» и Россия // *Аналит. зап. Ин-та по междунар. исслед. МГИМО (У) МИД России*. 2009. № 1(41). С. 3–21.
26. *Исупова К.Б.* Северо-европейский регионализм как фактор сотрудничества с Европейским союзом // *Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки*. 2014. № 1. С. 23–27.
27. *Browning C.S.* Branding Nordicity: Models, Identity and the Decline of Exceptionalism // *Coop. Confl.* 2007. Vol. 42, № 1. P. 27–51. <https://doi.org/10.1177/0010836707073475>
28. *Magnus J.* International Branding of the Nordic Region // *Place Branding Public Dipl.* 2016. Vol. 12. P. 195–200. <https://doi.org/10.1057/s41254-016-0015-9>
29. *Рюер Я.Г.* История средневековых цивилизаций: в 5 ч. Ч. 3. Западная, Центральная и Южная Европа в первой половине II тысячелетия. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. 240 с.
30. *Landiss P.* Nordic Cooperation in the Post-Cold War Era: A Study of Institutional Persistence. St. Louis: Univ. Missouri, 2012. 251 p. URL: <https://irl.umsl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1338&context=dissertation> (дата обращения: 25.05.2025).
31. *Global Politics of Regionalism: Theory and Practice* / ed. by M. Farrell, B. Hettne, L. Van Langenhove. London: Pluto Press, 2005. 336 p.
32. *Østergård U.* The Geopolitics of Nordic Identity: From Composite States to Nation-States. Dansk Udenrigspolitisk Institut, 1997. URL: <https://ciaotest.cc.columbia.edu/wps/osu01/> (дата обращения: 22.05.2025).
33. *Дубинко-Гуца Е.О.* Исторические предпосылки шлезвиг-гольштейнского конфликта и его влияние на формирование внешней политики Дании // *Тр. каф. истории Нового и новейшего времени*. 2011. № 7. С. 132–138.
34. *Dooyuran P.* The Nordic Regionalism From the 'Below': The Old and the New Division of Regionalism and the Reason Behind the Weak Nordic Cooperation on Security and Economy. Lund: Lund Univ., 2012. 63 p. URL: <https://www.lunduniversity.lu.se/lup/publication/3030982> (дата обращения: 09.06.2025).
35. *Чистиков М.Н.* Трансформация Арктического совета и Совета Баренцева/Евроарктического региона под воздействием международно-политического кризиса 2022 г. // *Анализ и прогноз. Журн. ИМЭМО РАН*. 2024. № 2. С. 84–97. <https://doi.org/10.20542/afj-2024-2-84-97>

36. Володькин А.А. Становление балтийского регионализма // Журн. междунар. права и междунар. отношений. 2006. № 2. С. 45–51. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/22611> (дата обращения: 15.06.2025).

References

1. Voskresenskiy A.D. Kontseptsii regionalizatsii, regional'nykh podsystem, regional'nykh kompleksov i regional'nykh transformatsiy v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, Regional Complexes and Regional Transformations in Contemporary IR]. *Sravnitel'naya politika*, 2012, no. 2, pp. 30–58. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-2\(8\)-30-58](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-2(8)-30-58)
2. Kuybar' V.I. Global'naya regionalizatsiya kak odin iz faktorov formirovaniya filosofii dialekticheskogo realizma (teoretiko-metodologicheskii eskiz) [The Global Regionalisation as One of the Factors of the Formation of Philosophy of the Dialectical Realism]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya*, 2009, no. 6, pp. 52–55.
3. Lagutina M.L., Mikhaylenko E.B. Regionalism in Global Era: Overview of Foreign and Russian Approaches. *Vestn. RUDN Int. Relat.*, 2020, no. 2, pp. 261–278 (in Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-2-261-278>
4. Shchipkov V.A. *Regionalizm kak ideologiya globalizma* [Regionalism as a Globalist Ideology]. Moscow, 2017. 188 p.
5. Hettne B. The Europeanization of Europe: Endogenous and Exogenous Dimensions. *J. Eur. Integr.*, 2002, vol. 24, no. 4, pp. 325–340. <http://doi.org/10.1080/0703633022000038968>
6. Hettne B., Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness. *New Polit. Econ.*, 2000, vol. 5, no. 3, pp. 457–473.
7. De Lombaerde P., Söderbaum F., Van Langenhove L., Baert F. *The Problem of Comparison in Comparative Regionalism*. University of Miami, 2009. 22 p.
8. Söderbaum F. Early, Old, New and Comparative Regionalism: The Scholarly Development of the Field. *KFG Working Paper Series No. 46, Kolleg-Forschergruppe (KFG) "The Transformative Power of Europe"*. Freie Universität Berlin, 2015. 28 p. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2687942>
9. Vozgrin V.E. Skandinavizm: pervaya popytka integratsii evropeyskikh narodov [Scandinavism as the First Attempt of Integration of the European Nations]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, 2015, no. 3, pp. 54–64.
10. Kattsova M.A. K probleme sotrudnichestva skandinavskikh stran v 1910-e gg.: pervyy opyt koordinatsii diplomaticheskikh deystviy [On the Problem of Scandinavian Cooperation in the 1910s: The First Experience of Diplomatic Activity Coordination]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, 2009, no. 1, pp. 213–220.
11. Kattsova M.A. K probleme istokov severnogo regionalizma: fenomen "prakticheskogo skandinavizma" v posledney treti XIX – pervoy polovine XX vv. (chast' I) [To the Problem of the Origins of Northern Regionalism: The Phenomenon of "Practical Scandinavianism" in the Last Third of XIX – First Half of XX Centuries (Part I)]. *Trudy kafedry istorii Novogo i noveyshego vremeni*, 2011, no. 6, pp. 56–78.
12. Kattsova M.A. Obrazovanie Severnykh Assotsiatsiy i ikh rol' v stanovlenii sotrudnichestva skandinavskikh stran i Finlyandii v 1920-e gg. [The Formation of the Nordic Association and Their Role in the Development of Cooperation of the Scandinavian Countries and Finland in 1920]. *Trudy kafedry istorii Novogo i noveyshego vremeni*, 2009, no. 3, pp. 79–92.
13. Korunova E.V. Neytralitet ili uchastie? Vtoraya mirovaya voyna i evolyutsiya vneshnepoliticheskikh kontseptsiy skandinavskikh stran [Neutrality or Involvement? World War II and Evolution of Foreign Policy Concepts of the Nordic Countries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, 2020, vol. 12, no. 3, pp. 222–256. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2020-12-3-222-256>
14. Andersson H.E. What Activates an Identity? The Case of Norden. *Int. Relat.*, 2010, vol. 24, no. 1, pp. 46–64. <https://doi.org/10.1177/0047117809359039>
15. Bonsdorff G. Regional Cooperation of the Nordic Countries. *Coop. Confl.*, 1965, vol. 1, no. 1, pp. 32–38. <https://doi.org/10.1177/001083676500100103>
16. Strang J. Nordic Political and Economic Cooperation: Context, History and Outlook. *ASEAN Energy Market Integration, Energy Security and Connectivity: The Nordic and European Union Approaches*. Singapore, 2016. 19 p. Available at: https://www.asean-aemi.org/wp-content/uploads/2015/11/AEMI-Connectivity-Singapore_JohanStrang.pdf (accessed: 25 May 2025).

17. Gustafsson H. A State That Failed? On the Union of Kalmar, Especially Its Dissolution. *Scand. J. Hist.*, 2006, vol. 31, no. 3-4, pp. 205–220. <https://doi.org/10.1080/03468750600930720>
18. Babynina L.O. Strany Severnoy Evropy i differentsiatsiya v ES [Nordic Countries and Differentiation in the EU]. *Sovremennaya Evropa*, 2007, no. 3, pp. 58–72.
19. Zaretskaya O.V. *Regionalizm vo vneshney politike Norvegii i Shvetsii (1945–2000 gg.)* [Regionalism in the Foreign Policies of Norway and Sweden (1945–2000): Diss.]. Arkhangelsk, 2008. 207 p.
20. Zaretskaya O.V. Evrointegratsiya, regionalizm Shvetsii i Norvegii i popytka sozdaniya Severnogo ekonomicheskogo soobshchestva v 1960–1970-e gody [European Integration, Regionalism in Sweden and Norway, and the Attempt to Create a Nordic Economic Community in the 1960s – 1970s]. *Uchenye zapiski kafedry vseobshchey istorii Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta* [Proceedings of the World History Department of Northern (Arctic) Federal University]. Iss. 2. Arkhangelsk, 2013, pp. 81–90.
21. Etzold T. *The Case of the Nordic Councils. Mapping Multilateralism in Transition No. 1*. Vienna, 2013. 13 p.
22. Forsberg T. The Rise of Nordic Defence Cooperation: A Return to Regionalism? *Int. Aff.*, 2013, vol. 89, no. 5, pp. 1161–1181. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12065>
23. Parker N. Differentiating, Collaborating, Outdoing: Nordic Identity and Marginality in the Contemporary World. *Identities*, 2002, vol. 9, no. 3, pp. 355–381. <https://doi.org/10.1080/10702890213973>
24. Jalava M. The Nordic Countries as a Historical and Historiographical Region: Towards a Critical Writing of Translocal History. *Hist. Historiogr. Int. J. Theory Hist. Historiography*, 2012, vol. 6, no. 11, pp. 244–264. <https://doi.org/10.15848/hh.v0i11.477>
25. Voronkov L.S. Strany Severnoy Evropy, “Severnoe izmerenie” i Rossiya [Nordic Countries, “Northern Dimension” and Russia]. *Analiticheskie zapiski Instituta po mezhdunarodnym issledovaniyam MGIMO (U) MID Rossii*, 2009, no. 1, pp. 3–21.
26. Isupova K.B. Severoevropeyskiy regionalizm kak faktor sotrudnichestva s Evropeyskim soyuzom [Regionalism in Northern Europe as a Factor of Cooperation with the European Union]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2014, no. 1, pp. 23–27.
27. Browning C.S. Branding Nordicity: Models, Identity and the Decline of Exceptionalism. *Coop. Confl.*, 2007, vol. 42, no. 1, pp. 27–51. <https://doi.org/10.1177/0010836707073475>
28. Magnus J. International Branding of the Nordic Region. *Place Branding Public Dipl.*, 2016, vol. 12, pp. 195–200. <https://doi.org/10.1057/s41254-016-0015-9>
29. Rier Ya.G. *Istoriya srednevekovykh tsivilizatsiy. Ch. 3. Zapadnaya, Tsentral'naya i Yuzhnaya Evropa v pervoy polovine II tysyacheletiya* [History of Mediaeval Civilizations. Pt. 3. Western, Central and Southern Europe in the First Half of the 2nd Millennium]. Mogilev, 2003. 240 p.
30. Landiss P. *Nordic Cooperation in the Post-Cold War Era: A Study of Institutional Persistence*. St. Louis, 2012. 251 p. Available at: <https://irl.umsl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1338&context=dissertation> (accessed: 25 May 2025).
31. Farrell M., Hettne B., Van Langenhove L. (eds.). *Global Politics of Regionalism: Theory and Practice*. London, 2005. 336 p.
32. Østergård U. *The Geopolitics of Nordic Identity: From Composite States to Nation-States*. Dansk Udenrigspolitisk Institut, 1997. Available at: <https://ciaotest.cc.columbia.edu/wps/osu01/> (accessed: 22 May 2025).
33. Dubinko-Gushcha E.O. Istoricheskie predposylki shlezvig-gol'shteynskogo konflikta i ego vliyanie na formirovanie vneshney politiki Daniy [Schleswig-Holstein and the Foreign Policy of Denmark]. *Trudy kafedry istorii Novogo i noveyshego vremeni*, 2011, no. 7, pp. 132–138.
34. Doyuran P. *The Nordic Regionalism From the 'Below': The Old and the New Division of Regionalism and the Reason Behind the Weak Nordic Cooperation on Security and Economy*. Lund, 2012. 63 p. Available at: <https://www.lunduniversity.lu.se/lup/publication/3030982> (accessed: 9 June 2025).
35. Chistikov M.N. The Transformation of the Arctic Council and the Barents Euro-Arctic Council Amid the International Crisis of 2022. *Anal. Forecast. IMEMO J.*, 2024, no. 2, pp. 84–97 (in Russ.). <https://doi.org/10.20542/afj-2024-2-84-97>
36. Volod'kin A.A. Stanovlenie baltiyskogo regionalizma [Baltic Regionalism Emergence]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy*, 2006, no. 2, pp. 45–51. Available at: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/22611> (accessed: 15 June 2025).

Соколова Ф.Х., Труфанова Е.А.

Процессы регионализации в Северной Европе: истоки становления и динамика развития

Информация об авторах

Ф.Х. Соколова – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 4).

Е.А. Труфанова – ассистент кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 4).

Поступила в редакцию 19.06.2025
Одобрена после рецензирования 20.08.2025
Принята к публикации 25.08.2025

Information about the authors

Flera Kh. Sokolova, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Prof. at the Department of Regional Studies, International Relations and Political Sciences, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: prosp. Lomonosova 4, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Elizaveta A. Trufanova, Teaching Assistant at the Department of Regional Studies, International Relations and Political Sciences, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: prosp. Lomonosova 4, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Submitted 19 June 2025
Approved after reviewing 20 August 2025
Accepted for publication 25 August 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 5. С. 21–29.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 21–29.

Научная статья
УДК [94(470.46).083:316.343.722]:369.013.3
DOI: 10.37482/2687-1505-V457

Страхование рабочих на соляных промыслах Астраханской губернии в начале XX века

Таисия Васильевна Юдина^{1✉}
Марина Марксовна Хайрлапова²

¹Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия,
e-mail: taisia.yudina@volsu.ru[✉], ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0526-6484>

²Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия,
e-mail: marina.aldongarova@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5718-083X>

Аннотация. В статье исследуются взаимоотношения солепромышленников и рабочих соляной отрасли по вопросам страхования. Охрана жизни и здоровья рабочих в начале XX века являлась трудноразрешимой проблемой на предприятиях страны – число несчастных случаев возрастало. К несчастным случаям приводила работа в санитарно-технических условиях, не соответствующих необходимым требованиям. Однако улучшению санитарно-технического состояния предприятий их владельцы не уделяли должного внимания, как и вопросам организации безопасности труда. Уровень самосознания рабочих относительно культуры охраны труда оставался очень низким. С помощью историко-сравнительного метода авторам удалось выявить тенденции развития государственной политики в «рабочем вопросе» на соляных промыслах Астраханской губернии. В ходе исследования показано, что законодательство в соляной отрасли выступало главным рычагом, регламентирующим отношения солепромышленников и рабочих в аспекте условий труда и жизни последних. На конкретных примерах рассмотрен механизм действия отдельных статей закона от 2 июня 1903 года в рамках соляной отрасли, обращено внимание на то, как соблюдался закон от 23 июня 1912 года по страхованию рабочих от несчастных случаев на соляных промыслах Астраханской губернии. Авторы приходят к выводу, что страховая система Российской империи, оформившаяся в начале XX века, на практике показала позитивные результаты. Разрешение производственных несчастных случаев, влекших за собой увечья и смерть рабочих, с предоставлением им или членам их семей пособий, единовременных вознаграждений, выплачиваемых солепромышленниками Астраханской губернии в соответствии с государственным законодательством, позволяло пострадавшим проходить лечение, поддерживать приемлемый уровень жизни.

Ключевые слова: соляная отрасль, соляные промыслы, солепромышленники, страхование рабочих, несчастные случаи на производстве, страховая система Российской империи, Астраханская губерния

Для цитирования: Юдина, Т. В. Страхование рабочих на соляных промыслах Астраханской губернии в начале XX века / Т. В. Юдина, М. М. Хайрлапова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 5. – С. 21-29. – DOI 10.37482/2687-1505-V457.

Original article

Insurance of Workers in the Salt Fields of the Astrakhan Province in the Early 20th Century

Taisiya V. Yudina¹✉

Marina M. Khairlapova²

¹Volgograd State University, Volgograd, Russia,

e-mail: taisya.yudina@volsu.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0526-6484>

²V.N. Tatishchev Astrakhan State University, Astrakhan, Russia,

e-mail: marina.aldongarova@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5718-083X>

Abstract. The article examines the relationships between salt producers and workers in the salt industry concerning insurance issues. Protecting the life and health of workers in the early 20th century was an intractable problem for Russian enterprises, and the number of accidents, caused by poor sanitary and technical conditions, was increasing. However, the owners did not pay due attention either to the improvement of sanitary and technical conditions or to occupational safety. The level of workers' understanding of occupational safety remained very low. Using the comparative historical method, the authors were able to identify trends in the development of state policy on the "labour problem" in the salt fields of the Astrakhan Province. The study demonstrates that the legislation in the salt industry was the main lever regulating the relationships between salt producers and workers in matters of the working and living conditions of the latter. The mechanism of operation of certain articles of the law of June 2, 1903 in the salt industry is presented using concrete examples. In addition, the paper looks at compliance with the law of June 23, 1912 on insuring workers against accidents in the salt fields of the Astrakhan Province. The authors conclude that the insurance system of the Russian Empire, which took shape in the early 20th century, showed positive results. In compliance with the state legislation, in case of occupational accidents resulting in injury or death of workers, salt producers of the Astrakhan Province paid benefits and one-time remunerations to workers or their family members, which allowed those affected to receive medical treatment and maintain an acceptable standard of living.

Keywords: salt industry, salt extraction, salt producers, workers' insurance, occupational accidents, insurance system of the Russian Empire, Astrakhan Province

For citation: Yudina T.V., Khairlapova M.M. Insurance of Workers in the Salt Fields of the Astrakhan Province in the Early 20th Century. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 21–29. DOI: 10.37482/2687-1505-V457

«Рабочий вопрос» в начале XX века в Российской империи являлся одним из актуальных социально-политических вопросов. Обострение взаимоотношений рабочих и предпринимателей было обусловлено низким уровнем социально-экономического положения первых и требовало внимания со стороны российского правительства. Следует заметить, что не-

обходимость разработки фабрично-заводского законодательства в Российской империи стала нарастать уже к концу 1850-х годов. На страницах печати распространялись идеи решения «рабочего вопроса». После отмены крепостного права в российской промышленности начинает развиваться институт социального страхования рабочих [1, с. 129]. Однако закон

«О вознаграждении потерпевших вследствие несчастного случая рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности» был принят только после длительных обсуждений в начале XX века – 2 июня 1903 года¹. Согласно закону, промышленники были обязаны оказывать помощь пострадавшему рабочему, нести ответственность за увечья и смерть рабочего на производстве, выплачивать вознаграждение в виде пособий или пенсий пострадавшим и членам их семей.

Вопросам подготовки и обсуждения страховых законопроектов, страхования рабочих в начале XX века и применения на практике законов в российской промышленности посвящено достаточное количество научных работ [2–6]. Однако, несмотря на имеющиеся достижения, для воссоздания исторического опыта социального обеспечения в Российской империи начала XX века необходимо обратить внимание на реализацию нормативно-правовой базы в конкретной отрасли. Несомненный интерес представляют соляные промыслы Астраханской губернии, одной из самых значимых территорий соледобычи в России начала XX века. В современной отечественной исторической литературе отдельные исследователи в рамках изучения условий труда и быта рабочих фрагментарно обращались к вопросу их страхования [7, 8], в зарубежной историографии данная тема практически не получила освещения [9]. Документальный материал, выявленный в Государственном архиве Астраханской области (ГААО) и впервые вводимый в научный оборот, расширяет представление о положении рабочих

соляных промыслов Астраханской губернии и формах социального страхования. Этим обусловлены новизна исследования и личный вклад авторов в разработку темы.

Цель настоящей работы заключается в изучении реализации законов Российской империи по вопросам страхования рабочих на соляных промыслах Астраханской губернии в начале XX века. Территориальные рамки ограничены Астраханской губернией, которая занимала второе место в стране по добыче соли после Донецкого бассейна и на примере которой можно проиллюстрировать реализацию законов 1903 и 1912 годов в отношении рабочих, получивших увечья на производстве: порядок обращения, рассмотрение несчастных случаев и принятие решений по компенсации. В качестве хронологических рамок выбран период с 1903 по 1917 год – время принятия и вступления в силу вышеупомянутых законов в Российской империи.

Основными источниками настоящего исследования стали законодательные акты от 2 июня 1903 года и от 23 июня 1912 года², а также делопроизводственная документация, представленная перепиской, извещениями, протоколами, сведениями о несчастных случаях на предприятиях соляной отрасли Астраханской губернии, обнаруженная в фонде 18 ГААО. Применение историко-описательного и историко-сравнительного методов позволило составить представление о реализации законов на практике.

На основе выявленных материалов удалось установить, что условия труда рабочих на соляных промыслах Астраханской губернии были тяжелыми, соляные участки технически не оснаща-

¹Высочайше утвержденные правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 2 июня 1903 г. // ПСЗРИ (Полн. собр. законов Рос. империи). Собр. 3-е: в 33 т. Т. 23, отд-ние 1: от № 22360–23838 и доп. СПб.: Гос. тип., 1903. № 23060. С. 595–600.

²Об обеспечении рабочих на случай болезни. Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон 23 июня 1912 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е: в 33 т. Т. 32, отд-ние 1: от № 36391–38603 и доп. СПб.: Гос. тип., 1912. № 37446. С. 855–868; О страховании рабочих от несчастных случаев. Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон 23 июня 1912 г. // Там же. № 37447. С. 868–882.

лись и не развивались, а применение устаревших средств производства не способствовало безопасности труда. В 1905–1910 годах производственные несчастные случаи с рабочими на различных предприятиях соляной промышленности Астраханской губернии были постоянными: в 1905 году на 4 предприятиях зарегистрировано 5 случаев³, которые сопровождались ушибами, придавливанием ног или рук, ссадинами, за исключением случая на буровых работах московского товарищества Б.И. фон Вангель, где рабочий И.И. Кулешов 13 августа 1905 года упал с буровой вышки и разбился насмерть⁴. За 1907–1910 годы на 14 солемольных мельницах пострадало 14 рабочих⁵.

Анализ материалов, касающихся несчастных случаев, показал, что все они произошли в результате производственных травм и привели к частичной потере трудоспособности работников. В соответствии с законом от 2 июня 1903 года пострадавшим гарантировалась выплата пенсии со стороны солепромышленника.

Как разрешались на практике такие случаи? Рассмотрим на примере рабочего Х.Г. Кириллова, трудившегося на солемольной мельнице торгового дома «Михаил Федоров и сыновья». 10 июня 1910 года при отпуске желоба для погрузки соли на баржу ему оторвало левую руку по кисть. После разбирательств, длившихся 4 с лишним месяца, 28 октября 1910 года между торговым домом и Х.Г. Кирилловым было заключено соглашение о годичной пенсии. Результатом несчастного случая стало лишение кисти левой руки, ограничивавшее трудоспособность Х.Г. Кириллова на 65 %, что подтверждалось медицинским свидетельством от 1 августа 1910 года. Рабочему причиталась выплата в 144 р. 34 коп. с 1 августа 1910 года. Однако, в соответствии со ст. 19 закона от 2 июня 1903 года, Кириллов согла-

сился получить единовременное вознаграждение в размере 1443 р. 40 коп.⁶

Аналогичный случай произошел 12 марта 1910 года на мельнице П.В. и Е.П. Шаровых, находившейся на Владимирской пристани Царевского уезда Астраханской губернии. Рабочий Н.Я. Поляков железным ломом ушиб средний палец правой руки, что привело к его потере. Через 8 месяцев, 15 ноября 1910 года, между владельцами мельницы и Н.Я. Поляковым было заключено соглашение. Потеря среднего пальца правой руки ограничила трудоспособность рабочего на 10 %, что подтверждалось медицинским свидетельством от 19 июля 1910 года. Н.Я. Полякову в соответствии с законодательством полагалась годичная пенсия в размере 40 р. с 23 июня. Однако, как и в вышеописанном случае, Н.Я. Поляков получил единовременное вознаграждение в размере 400 р.⁷

Несчастные случаи, происходившие в последующие годы, разрешались при своевременном обращении пострадавших за выплатой вознаграждения. Однако не все владельцы своевременно исполняли свои обязательства перед пострадавшими, и последним приходилось обращаться в вышестоящие инстанции. Так, 30 июня 1911 года на паровой солемольной мельнице А.И. Сурикова, П.Е. Степаненко и М.Е. Кузнецовой, находившейся на Владимирской пристани, произошел несчастный случай с мельником А.А. Маслеевым, который получил при работе увечье левой руки.

12 декабря 1911 года А.А. Маслеев обратился к инженеру горного ведомства Астраханской губернии с прошением, в котором отмечал, что после получения увечья был отправлен в больницу г. Астрахани, по истечении 10 дней возвращен на оз. Баскунчак, в больницу горного ведом-

³ГААО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 274. Л. 60.

⁴Там же. Л. 87.

⁵Там же. Д. 278. Л. 26.

⁶Там же. Л. 208.

⁷Там же. Л. 168.

ства, где пробыл два месяца и 23 дня. После выписки выздоровления руки не произошло, что подтверждалось медицинским свидетельством. Во время болезни владельцы мельницы платили А.А. Маслееву ежемесячное пособие, или так называемое полужалование, – 20 р. до октября 1911 года. К декабрю 1911 года солепромышленники П.Е. Степаненко и М.Е. Кузнецова прекратили выплату, пояснив, что пособие удерживается по измененным обстоятельствам. Третий владелец паровой мельницы, А.И. Суриков, продолжал выплачивать пособие ежемесячно. А.А. Маслеев подчеркивал, что человек он бедный, семейный, к труду неспособный, поэтому обращается с просьбой «войти в защиту несчастного положения» и выдать ему ежемесячное пособие, которым он сможет поддерживать свою семью⁸.

После обращения мельника в горное ведомство Астраханской губернии на основании ст. 31 закона от 2 июня 1903 года было подписано соглашение между владельцами солемольной мельницы и мельником. В нем указывалось, что за несчастный случай 30 июня 1911 года с А.А. Маслеевым, получившим повреждение левой руки и всех пальцев на ней, приведшее к ограничению трудоспособности на 60 %, что удостоверялось медицинским освидетельствованием от 23 января 1912 года, полагалась выплата годичной пенсии в ежемесячном размере 192 р. с 23 января 1912 года. Как и в ранее описанных случаях, вместо данной выплаты А.А. Маслеев согласился, в соответствии со ст. 19 закона от 2 июня 1903 года, на единовременное вознаграждение в размере 1902 р.⁹

Выплаты пособий или пенсий за полученные увечья производились солепромышленниками на основании законодательства.

Согласно последнему, и ответственность за смерть рабочих на производстве возлагалась на владельцев – они должны были выплачивать вознаграждения членам семей пострадавших.

Приведем следующий пример: на соляной мельнице П., Е. и В. Шаровых (оз. Баскунчак Енотаевского уезда Астраханской губернии) в 22 ч. 17 января 1911 года от бугра обвалилась глыба соли, задавившая насмерть 39-летнего чернорабочего грузчика Б. Капджасарова¹⁰. На следующий день производился опрос по поводу его скоропостижной смерти¹¹. Свидетелями выступили 8 рабочих, рассказавших, что днем 17 января они вместе с другими вырубали из бугра соль для подготовки ее к подвозке на мельницу Шаровых для разноса. В 19 ч., приступив к работе, они не заметили, как от бугра обвалился громадный ком соли, который раздавил их товарища¹². Трое других рабочих отмечали, что подрубки и подборки соли под основанием упавшего кома они не делали, а навес под комом от стенки бугра у забоя виден не был. Ком, по их мнению, обвалился по причине трещины в бугре, возникшей от сильных морозов, что было ими замечено в других местах этого бугра после несчастного случая¹³.

После тщательно проведенного опроса свидетелей, изучения материалов дела в течение двух с лишним лет в ноябре 1913 года владелец солемольной мельницы на Баскунчакском озере П.В. Шаров и опекуны малолетних детей погибшего рабочего заключили соглашение. За несчастный случай, произошедший 17 января 1911 года от обвала соли, по ст. 12 закона от 2 июня 1903 года малолетним детям погибшего – сыну Искеку 6 лет и дочери Кульджаман 9 лет – полагалась пенсия в размере 38 р. 57 коп. каждому¹⁴.

⁸ГААО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 280. Л. 153.

⁹Там же. Л. 171.

¹⁰Там же. Л. 14.

¹¹Там же. Л. 47.

¹²Там же. Л. 48.

¹³Там же. Л. 50.

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что в соответствии с законодательством выплаты рабочим, получившим увечья или погибшим в результате несчастных случаев на производстве, в виде пособий, пенсий или единовременных вознаграждений государство вменяло владельцам предприятий.

23 июня 1912 года в Российской империи, как уже упоминалось, в действие вступил блок законов, включавший акты «Об обеспечении рабочих на случай болезни» и «О страховании рабочих от несчастных случаев» [10, с. 326]. При их реализации на практике фабричная и горнозаводская инспекции вели учет предприятий, владельцы которых являлись участниками страховых товариществ, и давали соответствующие распоряжения. При обращении рабочих, получивших какие-либо увечья, представители инспекций объясняли им установленный новым законом порядок получения вознаграждения¹⁵.

В соответствии с законом от 23 июня 1912 года страхование от несчастных случаев рабочих осуществлялось, как было указано и в законе от 2 июня 1903 года, исключительно на средства промышленников, но по новому закону – через создаваемые в небольшом количестве страховые товарищества, управлять делами которых могли только владельцы предприятий. Последние не только являлись участниками товариществ, но и уплачивали взносы за лиц, занятых на предприятиях по найму от подрядчика.

Приведем пример, который покажет на практике реализацию законов от 23 июня 1912 года на соляных промыслах Астраханской губернии в отношении рабочих, получивших увечья.

Так, 16 января 1914 года в машинном отделении солемольной мельницы «Наследники

П.Т. Типкова», находившейся на Владимирской пристани, масленщик М.И. Тамбовцев повредил кисть левой руки. Он крепил подшипник в двигателе машины, держа зубило, а по зубилу ударял кувалдой. Сорвавшаяся с зубила кувалда угодила ему по руке¹⁶.

11 марта 1914 года по просьбе владельца мельницы было проведено освидетельствование в амбулатории Владимирской соляной пристани, которое выявило на тыльной поверхности левой кисти М.И. Тамбовцева обширную мозоль величиной с грецкий орех. Врач горного округа засвидетельствовал перелом, ушиб, а также потерю трудоспособности не более 5 %¹⁷.

7 августа 1914 года М.И. Тамбовцев и владельцы мельницы «Наследники П.Т. Типкова» заключили соглашение о том, что за несчастный случай, произошедший 16 января 1914 года, пострадавшему полагается годовичная пенсия в размере 11 р. 53 коп. начиная с 16 января 1914 года. Вместо нее М.И. Тамбовцев согласился получить в соответствии со ст. 19 закона от 2 июня 1903 года единовременное вознаграждение в размере 165 р. 30 коп.¹⁸ В соответствии со ст. 16 закона от 23 июня 1912 года «О страховании рабочих от несчастных случаев» указанную сумму единовременного вознаграждения М.И. Тамбовцев получил от страхового общества «Россия», в которое ранее было передано медицинское свидетельство врача горного ведомства¹⁹.

В последующие годы количество несчастных случаев на соляных промыслах Астраханской губернии не сокращалось. Если с 1907 по 1910 год их насчитывалось всего 14 (3-4 в год), то только за 1915-й их было 16. На отдельных предприятиях в 1915 году фиксировалось от 4 до 7 несчастных случаев. Если на 5 предприятиях Баскунчакского промысла (на каж-

¹⁴ГААО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 280. Л. 83.

¹⁵Там же. Л. 2.

¹⁶Там же. Д. 286. Л. 19.

¹⁷Там же. Л. 23.

¹⁸Там же. Л. 36.

¹⁹Там же. Л. 28.

дой из трех мельниц, в торговом доме и акционерном обществе) зафиксировано по одному несчастному случаю, то на солемольной мельнице «Наследники П.Т. Типкова» и в акционерном обществе «Океан» на Владимирской пристани – 4 и 7 соответственно²⁰. Проведенный анализ позволил установить, что выплата полагающихся пособий или вознаграждений производилась в соответствии с законодательством.

В 1916 году в Поволжское окружное страховое товарищество, по сведениям окружного инженера Астраханско-Саратовского горного округа, входили владельцы следующих предприятий: акционерное общество «Океан», «Наследники П.Т. Типкова», Общество соледобыывания астраханских рыбопромышленников, рыбороторговцев и ловцов, торговый дом «В.Г. Старцева, П.М. Алексеев, М.Г. Сандалов и К», а также владельцы предприятий по добывающей промышленности на Баскунчакском и Эльтонском соляных промыслах Астраханской губернии В.Ф. Лапшин и М.А. Кирьев²¹. Анализ деятельности товарищества не выявил нарушений в исполнении закона от 23 июня 1912 года. Солепромышленники, входившие в страховое товарищество на основании распоряжения окружного инженера, могли обжаловать данное предписание в Астраханском присутствии по делам страхования рабочих, но обжалование не останавливало его исполнения²². Распоряжение окружного инженера Астраханско-Саратовского горного округа № 422 от 9 марта 1917 года свидетельствует о том, что и другие солепромышленники подчинялись требованиям закона²³.

Таким образом, анализ документов, выявленных в ГААО, показал, что выплата пенсий и пособий рабочим, пострадавшим при несчастных случаях на соляных промыслах Астраханской губернии в начале XX века, производилась в соответствии с законами от 2 июня 1903 года и 23 июня 1912 года.

Подводя итоги, отметим, что закон, принятый 2 июня 1903 года, был необходимой мерой государства в регламентации взаимоотношений промышленников и рабочих по вопросам социального и медицинского страхования последних во всех отраслях промышленности. Обращение к вышеперечисленным примерам показывает значимость данного закона для соляной отрасли Астраханской губернии. Несчастные случаи происходили нередко, и каждый был уникальным, требовавшим применения определенных статей закона.

С принятием закона от 2 июня 1903 года государство не остановилось в разработке вопроса страхования рабочих и 23 июня 1912 года издало блок законов, касавшихся страхования не только от несчастных случаев, но и на случай болезни. Новшеством стали идеи об образовании страховых товариществ из представителей предприятий, на которых трудились рабочие, и об их ответственности перед рабочими.

Сложившаяся в России начала XX века страховая система, проиллюстрированная примерами из соляной отрасли Астраханской губернии, показала на практике свою жизнеспособность, и этот исторический опыт во многом определил организацию деятельности современных российских органов социального страхования.

Список литературы

1. Упоров И.В. Особенности реализации законов о страховании рабочих 1912 года в Российской империи // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 1-2(95). С. 129–132.
2. Герасюнина Ю.Н. Страхование рабочих от несчастных случаев в России в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2006. 305 с.

²⁰ГААО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 162. Л. 9.

²¹Там же. Д. 288. Л. 258–259.

²²Там же. Л. 263.

²³Там же. Л. 312.

3. Демин В.А. Предприниматели в Государственном совете Российской империи: численность, влияние, деятельность // Таврические чтения – 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сб. науч. ст. междунар. науч. конф.: в 2 ч. / под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2018. Ч. 1. С. 127–134.
4. Моторова Н.С. Обсуждение законопроектов о страховании рабочих в III Государственной думе // Таврические чтения – 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сб. науч. ст. междунар. науч. конф.: в 2 ч. / под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2020. Ч. 1. С. 157–164.
5. Лапаева А.В. Столыпинская программа социальных преобразований: рабочий вопрос // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: материалы V Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Тамбов, 2021. Т. 1. С. 38–40.
6. Фанг-Юнг Г.Ю., Шчигорцова Е.С., Абдрахманова Л.В. Краткий обзор важнейших законодательных актов в сфере рабочего законодательства дореволюционной России // Вестн. Рос. ун-та кооперации. 2023. № 4(54). С. 134–138.
7. Алдонгарова (Хайрлапова) М.М. Положение рабочих на соляных промыслах Нижнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестн. Кузбас. гос. техн. ун-та. 2013. № 3(97). С. 130–133.
8. Хайрлапова М.М. Санитарно-медицинские условия труда на соляных промыслах Астраханской губернии в конце XIX – начале XX в. // Власть. 2022. № 1. С. 220–224.
9. Головач Е.И. Деятельность либеральных и правых партий по решению рабочего вопроса в I–IV Государственных думах Российской империи // Копытчинские чтения – V: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В.В. Табунова, А.М. Авласовича. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2022. С. 23–24.
10. Чуранова И.П., Волостнова Т.И. Развитие социального обеспечения в России // Право и гос-во: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 324–327.

References

1. Uporov I.V. Osobennosti realizatsii zakonov o strakhovanii rabochikh 1912 goda v Rossiyskoy imperii [Implementation of the Workers' Insurance Laws of 1912 in the Russian Empire]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, 2023, no. 1-2, pp. 129–132.
2. Gerasyunina Yu.N. Strakhovanie rabochikh ot neschastnykh sluchaev v Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [Accident Insurance for Workers in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries: Diss.]. Saransk, 2006. 305 p.
3. Demin V.A. Predprinimateli v Gosudarstvennom sovete Rossiyskoy imperii: chislennost', vliyanie, deyatel'nost' [Entrepreneurs in the State Council of the Russian Empire: Number, Influence, Activities]. Nikolaev A.B. (ed.). *Tavrisheskie chteniya – 2017. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [Taurida Readings – 2017. Current Issues of Parliamentarism: History and Modernity]. St. Petersburg, 2018. Pt. 1, pp. 127–134.
4. Motorova N.S. Obsuzhdenie zakonoproektov o strakhovanii rabochikh v III Gosudarstvennoy dume [Readings of Draft Laws on Workers' Insurance in the 3rd State Duma]. Nikolaev A.B. (ed.). *Tavrisheskie chteniya – 2019. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [Taurida Readings – 2019. Current Issues of Parliamentarism: History and Modernity]. St. Petersburg, 2020. Pt. 1, pp. 157–164.
5. Lapaeva A.V. Stolypinskaya programma sotsial'nykh preobrazovaniy: rabochiy vopros [Stolypin Programme of Social Reforms: The Labour Problem]. *Tambovskie pravovye chteniya imeni F.N. Plevako* [Tambov Legal Readings Named After F.N. Plevako]. Tambov, 2021. Vol. 1, pp. 38–40.
6. Fang-Yung G.Yu., Shchigortsova E.S., Abdрахmanova L.V. Kratkiy obzor vazhneyshikh zakonodatel'nykh aktov v sfere rabocheho zakonodatel'stva dorevolyutsionnoy Rossii [Brief Overview of the Most Important Legislative Acts in the Sphere of Labor Legislation of Pre-Revolutionary Russia]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii*, 2023, no. 4, pp. 134–138.
7. Aldongarova (Khayrlapova) M.M. Polozhenie rabochikh na solyanykh promyslakh Nizhnego Povolzh'ya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [The Situation of Workers in the Salt Mines of the Lower Volga Region in the Second Half of XIX – Early XX Centuries]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2013, no. 3, pp. 130–133.
8. Khayrlapova M.M. Sanitarno-meditsinskie usloviya truda na solyanykh promyslakh Astrakhanskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX v. [Sanitary and Medical Working Conditions in the Salt Fields of the Astrakhan Province in the Late 19th – Early 20th Century]. *Vlast'*, 2022, no. 1, pp. 220–224.
9. Golovach E.I. Deyatel'nost' liberal'nykh i pravyykh partiy po resheniyu rabocheho voprosa v I–IV Gosudarstvennykh dumakh Rossiyskoy imperii [Efforts of Liberal and Right-Wing Parties to Resolve the Labour Problem in the 1st – 4th

State Dumas of the Russian Empire]. Tabunov V.V., Avlasovich A.M. (eds.). *Kopytkinskie chteniya – V* [Kopytkin Readings – V]. Mogilev, 2022, pp. 23–24.

10. Chiranova I.P., Volostnova T.I. Development of Social Security in Russia. *Law State Theory Pract.*, 2024, no. 5, pp. 324–327 (in Russ.).

Информация об авторах

Т.В. Юдина – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Волгоградского государственного университета (адрес: 400062, г. Волгоград, просп. Университетский, д. 100).

М.М. Хайрлапова – кандидат исторических наук, преподаватель колледжа Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева (адрес: 414056, г. Астрахань, ул. Софьи Перовской, д. 96).

Information about the authors

Taisiya V. Yudina, Dr. Sci. (Hist.), Prof. at the Department of History and International Relations, Volgograd State University, (address: prosp. Universitetskiy 100, Volgograd, 400062, Russia).

Marina M. Khairlapova, Cand. Sci. (Hist.), Teacher at the College of V.N. Tatishchev Astrakhan State University (address: ul. Sof'i Perovskoy 96, Astrakhan, 414056, Russia).

Поступила в редакцию 15.04.2025

Одобрена после рецензирования 18.08.2025

Принята к публикации 20.08.2025

Submitted 15 April 2025

Approved after reviewing 18 August 2025

Accepted for publication 20 August 2025

Артемьев Е.М.

Создание Академии наук КНДР и начало академических обменов СССР и КНДР в 1950-е годы

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 5. С. 30–42.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 30–42.

Научная статья
УДК [94(519)+94(47).084]:061.12
DOI: 10.37482/2687-1505-V458

Создание Академии наук КНДР и начало академических обменов СССР и КНДР в 1950-е годы

Егор Максимович Артемьев

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: artemyev93@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-3710-0378>

Аннотация. В статье освещаются история основания и первые годы существования высшего научного учреждения Северной Кореи – Академии наук Кореической Народно-Демократической Республики. Автор ставит цель раскрыть влияние, которое на данные процессы оказывало сотрудничество КНДР и СССР в научной сфере. В работе раскрываются предыстория и причины создания Академии наук КНДР, проводится сравнительный анализ ее Устава с действовавшим на тот момент Уставом Академии наук СССР, а также упоминаются некоторые публикации в главном печатном издании Академии – «Вестнике Академии наук КНДР». На материалах Архива внешней политики Российской Федерации, Архива Российской академии наук, северокорейских публикаций 1950-х годов и исследований современных российских и южнокорейских историков рассматривается, как сотрудничество с Советским Союзом влияло на деятельность Академии наук КНДР. Анализируются важнейшие документы, задававшие формальные рамки для взаимодействия академий наук двух стран, такие как Соглашение о научно-техническом сотрудничестве между СССР и КНДР (1955) и Соглашение о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Академией наук КНДР (1957), а также приводятся конкретные примеры советско-северокорейских научных контактов в 1950-е годы в сферах сельского хозяйства и геологоразведочной деятельности. Делается вывод о том, что северокорейская академия наук серьезно зависела от сотрудничества с Советским Союзом, организационно копировала советскую Академию. Советские ученые, в свою очередь, в ряде сфер, в частности сельском хозяйстве и химии, перенимали достижения северокорейских коллег. Однако уровень северокорейской науки в рассматриваемый период оставался невысоким.

Ключевые слова: Северная Корея, Академия наук КНДР, Академия наук СССР, международное научное сотрудничество, советско-северокорейские академические обмены, 1950-е годы

Для цитирования: Артемьев, Е. М. Создание Академии наук КНДР и начало академических обменов СССР и КНДР в 1950-е годы / Е. М. Артемьев // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 5. – С. 30-42. – DOI 10.37482/2687-1505-V458.

© Артемьев Е.М., 2025

Original article

Establishment of the North Korean Academy of Sciences and the Start of Academic Exchanges Between the Soviet Union and North Korea in the 1950s

Egor M. Artemyev

St. Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia,
e-mail: artemyev93@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-3710-0378>

Abstract. The article covers the history of the establishment and first years of work of the highest-level scientific institution of North Korea, i.e. the Academy of Sciences of the Democratic People's Republic of Korea. The author undertakes the task of analysing the influence that cooperation between North Korea and the Soviet Union in science had on these processes. The article provides the background and reasons for the creation of the North Korean Academy of Sciences, compares its Charter with that of the Academy of Sciences of the Soviet Union which was in effect at the time, as well as points out some publications in the Academy's main printed periodical, *Bulletin of the Academy of Sciences of the DPRK*. Based on materials from the Foreign Policy Archives of the Russian Federation, Archives of the Russian Academy of Sciences, North Korean publications from the 1950s, and works by contemporary Russian and South Korean historians, the article examines how cooperation with the Soviet Union influenced the activities of the North Korean Academy of Sciences. In addition, it analyses key documents that set the formal framework for the interaction between the two countries' academies of sciences, such as the Agreement on Scientific and Technical Cooperation Between the USSR and the DPRK (1955) and the Agreement on Scientific Cooperation Between the USSR Academy of Sciences and the DPRK Academy of Sciences (1957), as well as provides concrete examples of Soviet-North Korean scientific collaboration on agriculture and geological exploration during the 1950s. A conclusion is drawn that the North Korean academy was heavily dependent on cooperation with the USSR and was copying the organizational structure of the Soviet academy. At the same time, in a number of areas, agriculture and chemistry in particular, Soviet scientists adopted the methods of their North Korean colleagues. However, the level of North Korean science in the period under study was rather low.

Keywords: *North Korea, North Korean Academy of Sciences, Academy of Sciences of the Soviet Union, international scientific collaboration, Soviet-North Korean academic exchanges, 1950s*

For citation: Artemyev E.M. Establishment of the North Korean Academy of Sciences and the Start of Academic Exchanges Between the Soviet Union and North Korea in the 1950s. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 30–42. DOI: 10.37482/2687-1505-V458

Введение. История создания и развития Академии наук Корейской Народно-Демократической Республики (АН КНДР) представляет собой важный аспект проблемы становления научных институтов в странах социалистического лагеря в послевоенный период.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, рассмотрение истории создания АН КНДР позволяет проследить процесс адаптации советской модели организации науки в специфических условиях Северной Кореи. Во-вторых, анализ

академических обменов между СССР и КНДР представляет интерес для понимания механизмов международного научного сотрудничества в 1950-е годы. В-третьих, данная тема остается недостаточно изученной в отечественной и зарубежной историографии, что создает необходимость восполнения существующих пробелов. Объект исследования – процесс создания и становления АН КНДР в 1950-е годы, включая организационную структуру, нормативно-правовую базу учреждения и систему международного научного сотрудничества с СССР.

Цель настоящей статьи – выявить и раскрыть влияние советско-северокорейского научного сотрудничества на процесс создания и развития АН КНДР в 1950-е годы, а также определить характер и масштабы научного обмена между двумя странами.

Задачи исследования: рассмотреть предысторию и причины создания АН КНДР; провести сравнительный анализ организационной структуры и нормативно-правовой базы АН КНДР и АН СССР; выявить основные направления и формы научного сотрудничества между СССР и КНДР в 1950-е годы; установить степень зависимости северокорейской науки от советской поддержки; определить взаимную пользу от научного сотрудничества.

Новизна работы заключается в комплексном анализе материалов Архива внешней политики Российской Федерации (АВПРФ) и Архива Российской академии наук (РАН), а также северокорейских источников 1950-х годов, что позволяет воссоздать целостную картину становления АН КНДР и ее взаимодействия с советскими научными учреждениями. Впервые в отечественной историографии проводится детальный сравнительный анализ уставов АН КНДР и АН СССР, а также исследуются конкретные примеры научного сотрудничества в области сельского хозяйства и геологоразведочной деятельности.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно вносит вклад в изучение истории международного научного сотрудничества в условиях холодной войны, а также

в понимание механизмов трансфера научных моделей между странами социалистического лагеря. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов для анализа современных процессов международного научного сотрудничества и выработки рекомендаций по развитию академических связей.

Гипотеза исследования: создание АН КНДР было обусловлено не только внутренними потребностями развития науки в Северной Корее, но и активным влиянием СССР, который предоставил организационную модель и материальную поддержку для становления северокорейской АН.

Отечественная историография вопроса представлена ограниченным количеством работ, что обусловлено как сложностью доступа к северокорейским источникам, так и спецификой изучаемого периода. Фундаментальный труд Ю.В. Ванина охватывает ранний период становления северокорейского государства, однако не затрагивает вопросы создания АН в 1952 году. Он ценен для понимания общего контекста советско-северокорейских отношений, но не решает задач, поставленных в данном исследовании [1].

Более близкой к данной теме является обзорная статья В.В. Хренова и М.Д. Ростовской, но в ней нет детального анализа архивных материалов [2]. Авторы ограничиваются общими выводами о характере научного сотрудничества КНДР и СССР, не углубляясь в конкретные механизмы взаимодействия между академиями двух стран. Отдельные аспекты формирования северокорейских научных институций описаны в публикации А.Н. Ланькова [3]. Общие сведения об отношениях СССР и КНДР в рассматриваемый период можно почерпнуть из монографии С.О. Курбанова, но научные связи двух стран в работе не освещаются [4].

Южнокорейская историография заявленного вопроса представлена более детальными исследованиями. В комплексном труде Ли Чхунгына и Ким Гесу рассматривается научная система КНДР, однако основное внимание уделя-

ется современному периоду, а история создания АН освещена фрагментарно [5]. Чон Гын-сик, Ким Юн-э и Лим Сучжин фокусируются на вопросах образовательной системы, что важно для понимания научной политики КНДР, но не затрагивают специфику академических институтов [6].

Критический анализ существующих исследований позволяет выявить следующие проблемы в историографии: отсутствие комплексного анализа архивных материалов; недостаточное внимание к нормативно-правовой базе; фрагментарность изучения конкретных направлений сотрудничества – отсутствуют работы, посвященные анализу конкретных примеров научного взаимодействия; недооценка взаимного характера сотрудничества – большинство исследований фокусируется на одностороннем влиянии СССР на КНДР, игнорируя обратное воздействие.

Таким образом, несмотря на наличие значительного количества работ по смежным темам, комплексное исследование истории создания АН КНДР и ее взаимодействия с АН СССР в 1950-е годы остается актуальной научной задачей, решение которой требует обращения к архивным материалам и применения новых методологических подходов.

Источниковая база исследования включает материалы АВПРФ и АРАН, публикации «Вестника Академии наук КНДР» 1950-х годов, а также работы современных российских и южнокорейских историков.

Предыстория и причины создания АН КНДР. После освобождения Корейского полуострова от японского колониального господства в 1945 году власти Северной Кореи уделяли пристальное внимание вопросам развития образования и науки. 8 февраля 1946 года был образован Временный народный комитет Северной Кореи – орган власти, координировавший все преобразования в северной части страны, возглавил его Ким Ир Сен. 23 марта комитетом была принята «Политическая программа из 20 пунктов», посвященная первоочередным вопросам государственного строительства [4, с. 279–280]. В программе

в т. ч. отмечалась необходимость развития науки и поощрения труда научных работников в стране [7, с. 230–232].

Первая попытка создания северокорейскими властями исследовательского учреждения типа академии наук относится к 1947 году, когда был образован Центральный исследовательский институт Северной Кореи (북조선중앙연구소 – «Пукчосон чунан ёнгусо»), который, однако, из-за нехватки кадров, отсутствия материально-технической базы и финансирования вскоре был включен в структуру Университета имени Ким Ир Сена [5, с. 67]. В этот же период начали создаваться научные центры, объединявшие исследователей по отдельным направлениям науки: Комитет корейской филологии, Комитет по составлению истории Кореи, Комитет по изучению медицинских наук [1, с. 202].

27 апреля 1952 года в Пхеньяне был организован конгресс ученых – крупное трехдневное мероприятие, в котором приняли участие более 190 ученых и 200 инженеров [8, с. 202], а также глава северокорейского государства Ким Ир Сен. В рамках своего выступления он рассказал об успехах, которых удалось добиться в области организации системы образования в стране и в преодолении последствий японской колонизации. Он, в частности, подчеркнул, что к 1949 году в КНДР появилось 15 высших учебных заведений, тогда как до освобождения страны в 1945 году не существовало ни одного, а число школ по сравнению с 1944 годом увеличилось в 12 раз. Отдельно было отмечено, что с 1946 года большое число студентов ежегодно отправлялось на обучение в Советский Союз и другие страны соцлагеря. Именно в ходе этого выступления было впервые заявлено о планах образования академии наук: «Для того чтобы собрать вместе выдающихся ученых для коллективного проведения научных исследований, мы создадим академию наук» [9, с. 173–176].

В мае 1952 года кабинет министров КНДР принял решение о создании в стране академии наук, в октябре 1952 года были утверждены устав и структура учреждения. 1 декабря 1952 го-

да в Северной Корее была основана АН КНДР (조선민주주의인민공화국 과학원 – «Чосон минчжучжужуй инмин конхвагук квахагвон») [10, с. 186]. Почему АН КНДР была создана в 1952 году, когда еще шла корейская война (25 июня 1950 года – 27 июля 1953 года)? С одной стороны, к 1951 году линия фронта стабилизировалась и параллельно с продолжавшимися боевыми действиями начались переговоры о возможном перемирии между Севером и Югом. Перспектива окончания военных действий способствовала началу планирования руководством КНДР восстановления разрушенной экономики, в котором важнейшую роль должно было играть развитие науки и техники. С другой стороны, после начала войны на северокорейскую сторону перешел целый ряд южнокорей-

деятельности, поэтому создание АН КНДР можно трактовать как первый шаг в реализации данных обещаний.

Организационная структура и нормативно-правовая база АН КНДР. Северная Корея приняла существовавшую в СССР структуру организации науки – разделение на университеты, которым отводилась роль образовательных центров, и академические институты, которые занимались научными исследованиями. В первый состав созданной АН КНДР вошли 10 действительных членов и 15 членов-корреспондентов [12, с. 123], отвечавших за работу 9 исследовательских институтов и 43 исследовательских лабораторий [13].

Интересным представляется рассмотреть первый состав АН КНДР (см. *таблицу*).

Состав АН КНДР 1952 года¹

Members of the North Korean Academy of Sciences (1952)

Науки	Академики	Члены-корреспонденты
Общественные	Ким Дубон (языкознание), Хон Мёнхи (литература, выходец с Юга), Пэк Нам-ун (экономика, выходец с Юга), Пак Си Хён (история, выходец с Юга)	Ким Кванчжин (экономика, выходец с Юга), То Юхо (археология, выходец с Юга), Ли Чхонвон (история, выходец с Юга), Чхве Чхан-ик (экономика), Чан Чжуик (экономика), Ли Кынно (языкознание, выходец с Юга)
Технические и естественные	Чхве Сам-эль (химия, выходец с Юга), Ким Чжичжон (математика, выходец с Юга), Ли Сынги (химия, выходец с Юга), То Саннок (физика, выходец с Юга)	Син Гонхи (физика), Ким Инсик (инженерия), Вон Хонгу (биология), Рё Кёнгу (химия, выходец с Юга)
Медицинские	Чхве Мёнхак (хирургия)	Чхве Ын Сок (терапия, выходец с Юга), Ли Хорим (отоларингология), То Бонсоп (фармакология, выходец с Юга)
Сельскохозяйственные	Ке Ынсан (шелководство, выходец с Юга)	Ким Рянха (агрономия, выходец с Юга), Ким Джон Хи (животноводство, выходец с Юга)

ских ученых и инженеров, таких как, например, выдающийся химик Ли Сынги (1905–1996) [11]. Власти КНДР, убеждая южнокорейских ученых перейти на Север, обещали им создание всех условий для ведения научно-исследовательской

В первом составе АН КНДР численный перевес был за выходцами из Южной Кореи (8 из 10 действительных членов и 9 из 15 членов-корреспондентов). Это объясняется тем, что к моменту освобождения страны единствен-

¹По данным: [8, с. 217].

ным высшим учебным заведением в Корее был основанный японскими колониальными властями Кёнсонский императорский университет². Можно говорить о том, что на данном этапе существования АН КНДР способности и заслуги ученых ценились вне зависимости от их происхождения.

Руководящим органом АН КНДР был президиум, избираемый сроком на три года. Первый состав президиума работал с декабря 1952 года по январь 1956-го, второй – с февраля 1956 года по ноябрь 1958-го [8, с. 204]. Первым председателем президиума АН КНДР стал писатель Хон Мёнхи (홍명희), его заместителем – химик Чхве Сам-ёль (최삼열).

Если в первом составе АН КНДР преобладали выходцы с Юга, получившие образование еще в колониальные времена, то в дальнейшем значительное место стали занимать ученые, построившие карьеру уже в независимой Северной Корее, при этом испытывавшие влияние советской научной школы. Здесь можно привести в пример построившего стремительную карьеру ученого-геолога Пак Сон-ука. В 1947 году он в составе группы северокорейских студентов был отправлен на учебу в СССР, вернулся в 1952 году и окончил университет. Будучи первым профессиональным ученым-геологом в стране в условиях активной разведки полезных ископаемых в КНДР, Пак Сон-ук смог быстро пойти на повышение. К сентябрю 1957 года, когда заключалось Соглашение о научном сотрудничестве между АН СССР и АН КНДР, он участвовал в работе по рассмотрению соглашения уже в качестве представителя отдела естественных наук АН КНДР, а в 1959 году был избран заместителем председателя президиума АН КНДР [8, с. 219].

С сентября 1953 года стал выходить «Вестник Академии наук КНДР» (조선 민주주의 인민 공화국 과학원 학보), являющийся важным источником, способствующим в т. ч. пониманию, какую роль в организации образования и науки в стране в то время играло со-

трудничество с СССР. Первый номер «Вестника» открывался поздравительным посланием Ким Ир Сена. Руководитель КНДР подчеркнул, что главной мотивацией создания АН являются «бесконечное благо и светлое будущее... страны», и пообещал «дальше развивать... научно-исследовательские и культурные проекты» [13, с. 190]. Далее он указывал, что АН КНДР создана «для комплексного перенятия опыта передовой советской и мировой науки». Здесь же помещен текст поздравительной телеграммы по случаю создания Академии от руководства АН СССР – президента АН СССР А.А. Несмеянова и главного ученого секретаря президиума АН СССР А.В. Топчиева [13, с. 190].

В этом же номере «Вестника» был опубликован Устав АН КНДР. Представляется интересным сравнить текст данного устава с аналогичным документом АН СССР, утвержденным Советом народных комиссаров СССР 23 ноября 1935 года и действовавшим на тот момент времени [14, с. 5–16]. Анализ двух документов показал, что корейская версия представляет собой, за исключением некоторых сокращений, практически дословный перевод Устава АН СССР, повторяя его как структурно (те же 6 разделов: общие положения, состав Академии, порядок избрания действительных членов, почетных членов и членов-корреспондентов, органы управления Академии, учреждения Академии, особые права Академии), так и в формулировках конкретных пунктов (57 в советском документе и 48 – в северокорейском). Например, п. 1 корейского устава («Академия наук Корейской Народно-Демократической Республики (далее сокращенно “Академия”) является высшим научным учреждением, объединяющим выдающихся ученых страны. Академия напрямую подчиняется Совету министров, ежегодно представляя ему доклад о своей деятельности») повторяет п. 1 советского («Академия наук Союза ССР является высшим научным учреждением СССР, объединяющим наиболее выдающихся ученых страны. Академия наук

²Кёнсон – название Сеула в колониальные годы.

подчинена непосредственно Совету народных комиссаров Союза ССР, которому она ежегодно представляет отчет о своей деятельности»). Интересно и то, как был дополнен северокорейской стороной п. 3 советского устава («В целях выполнения этой основной задачи Академия наук... б) изучает природные богатства и производительные силы страны, а также культурные и экономические достижения человечества...»): «В целях выполнения этой основной задачи Академия наук осуществляет следующие виды деятельности... 2) изучает природные богатства и производительные силы страны, а также научные достижения человечества, ведомого наукой Советского Союза...» Данная формулировка свидетельствует об ориентации АН КНДР на структуру и задачи АН СССР.

Статьи второго номера «Вестника» за 1953 год свидетельствуют о безусловном следовании корейской науки постулатам диалектического материализма и сталинской идеологии. Приведем в качестве примера несколько названий статей: «Положение языкознания Кореи и стоящие перед ним задачи в свете труда И.В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”», «Некоторые проблемы диалектов Кореи в свете труда И.В. Сталина о вопросах языкознания», «Об основном словарном фонде и словарном составе корейского языка в свете трудов И.В. Сталина о вопросах языкознания», «Задачи Академии наук СССР в свете решений XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза (доклад Президента Академии наук СССР академика А.Н. Несмеянова)» [15, с. 2]. В АН КНДР также активно анализировалась последняя работа И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952) [2, с. 166].

Анализ организационной структуры и нормативно-правовой базы АН КНДР позволяет сделать несколько ключевых выводов. Во-первых, АН КНДР представляла собой практически точную копию советской модели организации науки, что свидетельствует о глубокой зависимости от СССР в институциональном плане. Во-вторых, идеологическая составляю-

щая была неотъемлемой частью научной деятельности, что проявлялось как в содержании публикаций, так и в формулировках уставных документов. В-третьих, создание Академии сопровождалось активной пропагандой достижений советской науки и подчеркиванием ориентации на советский опыт, что отражало политическую линию северокорейского руководства. Наконец, несмотря на формальное копирование советской модели, в северокорейской версии присутствовали элементы адаптации к местным условиям, что проявлялось в сокращении некоторых пунктов устава и изменении формулировок.

Начало академических обменов и первые результаты деятельности АН КНДР. После образования АН КНДР ученые страны начинают активные академические обмены с Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря. Так, например, с 16 декабря 1953 года по 4 апреля 1954 года северокорейские академики были с визитом в Советском Союзе для ознакомления с местным опытом, а также посетили Венгерскую академию наук [5, с. 124]. В СССР делегация, в которую вошли действительный член АН КНДР Ли Сынги (председатель отделения естественных и технических наук), а также члены-корреспонденты Чан Чжуик (генеральный секретарь) и Ким Инсик (директор Инженерного института), 8 января 1954 года встретилась с членами президиума АН СССР, а затем посетила отраслевые институты АН СССР в Москве, Ленинграде и Киеве [15, с. 169].

В целом в годы работы первого президиума (декабрь 1952 года – январь 1956 года) АН КНДР не смогла в полной мере реализовать задачу по организации научно-исследовательской работы и лишь в связке с университетами, вновь открывшимися в это же время, получила возможность вести самую базовую деятельность. Поскольку Северная Корея была сосредоточена на войне и последующем послевоенном восстановлении страны, АН КНДР не имела должной материальной поддержки, а большинство членов Академии, параллель-

но работая в университетах страны, мало занималось научной деятельностью – имело возможность изучать только специализированную литературу. О научно-техническом уровне страны в то время академик Ким Чичжон говорил, что Северная Корея отставала от развитых стран не на десятки, а на сотни лет [16, с. 3–6].

Схожую оценку можно найти и в архивных документах Министерства иностранных дел (МИД) Советского Союза. В частности, член коллегии МИД СССР Н.Т. Федоренко, запрашивая помощь северокорейской Академии для советских коллег, писал о том, что «практические результаты двухлетнего существования Академии являются крайне незначительными», а «условия для плодотворной деятельности Академии в КНДР пока не созданы: национальные кадры научных работников слабы и малочисленны, нет соответствующей материально-технической базы, помещений; корейские товарищи не уделяют должного внимания развертыванию научно-технической работы»³.

Формализация научного сотрудничества: соглашения между СССР и КНДР. Исправлению сложившейся ситуации должно было способствовать заключение соглашения о сотрудничестве между СССР и КНДР в научно-технической сфере. В сентябре 1954 года по поручению северокорейского правительства посольство КНДР обратилось в МИД СССР с предложением подписать такой документ, что было поддержано МИД СССР⁴. Подписание рамочного Соглашения о научно-техническом сотрудничестве между СССР и КНДР состоялось 5 февраля 1955 года. Документ констатировал, что «обе стороны будут передавать друг другу техническую документацию, обмениваться соответствующей информацией, а также будут командировать специалистов для

оказания технической помощи и ознакомления с достижениями обеих стран в научно-технической области» [17, с. 109–110]. Для реализации данных задач предполагалось создание советско-корейской комиссии, в которую каждое правительство назначало по 5 представителей и которая заседала не менее двух раз в год – попеременно в Москве и Пхеньяне [17, с. 109–110].

11 октября 1957 года был подписан другой важный документ, где форматы научного сотрудничества двух стран были обозначены детально, – Соглашение о научном сотрудничестве между АН СССР и АН КНДР. Соглашение охватывало такие вопросы, как научное сотрудничество (непосредственные контакты родственных учреждений двух академий путем обмена планами научно-исследовательских работ, координация исследований конкретных проблем, участие в мероприятиях друг друга); повышение квалификации и подготовка научных кадров (взаимный прием в аспирантуру научных сотрудников, а также прохождение кратковременных практик); обмен литературой и информационно-справочными материалами (в т. ч. помощь в издании научных трудов); научные командировки, а также финансовые аспекты взаимодействия [17, с. 139–143].

Представление о том, чего северокорейская сторона ожидала от сотрудничества с СССР в области науки, можно получить на основании отзыва академика И.И. Артоболевского, который посетил КНДР в августе 1956 года в качестве руководителя делегации Всесоюзного общества культурной связи с границей. И.И. Артоболевский сообщил, в частности, о том, что АН КНДР «ожидает прибытия в Пхеньян авторитетной академической делегации для оказания ей помощи в составлении перспективного плана научно-исследовательских работ на ближайшие 10 лет». В первую очередь севе-

³Письмо члена коллегии МИД СССР Н. Федоренко главному ученому секретарю Академии наук СССР тов. Топчиеву А.В. № 453/дв. 14 марта 1955 г. // АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 11. Портфель 61. Папка 67. Д. 820. Л. 1.

⁴Письмо заместителя министра иностранных дел СССР В. Кузнецова министру внешней торговли СССР И.Г. Кабанову. 3 сентября 1954 г. // Там же. Оп. 10. Портфель 62. Папка 59. Д. 820. Л. 6.

рокорейская сторона рассчитывала на приезд советских геологов, специалистов по редким элементам, химиков, преимущественно с аналитическим уклоном, и физиков, которые могли бы оказать содействие в проектировании Института ядерной физики АН КНДР⁵.

Анализ формализации научного сотрудничества между СССР и КНДР позволяет сделать несколько ключевых выводов. Во-первых, заключение соглашений о научно-техническом сотрудничестве было обусловлено как объективной потребностью северокорейской стороны в поддержке, так и политическими соображениями – стремлением укрепления социалистического лагеря. Во-вторых, эволюция соглашений от общего рамочного документа 1955 года к детализированному соглашению 1957 года свидетельствует о развитии и углублении научного сотрудничества между двумя странами. В-третьих, северокорейская сторона демонстрировала четкое понимание своих потребностей в научно-технической области, что отражалось в конкретных запросах к советским коллегам. Наконец, соглашения предусматривали не только передачу знаний, но и подготовку кадров, что указывает на стратегический подход к развитию научного потенциала КНДР, а создание механизмов координации научной деятельности говорит о стремлении к системному подходу в организации международного научного сотрудничества.

Конкретные направления научного сотрудничества. Возникает закономерный вопрос: чему советские ученые, в свою очередь, могли поучиться у северокорейских коллег? Ответить на него можно, проанализировав, например, итоги четвертой сессии Советско-Корейской комиссии по научно-техническому сотрудничеству (6–12 декабря 1957 года, Пхеньян). Согласно протоколу сессии, корейская сторона должна была в 1958 году принять у

себя советских специалистов для изучения следующих тем: агротехника возделывания и уборки женьшеня, переработка женьшеня; опыт выращивания морозоустойчивых и высокоурожайных сортов плодово-ягодных культур, условия произрастания лекарственных (женьшень, секуринога, лимонник) и других полезных растений в Северной Корее; достижения КНДР в социалистическом преобразовании сельского хозяйства; работа опытной установки по получению синтетического волокна, вырабатываемого на базе карбида кальция. Также северокорейские ученые должны были передать советским коллегам образцы посадочного и посевного материала морозоустойчивых и высокоурожайных сортов плодово-ягодных культур⁶. На основании этого можно говорить о том, что для советских ученых основной интерес представляли достижения КНДР в сельскохозяйственной области и, в меньшей степени, химической науке. Интерес к технике выращивания северокорейскими агрономами женьшеня и других типичных для корейского сельского хозяйства растений объясняется практическими соображениями. Например, еще в 1951 году Совет Министров СССР обязал Минздрав СССР и Приморский крайисполком организовать в Приморском крае совхоз по выращиванию женьшеня. При этом советские ученые не всегда учитывали важность и чувствительность данной темы для корейской стороны. Советские специалисты изучали опыт выращивания женьшеня в Корее начиная с 1957 года. По итогам исследований председатель Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР В.Т. Быков в этом же году опубликовал статью о личных наблюдениях по выращиванию указанной культуры в КНДР, по всей видимости, раскрыв секреты, которые оберегали северокорейские ученые. В самой Северной Корее никаких работ по данной теме

⁵Письмо главного ученого секретаря Президиума Академии наук СССР академика А.В. Топчиева заместителю министра иностранных дел СССР Н.Т. Федоренко // АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 10. Портфель 62. Папка 59. Д. 820. Л. 6–7.

⁶Протокол четвертой сессии Советско-Корейской комиссии по научно-техническому сотрудничеству между СССР и КНДР // Там же. Оп. 18. Портфель 24. Папка 30. Д. 853. Л. 1–6.

в открытой печати не было. В результате уже в 1958 году северокорейские коллеги опытом выращивания женьшеня с советскими специалистами делились неохотно. В АН СССР был сделан вывод о том, что «при заключении соглашения на 1959 г. следует иметь в виду, что работы по женьшеню являются в КНДР закрытыми и, по-видимому, необходимо им гарантировать сохранение тайны о работах по женьшеню»⁷.

Нежелание северокорейских ученых делиться опытом выращивания женьшеня можно объяснить несколькими факторами. Женьшень традиционно считается в Корее ценным экспортным товаром, приносящим значительный доход, поэтому технологии его выращивания тщательно охраняются как коммерческая тайна. Развитие собственного производства женьшеня в СССР создало бы прямую конкуренцию северокорейскому экспорту. Кроме того, в корейской культуре женьшень имеет особое символическое значение, связанное с национальной идентичностью и традиционной медициной, что делает его выращивание не просто сельскохозяйственной, но и культурно значимой деятельностью.

Другой областью плодотворного сотрудничества советских и северокорейских ученых можно назвать геологические изыскания на Корейском полуострове. Еще в 1950 году Министерство геологии СССР и всесоюзное объединение «Техноэкспорт» заключили договор с Министерством тяжелой промышленности КНДР о направлении в Корею геологоразведочной экспедиции для поиска и разведки полезных ископаемых. Экспедиция в составе 21 чел. прибыла в Корею в апреле 1950 года. В связи с началом 25 июня 1950 года корейской войны экспедиция, не успев развернуть работы, была вынуждена в октябре 1950 года выехать из КНДР. В апреле 1951 года по просьбе корейского правительства экспедиция в составе 15 геологов вновь

прибыла в КНДР, где приступила к организации и проведению поисково-разведочных работ в 4 свинцовых рудниках. В условиях налетов американской авиации разрушались буровые вышки, оборудование, автотранспорт, жилые и служебные помещения, имелись человеческие жертвы среди советского и корейского персонала экспедиции. Несмотря на это, к 1952 году экспедиция разведала 3,55 млн т свинцовых руд, что составило 507 % планового задания. Также в ходе работы экспедиции осуществлялись подготовка и обучение местных кадров: за 1952 год было подготовлено инженеров-геологов из числа студентов – 19, техников-разведчиков – 76, буровых мастеров – 48, топографов – 6 чел. В целом корейское руководство высоко оценило работу советских геологов, 14 из них получили правительственные награды⁸.

В 1958 году для исследований на территории КНДР и Южного Приморья был организован совместный советско-корейский Туманганский геологический отряд (Туманган – река на границе КНДР, Китайской Народной Республики и СССР). В результате были получены новые данные «по условиям формирования докембрийских толщ, широко развитых в КНДР, по интрузивному магматизму, геологии, минералогии и генезису месторождений полезных ископаемых, произведено металлогеническое районирование изученной территории» [18, с. 12].

Можно говорить о том, что фундамент научного сотрудничества между СССР и КНДР, заложенный в 1950-е годы, послужил основой для развития научно-технических связей двух стран в последующие десятилетия в самых различных областях, в т. ч. атомной энергетике.

В 1956 году в г. Дубне Московской области был создан Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ) с целью «обеспечения совместного проведения теоретических и

⁷Справка «О недостатках в работе Президиума Дальневосточного филиала АН СССР» // АРАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 491. Л. 21–22.

⁸О технической помощи Советского Союза Корейской Народно-Демократической Республике (справка). Январь 1954 г. // АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 10. Портфель 22. Папка 53. Д. 251. Л. 4–7.

экспериментальных исследований в области ядерной физики». КНДР выступила одной из 11 стран-учредителей ОИЯИ с долевым участием в расходах на строительство и содержание института в объеме 0,05 % (доля СССР – 47,5 %) [19, с. 36–40].

КНДР активно принимала участие в работе ОИЯИ, ежегодно направляя туда около 30 ученых-физиков [20, с. 131]. В целом ОИЯИ можно оценивать как «кузницу кадров» для северокорейской ядерной программы, где сформировалось второе поколение северокорейских ученых-ядерщиков, призванных сменить тех, кто получил образование еще в колониальные годы. В числе северокорейских ученых, кто обучался в СССР, а впоследствии внес существенный вклад в северокорейскую ядерную программу, называют, в частности, Чон Гына (отвечал за практическую реализацию ядерных исследований), Чхве Хаккына (заведовал документацией по строительству атомного реактора) и Со Сангука (занимался внедрением советских ядерных технологий в КНДР) [20, с. 142]. Итогом сотрудничества стало строительство по соглашению с Советским Союзом в 1965 году в уезде Ёнбён-гун (провинция Северная Пхёнан) ядерного центра, для которого Советский Союз поставил реактор ИРТ-2000 (типовой исследовательский реактор с проектной тепловой мощностью 2000 кВт позволял проводить научную работу с использованием радиоактивных материалов в самых разных областях – физике, химии, биологии) [21, с. 72].

В целом конкретные примеры сотрудничества свидетельствуют о том, что научные связи между СССР и КНДР не были только формальными, но приносили реальные результаты, способствуя развитию науки в обеих странах.

Заключение. Если говорить об итогах первых лет деятельности АН КНДР, то можно сделать следующие выводы. Во-первых, северокорейская АН по своей форме копировала АН СССР, на что указывает ее устав. Во-вторых, в своей работе северокорейские ученые полностью ориентировались на сотрудничество с Со-

ветским Союзом, которое в 1954–1957 годах было оформлено рядом соглашений между двумя странами. В-третьих, уровень северокорейской науки в первые годы существования АН КНДР характеризовался как довольно низкий, что было связано как с нехваткой квалифицированных кадров, так и с проблемами в материально-техническом обеспечении научной деятельности. Наконец, можно говорить о том, что научное сотрудничество двух стран приносило пользу и советским ученым, которые получили доступ к достижениям северокорейских коллег в таких областях, как химия и сельское хозяйство.

Проведенный анализ позволяет выявить комплекс факторов, которые определяли характер и направление развития АН КНДР в 1950-е годы. Эти факторы можно разделить на внутренние и внешние, причем их взаимодействие создавало уникальную динамику становления северокорейской науки.

Внутренние факторы: 1) политическая мотивация – создание АН КНДР было частью более глобального проекта построения социалистического государства в Северной Корее, научные достижения рассматривались как доказательство успешности социалистического пути развития и превосходства над капиталистической системой; 2) экономическая необходимость – послевоенное восстановление требовало научно-технического обеспечения для развития промышленности, сельского хозяйства и других отраслей экономики, АН КНДР должна была стать центром координации научных исследований, направленных на решение практических задач; 3) идеологическая составляющая – наука в КНДР была призвана служить не только практическим целям, но и идеологическим задачам; это проявлялось в активном изучении трудов И.В. Сталина, диалектического материализма и других марксистско-ленинских концепций.

Внешние факторы: 1) советское влияние – СССР выступал как основной источник научных моделей, кадров и материальной поддержки, советская модель организации науки

была воспринята практически без изменений, что свидетельствует о глубокой зависимости северокорейской науки от советской; 2) международная конкуренция – соседство с Южной Кореей создавало дополнительную мотивацию для развития науки как средства демонстрации превосходства северокорейской системы.

Список литературы

1. Ванин Ю.В. Советский Союз и Северная Корея, 1945–1948. М.: ИВ РАН, 2016. 225 с.
2. Хренов В.В., Ростовская М.Д. Особенности советско-северокорейского научно-технического сотрудничества // Корееведение в России: направление и развитие. 2020. Т. 1, № 1. С. 165–172.
3. Lankov A. Academies // North Korean Economy Watch. 2007. 1 April. URL: <https://www.nkeconwatch.com/2007/04/01/academies/> (дата обращения: 16.10.2022).
4. Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 680 с.
5. 이춘근, 김계수. 북한의 국가연구개발체제와 과학기술인력 양성체제. 서울, 과학기술정책연구원. (Ли Чхунгын, Ким Гесу. Государственная система организации исследований и система подготовки научно-технических кадров в Северной Корее. Сеул: Ин-т науч.-техн. политики, 2001. 238 с.).
6. 정근식, 김윤애, 임수진. 북한에서 소련형 대학 모델의 이식과 희석 // 아시아리뷰. (Чон Гынсик, Ким Юн-э, Лим Сучжин. Перенимание Северной Кореей [опыта создания] советской модели университета и ее трансформация // Обзор Азии. 2017. Т. 7, № 1. С. 109–150). <https://doi.org/10.24987/SNUACAR.2017.7.1.109>
7. 김일성전집 3. 평양: 조선로동당출판사, 1992. (Полн. собр. соч. Ким Ир Сена: в 100 т. Пхеньян, 1992. Т. 3. 522 с.).
8. 강호제. 현지연구사업과 북한식과학기술의 형성 // 현대북한연구. (Кан Хочже. Программа «исследований на местах» и становление северокорейской науки и технологий // Современ. исслед. Сев. Кореи. 2003. Т. 6, № 2. С. 199–246).
9. Kim Il Sung Works. Vol. 7. January 1952 – July 1953. Pyongyang: Foreign Languages Publ. House, 1981. 472 p.
10. 조선교육사. 東京: 학우서방. (История образования в Корее. Токио: Б-ка учащегося, 1963. 264 с.).
11. Артемьев Е.М. Становление национальной науки в КНДР: деятельность химика Ли Сынги и изобретение волокна виналон // Вопр. естествознания и техники. 2024. Т. 45, № 4. С. 827–834.
12. 조선 민주주의 인민 공화국 과학원 학보. (Вестн. Акад. наук КНДР. 1953. № 1. 195 с.).
13. Вестн. Акад. наук СССР. 1935. № 12. 96 с.
14. 조선 민주주의 인민 공화국 과학원 학보. (Вестн. Акад. наук КНДР. 1953. № 2. 192 с.).
15. 조선 민주주의 인민 공화국 과학원 학보. (Вестн. Акад. наук КНДР. 1954. № 5. 176 с.).
16. 김지전. 과학 발전을 위한 몇가지 의견 // 조선 민주주의 인민 공화국 과학원 학보. (Ким Чичжон. Некоторые мысли относительно научного развития // Вестн. Акад. наук КНДР. 1957. № 1. С. 3–6).
17. Отношения Советского Союза с народной Кореей. 1945–1980. Документы и материалы. М.: Наука, 1981. 422 с.
18. Дальневосточный геологический институт: 50 лет в пути. Владивосток: Дальнаука, 2009. 204 с.
19. История создания ОИЯИ в решениях ЦК КПСС. 1955–1958. Дубна: ОИЯИ, 2015. 55 с.
20. 정현숙. 1950년대 북한의 핵전략 연구: '원자력의 평화적 이용전략' 중심으로 // 현대정치연구. 제11권 제1호. (Чон Хёнсук. Исследование северокорейской стратегии в атомной отрасли в 1950-е гг.: с фокусом на «стратегии мирного использования атомной энергии» // Современ. полит. исслед. 2018. Т. 11, № 1. С. 129–164). <https://doi.org/10.52594/jcp.2018.04.11.1.129>
21. Дьячков И.В. Эволюция северокорейской ядерной программы в контексте ядерного нераспространения в Северо-Восточной Азии (2-я половина XX – начало XXI вв.): дис. ... канд. ист. наук. М.: МГИМО МИД России, 2014. 226 с.

References

1. Vanin Yu.V. *Sovetskiy Soyuz i Severnaya Koreya, 1945–1948* [The Soviet Union and North Korea, 1945–1948]. Moscow, 2016. 225 p.
2. Khrenov V.V., Rostovskaya M.D. Features of the Soviet-North Korean Scientific and Technical Cooperation. *J. Dir. Dev. Korean Stud. Russ.*, 2020, vol. 1, no. 1, pp. 165–172 (in Russ.).

3. Lankov A. Academies. *North Korean Economy Watch*, 1 April 2007. Available at: <https://www.nkeconwatch.com/2007/04/01/academies/> (accessed: 16 October 2022).
4. Kurbanov S.O. *Istoriya Korei: s drevnosti do nachala XXI v.* [The History of Korea: From Antiquity to the Early 21st Century]. St. Petersburg, 2009. 680 p.
5. Lee Choon-Geun, Kim Kye-Soo. *North Korea's National R&D System and S&T Human Resources Training System*. Seoul, 2001. 238 p. (in Korean).
6. Jung Keunsik, Kim Yoonae, Lim Sujin. Transplantation and Dilution of the Soviet Type University Model in North Korea. *Asia Rev.*, 2017, vol. 7, no. 1, pp. 109–150 (in Korean). <https://doi.org/10.24987/SNUACAR.2017.7.1.109>
7. *Complete Collection of Kim Il Sung's Works*. Vol. 3. Pyongyang, 1992. 522 p. (in Korean).
8. Kang Ho Je. The On-Site Research Program and the Formation of Science and Technology in North Korea. *Rev. North Korean Stud.*, 2003, vol. 6, no. 2, pp. 199–246 (in Korean).
9. *Kim Il Sung Works*. Vol. 7. *January 1952 – July 1953*. Pyongyang, 1981. 472 p.
10. *The History of Korean Education*. Tokyo, 1963. 264 p. (in Korean).
11. Artem'ev E.M. Stanovlenie natsional'noy nauki v KNDR: deyatel'nost' khimika Li Syngi i izobrenenie volokna vinalon [The Formation of National Science in the Democratic People's Republic of Korea: The Work of the Chemist Ri Sŭnggi and the Invention of Vinalon Fiber]. *Voprosy estestvoznaniya i tekhniki*, 2024, vol. 45, no. 4, pp. 827–834.
12. *Bulletin of the Academy of Sciences of the DPRK*, 1953, no. 1. 195 p. (in Korean).
13. *Vestnik Akademii nauk SSSR* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR]. 1935, no. 12. 96 p.
14. *Bulletin of the Academy of Sciences of the DPRK*, 1953, no. 2. 192 p. (in Korean).
15. *Bulletin of the Academy of Sciences of the DPRK*, 1954, no. 5. 176 p. (in Korean).
16. Kim Ji-Jeon. Some Thoughts on Scientific Advancement. *Bull. Acad. Sci. DPRK*, 1957, no. 1, pp. 3–6 (in Korean).
17. *Otnosheniya Sovetskogo Soyuzsya s narodnoy Koreey. 1945–1980. Dokumenty i materialy* [The Relationship Between the Soviet Union and North Korea, 1945–1980. Documents and Materials]. Moscow, 1981. 422 p.
18. *Dal'nevostochnyy geologicheskii institut: 50 let v puti* [Far Eastern Geological Institute: 50 Years On]. Vladivostok, 2009. 204 p.
19. *Istoriya sozdaniya OIYaI v resheniyakh TsK KPSS. 1955–1958* [The History of Establishing the Joint Institute for Nuclear Research in the Decisions of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union. 1955–1958]. Dubna, 2015. 55 p.
20. Jung Hyun Sook. North Korea's Nuclear Strategy in the 1950s – Focusing on the “Strategy for a Peaceful Use of Nuclear Energy”. *J. Contemp. Politics*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 129–164 (in Korean). <https://doi.org/10.52594/jcp.2018.04.11.1.129>
21. D'yachkov I.V. *Evolutsiya severokoreyskoy yadernoy programmy v kontekste yadernogo nerasprostraneniya v Severo-Vostochnoy Azii (2-ya polovina XX – nachalo XXI vv.)* [Evolution of the North Korean Nuclear Program in the Context of Nuclear Non-Proliferation in Northeast Asia (2nd Half of the 20th – Early 21st Centuries): Diss.]. Moscow, 2014. 226 p.

Информация об авторе

Е.М. Артемьев – аспирант Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5, лит. Б).

Information about the author

Egor M. Artemyev, Postgraduate Student, St. Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences (address: Universitetskaya nab. 5, building B, St. Petersburg, 199034, Russia).

Поступила в редакцию 16.04.2025
Одобрена после рецензирования 13.08.2025
Принята к публикации 15.08.2025

Submitted 16 April 2025
Approved after reviewing 13 August 2025
Accepted for publication 15 August 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 5. С. 43–52.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 43–52.

Научная статья
УДК 801.8:81
DOI: 10.37482/2687-1505-V448

Владимир Набоков как культуртрегер: преподавание русской словесности в США

Любовь Анатольевна Каракуц-Бородина¹

Индира Артуровна Авхадиева²✉

^{1,2}Башкирский государственный медицинский университет, Уфа, Россия

¹e-mail: karakuz@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2907-3372>

²e-mail: kate-yolker@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5903-4105>

Аннотация. В статье исследуются методические приемы преподавания русского языка, применявшиеся русско-американским писателем Владимиром Набоковым, и его культуртрегерская деятельность. Авторы рассматривают лингводидактические подходы писателя, который использовал литературу как инструмент освоения языка, уделяя внимание фонетике, ритмике, словообразованию, грамматике и лексике. Особый акцент сделан на его методе транслитерации, позволявшем англоязычным студентам глубже понять фонетические особенности русского языка. Анализируются комментарии В. Набокова к «Евгению Онегину», переводы и лекции по русской литературе, демонстрирующие его педагогическую стратегию. Владимир Набоков, как билингвальный писатель, стремился передать тончайшие нюансы русского языка в своих англоязычных произведениях. Его внимание к языковой игре, ритмико-метрическим структурам и стилистической выразительности подчеркивает его стремление к музыкальности текста. Набоков выступал культурным посредником между русскоязычной и англоязычной аудиториями. Его подход к передаче смысловых и художественных оттенков оценивается в свете современных исследований межъязыковой коммуникации и перевода. Отмечается, что его методы преподавания, ориентированные на тонкое восприятие языка, могут быть полезны не только для изучения русского языка как иностранного, но и для более глубокого понимания механизмов билингвизма, литературного перевода и межкультурной коммуникации. Важной особенностью его педагогики является внимание к интертекстуальности и культурной метафоре как механизмам углубленного восприятия языка. Кроме того, рассматривается возможность использования его методик в современных образовательных программах. Набоковский подход к обучению языку подчеркивает важность культурного контекста, многослойности смысла и художественного восприятия текста, что делает такой подход уникальным в истории преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: Владимир Набоков, билингвизм, межкультурная коммуникация, лингводидактика, литературный перевод, русская литература, русский язык как иностранный, преподавание русской словесности в США

Для цитирования: Каракуц-Бородина, Л. А. Владимир Набоков как культуртрегер: преподавание русской словесности в США / Л. А. Каракуц-Бородина, И. А. Авхадиева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 5. – С. 43-52. – DOI 10.37482/2687-1505-V448.

Original article

Vladimir Nabokov as a Kulturträger: Teaching Russian in the USA

Lyubov A. Karakuts-Borodina¹

Indira A. Avkhadieva²✉

^{1,2}Bashkir State Medical University, Ufa, Russia

¹e-mail: karakuz@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2907-3372>

²e-mail: kate-yolker@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5903-4105>

Abstract. The article examines the methodological techniques of teaching Russian as a foreign language employed by the Russian and American writer Vladimir Nabokov and his activity as a culture bearer. Further, it explores Nabokov's linguodidactic approaches, since he used literature as a language acquisition tool, paying special attention to phonetics, rhythm, word-formation, grammar, and vocabulary. Particular emphasis is placed on his method of transliteration, which allowed English-speaking students to gain a deeper understanding of Russian phonetics. In addition, the paper analyses Nabokov's commentary on *Eugene Onegin*, his translations and lectures on Russian literature, demonstrating his teaching strategy. Being a bilingual writer, Nabokov sought to convey the finest nuances of the Russian language in his English-language works. His attention to language game, rhythmic and metric structures as well as stylistic expressiveness highlights his pursuit of textual musicality. Nabokov's approach to conveying semantic and artistic subtleties is considered here in the light of contemporary studies on interlingual communication and translation. His pedagogical methods, focused on nuanced language perception, are noted to be valuable not only for teaching Russian as a foreign language, but also for a more profound understanding of bilingualism, literary translation and intercultural communication. An important feature of Nabokov's pedagogical approach is the emphasis on intertextuality and cultural metaphor as mechanisms for better language perception. Additionally, the applicability of his methods in contemporary educational programmes is considered. Nabokov's approach to language instruction underscores the importance of cultural context, multilayered meaning and artistic perception of text, making his contributions unique in the history of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: *Vladimir Nabokov, bilingualism, intercultural communication, linguodidactics, literary translation, Russian literature, Russian as a foreign language, teaching Russian in the USA*

For citation: Karakuts-Borodina L.A., Avkhadieva I.A. Vladimir Nabokov as a Kulturträger: Teaching Russian in the USA. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 43–52. DOI: 10.37482/2687-1505-V448

Введение. Словари и энциклопедии аттестуют Владимира Набокова в первую очередь как писателя, поэта, переводчика, литературного критика и энтомолога (подробный и емкий обзор разных ипостасей Набокова см., например, в работе [1]). Однако важной областью

его деятельности была и преподавательская. И речь не только о том, что в колледже Уэллсли Набоков был внештатным преподавателем художественного сочинения, а в Корнеллском университете – адъюнкт-профессором славянской литературы¹. Он являлся препо-

¹Бишоп М. Набоков в Корнеллском университете // Звезда. 1999. № 4. С. 152–156.

давателем-универсалом с молодого возраста. «Владимиру все чаще приходилось зарабатывать на жизнь уроками – французского, английского, тенниса и даже бокса, – делясь со своими учениками тем, что дала ему богатая и культурная русская семья», – писал Б. Бойд про события 1922 года, когда Владимиру исполнилось всего 23 [2, с. 233]. Набоков также был превосходным лепидоптерологом, гениальным игроком в шахматы, метафизиком, критиком и переводчиком [3, с. 172]. В 1944 году он облек в стихи лекцию о русском стихосложении («Вечер русской поэзии»)². «Перевод» и «стиль» – ключевые термины набоковедения [4, с. 201], но важно то, что, стремясь передать своему разноязычному читателю и слушателю нюансы русских текстов, Набоков, как представляется, приобрел еще одну ипостась.

Предметом нашего обсуждения будет Набоков как преподаватель русского языка. Его английский язык, по меткому выражению О. Осьмухиной, «просвечивает» русским [5, с. 73]. Таким образом, думается, Набоков, помимо прочего, вел деятельность, которую можно было бы назвать преподаванием русского языка как иностранного, используя те приемы, что входят в репертуар преподавателей только сегодня [6].

Цель настоящей статьи – рассмотреть методические приемы преподавания русского языка, которые применял В. Набоков, и его культуртрегерскую деятельность.

Фонетика. Слуховой образ предельно важен для Набокова (см., например: [7]) – он, без преувеличения, дал миру услышать звук русской речи. Он неустанно детализировал, как звуки и буквы русского языка воспринимаются и передаются на других языках. Студентка Набокова вспоминала его занятия как школу «пристально-го» [8] чтения: «Он говорил нам, что произносит “Евгений Онегин” скрупулезно, по правилам английского языка – как “Юджин Уан Джин” (что означает “Юджин, один стакан джина”))»³.

Безусловно, важнейшим текстом в этом смысле являются набоковские комментарии к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин», где с исключительным буквализмом и порой весьма многословно объяснены не только историко-культурные, но и фонетические особенности исходного текста, дана его, что называется, инструментовка [9]. Особое внимание уделяется транслитерации (об этом много пишет С. Швабрин [10]). З. Шаховская восхищается следующим набоковским комментарием к «Евгению Онегину»: «Из примечаний к транслитерации наугад приведу одно, в моем переводе, о произношении русской буквы В для англо-американских студентов. В, как в Виктории, но перед глухой согласной и в конце слова В переходит в звук Ф. Пример: *булавка* рифмуется с *Кафка*, *нрав* с *телеграф*, но *своенравный* и *телеграфный* не рифмуются» [11, с. 68]. Здесь Набоков объясняет, как конечный звук «з» в русском языке может переходить в «с» в определенных словах, таких как «сказка» и «ласка», а буква «й» появляется только в определенных фонетических контекстах, таких как дифтонги. Он иллюстрирует это словами «тайна» и «бой» и делает сравнение с французским и английским звучанием: «The Russian *zh* or *zhzh* (identically sounded) would be transliterated *j* in French, which a German would pronounce as our *y*; hence *zhzhyonka* = *yonka*»; «I omit the soft sign in Russian names (*Bolshoy* instead of *Bol'shoy*, *Olga* instead of *Ol'ga*, *Gogol* instead of *Gogol'*), unless such names appear in lines of Russian or in other phrases that require exact transliteration in my Commentary»⁴.

Так скрупулезно Набоков разбирает весь русский алфавит, проводя огромную сопоставительную работу с 4 языками: английским, немецким, французским и итальянским.

В качестве основного инструмента этого анализа Набоков использует транслитерацию: «I was confronted, for instance, with the following opening line of one of Pushkin's most prodigious poems:

²Nabokov V. An Evening of Russian Poetry // The New Yorker. 1945. Vol. 21, № 3. P. 23.

³Грин Х. Мистер Набоков // Америка. 1978. № 258. С. 47–50.

⁴Nabokov M. Method of Transliteration // Pushkin A.S. Eugene Onegin: A Novel in Verse. Princeton: Bollingen Press, 1964. Vol. 1. P. xx.

Yah pom-new chewed-no-yay mg-no-vain-yay. I have rendered the syllables by the nearest English sounds I could find; their mimetic disguise makes them look rather ugly; but never mind; the *chew* and the *vain* are associated phonetically with other Russian words meaning beautiful and important things, and the melody of the line with the plump, golden-ripe *chewed-no-yay* right in the middle and the *m*'s and *n*'s balancing each other on both sides, is to the Russian ear most exciting and soothing – a paradoxical combination that any artist will understand⁵; «*Yah pom-new* is a deeper and smoother plunge into the past than “I remember”, which falls flat on its belly like an inexperienced diver; *chewed-no-yay* has a lovely Russian “monster” (*chúdo*) in it; and a whispered “listen” (*chu!*); and the dative ending of a sunbeam (*luchú*), and many other fair relations among Russian words»⁶. Детализации помогали студентам и переводчикам не только понять, но и физически ощутить, как должны звучать пушкинские строки.

Однако в качестве преподавателя-фонетиста Набоков выступал не только с университетской кафедры, но и в своих художественных текстах. В частности, в первом американском рассказе «Ассистент режиссера», как убедительно показывает в своей остроумной статье А.О. Дроздова, «В. Набоков развивает мысль о том, что гениальный писатель способен передать уникальный сенсорный, эстетический и языковой опыт в обход коммуникативных ограничений» [12, с. 130], в т. ч. транслируя, например, русский акцент говорящего на английском. Более того, будучи отлученным от родного языка, Набоков актуализировал «русскую литературную традицию как такую модель, в которой все смыслы уже присутствуют, нужно лишь их проявить подобно негативу» [13, с. 164]. Впрочем, эта идея относительно Набокова справедлива и для всей мировой культуры: так, с помощью всего лишь одного имени в рассказе «Мечь» писатель подсвечивает цепочку претекстов, включая Новый

Завет и драмы Шекспира [14]. Это становится возможным благодаря структурной организации его романов: «Начиная с “Машеньки”, “Соглядатель”, “Подвига” Набоков разрушает традиционное для реализма восприятие действительности как одномерного пространства в пользу игры разных смыслов, литературных кодов, приемов языка» [15, с. 215].

Ритмо-метрика. Набоков был известен своей преданностью буквализму в переводе. Для него перевод должен был представлять собой точную копию оригинала (возможно, неуклюжую и трудночитаемую, но полностью соответствующую исходному смыслу), должен быть «примером буквализма в прямом значении слова» [16, с. 96]. Однако известны случаи и противоположного характера. Так, пушкинское «Я Вас любил...» в набоковском переводе открывается «eyebrow raising», как отмечает Б. Бойд: *I worshipped you...* [17, с. xxxiii]. И хотя Бойд далее объясняет этот выбор созвучием со словами «wordlessly», «hopelessly» [17, с. xxxiv], при прочтении целого особенно бросается в глаза версификация как основная причина и цель такого выбора; дальнейшее *ember – remember* лишь подтверждает это. Заметим, что, переводя пушкинское «Я Вас любил...» как «I worshipped you...», Набоков переосмысляет пушкинскую строчку, добавляя новое измерение: идея «поклонения» является концептом поклонения женщине как феминному мифологическому архетипу.

Здесь же, вероятно, кроются и мотивы выбора итальянского *speranza*, полностью совпадающего по ритмике с русским *надежда*, при переводе «Сентиментальной баллады» Б. Окуджавы: «Speranza, I'll be coming back, / The day the bugler sounds retreat» [18, с. 360]. *Speranza* вписывается в ямбическую ритмику и по количеству слогов и ударности полностью совпадает с русским тематическим словом, непроемимым по-английски: «The bilingual reader will note that I could not force myself either to use the name

⁵*Nabokov V.* The Art of Translation // Verses and Versions: Three Centuries of Russian Poetry / ed. by B. Boyd, S. Shvabrin. Orlando: Harcourt, 2008. P. 9.

⁶*Ibid.* P. 10.

“Nadezhda” (unpronounceable in English) or turn it into the stiff, long-faced, long-aproned “Hope”, hence my “Speranza” which reenacts dazzlingly the eloquent lilt of the original» [18, с. 361].

Словообразование. Иногда Набоков преподносит информацию не напрямую, а проводя изящные параллели, как будто между прочим воспроизводя эстетику анализируемого текста. Например, рассуждает о том, как герои Гоголя с легкостью переименовывают названия игральные карты, превращая черви в червоточину, а пики – в пикенции, пикендрасы, пичуры или пичурушуху. В этом контексте Набоков непринужденно вводит в обиход глагол «гоголизироваться»: «But after reading Gogol one’s eyes may become gogolized»⁷.

Набоков выделяет в этих словах латинские и греческие окончания, а также отмечает их «орнитологический оттенок». В одном из примеров, как он замечает, птица превращается в доисторического ящера, что, по его словам, переворачивает ход эволюции. При этом он приходит к нетипичному для своей концепции заключению: Гоголь ввел эти слова в текст, чтобы подчеркнуть уровень интеллекта тех, кто ими пользуется, то есть типичных чиновников [19, с. 211].

Грамматика. Отвечая на вопрос о разнице между окончаниями «ой» и «ою» в русском творительном падеже, Набоков подчеркивает: «Most Russian writers use both *-ой* and *-ою* indiscriminately, which I deplore. There seems to be something vaguely similar to this in the use of “which” and “that” in the case of some English authors. Tolstoy was the greatest offender; he often flaunts both endings in the same sequence of adjectives and nouns. “За желтую нивой и за широкою сонной рѣкою” is an extreme example. I presume Chav[chavadze] thought you were speaking of verse. In my own prose, being at heart a pedant, I stuck to *-ой* unless there was some

special “musical” reason for prolonging the whine of the instrumental»⁸.

Эта «музыкальная» необходимость, как Набоков ее называет, важна в литературе, особенно в стихах, где звучание слов играет не меньшую роль, чем их значение. Замечание писателя указывает на то, что языковые особенности могут быть как грамматическим, так и эстетическим выбором, подчиняющимся задачам художественного текста.

Лексика. Л.И. Богданова обсуждает тезис о том, что различные семантические области «осваиваются» языком в разной степени, иллюстрируя тезис знаменитым пассажем Набокова из послесловия к «Лолите»: «Свойственные английскому тонкие недоговоренности, поэзия мысли, мгновенная переключка между отвлеченнейшими понятиями, роение односложных эпитетов – все это, а также все относящееся к технике, модам, спорту, естественным наукам и противоестественным страстям – становится по-русски топорным, многословным и часто отвратительным в смысле стиля и ритма. Эта неувязка отражает основную разницу в историческом плане между зеленым русским литературным языком и зрелым, как лопающаяся по швам смоква, языком английским»⁹. По мнению Л.И. Богдановой, в данном высказывании обозначены когнитивно уязвимые зоны русского языка, такие как техника, мода, спорт, естественные науки и др. Разумеется, этот перечень не исчерпывает всех семантически недостаточно разработанных областей русского языка [20, с. 11].

Несколько русских слов Набоков считал непереводаемыми: *тоска* – «ни одно слово на английском языке не может передать все нюансы тоски»¹⁰; *пошлость* – «откройте любой журнал, и вы обязательно найдете пример этого: семья купила радио... Пошлость такой сцены проис-

⁷Nabokov V. Nikolai Gogol. N. Y.: New Directions, 1961. 172 p.

⁸Dear Bunny, Dear Volodya: The Nabokov-Wilson Letters, 1940–1971 / ed. by S. Karlinsky. Univ. California Press, 2001. P. 262.

⁹Набоков В.В. Лолита. М.: Водолей, 1991. С. 526.

¹⁰Набоков В.В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина: пер. с англ. / под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 1999. С. 151.

ходит не от ложного преувеличения достоинства конкретного объекта, а из предположения, что такую радость можно купить и что такая покупка облагораживает покупателя»¹¹.

Роман «Ada or Ardor: A Family Chronicle» (1969) содержит сложную систему отсылок к русским культурным реалиям, организованную с помощью транслитераций (подробнее см.: [21]), которые вписаны в английский текст. Немало подобных игр (они разбираются, например, у Д.Б. Джонсона [22]) и в «Pale Fire». Конечно, для билингвов такой текст имеет многослойную смысловую структуру [23] и дарит особое удовольствие от текста [24], но для тех, кто владеет только одним языком, элементы другой графики создают эффект остранения, выдвигая.

При этом даже кажущиеся чисто игровыми на первый взгляд элементы-билингвемы реализуют дидактическую функцию, поскольку помогают запомнить тот или иной лексический материал: «Julia shook hands with him and begged him to pray for her when she would be saying to that very passionate, very prominent poet *je t'aime* in Russian which sounded in English (gargling with the phrase) 'yellow blue tibia'»¹².

Набоков полагал, что невозможно овладеть русским языком, не погрузившись в русскоязычную литературу. Он использовал тексты Пушкина, Гоголя, Лермонтова и Достоевского как ключ к пониманию языка, стараясь передать своим студентам ощущение нюансов, заложенных в каждом слове и выражении¹³. На занятиях он разбирал тонкие аспекты стиля и ритма, объясняя, как эти элементы передают сложные культурные и эмоциональные оттенки, отображающие одновременно, согласно эффектному выражению Е.И. Самороднической, перевод, оригинал и недостижимый идеал [25].

Все эти наблюдения Набокова объединены его скрупулезным подходом к сохранению зву-

ковых и семантических особенностей языка. Для описания фонетических трудностей и анализа грамматических нюансов он создавал сложные, но понятные модели, позволяющие англоязычным читателям и переводчикам оценить богатство русского языка. Это делает его работы ценным вкладом в билингвистическое понимание и преподавание.

Заключение. Набоков создал уникальную методику преподавания, которая не ограничивалась только изучением грамматики и лексики. Он давал своим студентам и читателям инструменты для глубокого понимания языка, включая лексические, культурные и исторические контексты. Его подход к переводу и преподаванию стал примером того, что язык может быть не просто средством общения, но и объектом искусства, требующим тщательного и тонкого подхода. Совместив амплуа писателя, литературоведа и преподавателя русского, т. е. став воплощением педагогического синкретизма [26], Набоков обучал своих студентов через введение в многомерное дискурсивное пространство [27], пространство культурного диалога [28].

Своего читателя он обучал русской словесности, предлагая увлекательную игру со словами и текстами разных языков: «...при чтении Набокова возникает соблазн попытаться сравняться с ним в остроумии, сыграть в его игру и если не обыграть мастера, то по крайней мере показать хорошие результаты» [29, с. 148]. К этому располагала сама атмосфера эпохи, с так живо воспринятой и даже предвосхищенной Набоковым поэтикой аллюзии, интертекстуальной игры [30].

В качестве преподавателя русского языка как иностранного Набоков выступал культурным мостом между русским языком и западной публикой. Не случайно в письме 1959 года к Е. Сикорской он говорит: «Россия должна будет поклониться мне в ножки (когда-нибудь) за

¹¹«Деспот в своем мире». Интервью Владимира Набокова газете «Цайт» // Иностр. лит. 2017. № 6. С. 145–152.

¹²Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газ., 1996. 440 с.

¹³Nabokov V. Transparent Things. McGraw-Hill, 1972. P. 13.

все, что я сделал по отношению к ее небольшой по объему, но замечательной по качеству словесности»¹⁴.

Набоковские лингводидактические находки вполне могут быть и сегодня использованы в практике преподавания русского языка как иностранного на всех уровнях.

Таким образом, подход Набокова к педагогике не сводится к привычным методам, а форми-

рует уникальную парадигму обучения, где язык становится пространством культурного, художественного и личностного взаимодействия. Данный опыт служит кладезем методических и философских идей для сегодняшней лингводидактики. В перспективе он способен послужить основой междисциплинарных изысканий, объединяющих филологию, педагогику и культурологию.

Список литературы

1. *Карпов Н.А.* Владимир Набоков: к бессмертию через слово // Мир рус. слова. 2019. № 1. С. 115–120. <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2019-11115>
2. *Бойд Б.* Владимир Набоков: в 2 т. / пер. с англ. Г. Лапиной. Т. 1. Русские годы. М.: Независимая газ.; СПб.: Симпозиум, 2010. 695 с.
3. *Pinfan Zhu.* Nabokov's Art of Translation: Effective Means to Attract a Wide Readership // IJLLT. 2020. Vol. 3, № 12. P. 172–180. <https://doi.org/10.32996/ijllt.2020.3.12.21>
4. *Орехов Б.В.* Тексты и переводы Владимира Набокова через призму стилеметрии // Новый филол. вестн. 2021. № 3(58). С. 200–213. https://doi.org/10.54770/20729316_2021_3_200
5. *Осьмухина О.Ю.* Набоков-переводчик / Набоков-писатель: специфика взаимодействия // Art Logos. 2019. № 2(7). С. 67–75.
6. *Левина Г.М.* Специфика преподавания РКИ в цифровую эпоху: моногр.: в 2 ч. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2019. Ч. 1. 180 с.; Ч. 2. 233 с.
7. *Горбачева И.А., Николаев П.А.* Фонэстетические приемы в «Игровой поэтике» текстов В.В. Набокова // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 2, № 2. С. 66–76.
8. *Гиляревский Р.С.* Владимир Набоков о чтении // Тр. СПбГИК. 2020. Т. 220. С. 196–202.
9. *Коровина К.Г.* Особенности комментариев В.В. Набокова (на материале комментариев к переводу «Евгения Онегина») // Изв. ВГПУ. 2019. № 5(138). С. 211–215.
10. *Shvabrin S.* Between Rhyme and Reason: Vladimir Nabokov, Translation, and Dialogue. Toronto: Univ. Toronto Press, 2019. 420 p. <https://doi.org/10.3138/9781487516390>
11. *Шаховская З.А.* В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. 178 с.
12. *Дроздова А.О.* Художник-шпион в рассказе В. Набокова «Ассистент режиссера»: репрезентация сенсорного и эстетического опыта // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и зарубеж. филология. 2024. № 3. С. 130–135.
13. *Хаткова И.Н., Донец А.А.* Интертексты русской классики XIX века (Пушкин, Чернышевский) в романе В. Набокова «Дар» // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2020. № 4(267). С. 161–167.
14. *Ковалев Б.В., Жуков А.П.* Имена собственные в рассказе Набокова «Месье»: семантика и претексты // Верхневолж. филол. вестн. 2020. № 2. С. 56–64.
15. *Николаев С.Г.* Иноязычие как метакомпонент художественного текста (к вопросу о билингвеме в поэзии) // Relga. 2005. № 2(104). URL: <https://relga.ru/articles/323/> (дата обращения: 22.04.2025).
16. *Зверев А.М.* Набоков. М.: Молодая гвардия, 2004. 451 с.
17. *Boyd V.* Introduction // Verses and Versions: Three Centuries of Russian Poetry / ed. by V. Boyd, S. Shvabrin. Orlando: Harcourt, 2008. P. xix–xxxv.
18. On Bulat Okudzhava // Verses and Versions: Three Centuries of Russian Poetry / ed. by V. Boyd, S. Shvabrin. Orlando: Harcourt, 2008. P. 359–361.

¹⁴*Набоков В.В.* Лекции по русской литературе; *Его же.* Лекции по зарубежной литературе. М.: Независимая газ., 1999. 440 с.

19. Белова Т.Н. В.В. Набоков – исследователь русской литературы (особенности критического подхода) // Рус. зарубежье. 2013. № 2. С. 204–220.
20. Богданова Л.И. Иноязычное слово в контексте русской культуры: когнитивный аспект // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультур. коммуникация. 2008. № 4. С. 11–17.
21. Каракуц-Бородина Л.А. Набоков транслитерирующий: от языковой игры к межкультурному посредничеству // Набоковский сборник: материалы науч. прогр. «Набоковские чтения» Музея В.В. Набокова СПбГУ / сост. и общ. ред. М.Д. Шраер, Т.О. Пономаревой, Д.И. Сергеева. СПб., 2015. № 2. С. 206–219.
22. Джонсон Д.Б. Миры и антимирсы Владимира Набокова / пер. с англ. Т. Стрелковой. СПб.: Симпозиум, 2011. 352 с.
23. Epstein M. Good-Bye to Objects, or, the Nabokovian in Nabokov // A Small Alpine Form: Studies in Nabokov's Short Fiction / ed. by G. Barabtarlo, C. Nicol. N. Y., 1993. P. 217–224.
24. Барт Р. Удовольствие от текста. М.: Ad Marginem, 2025. 112 с.
25. Самородническая Е.И. Перевод, оригинал и недостижимый идеал: случай В. Набокова // Шаги/Steps. 2019. Т. 5, № 3. С. 241–245.
26. Юлдашева Г.Н. Цифровые особенности обучения РКИ в аспекте педагогического синкретизма // Уч. зап. Худжанд. гос. ун-та им. акад. Б. Гафурова. Гуманит. науки. 2023. № 4(77). С. 69–73.
27. Линник Л.А., Петросян М.М. Иноязычное дискурсивное пространство и его интеграционный потенциал // Primo aspectu. 2024. № 4. С. 52–56.
28. Ганин В.Н., Киселев П.А. Два варианта романа В.В. Набокова «Лолита»: диалог русской и английской словесности // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2020. № 3(68). С. 99–107.
29. Вир Д. Автор как герой: личность и литературная традиция у Булгакова, Пастернака и Набокова / пер. с англ. А. Степанова. СПб.: Acad. Stud. Press: Библиороссика, 2023. 231 с. (Сер.: Современ. зап. русистика).
30. Белова Т.Н. Постмодернистские аспекты художественного и литературно-критического наследия В.В. Набокова // Лит. зарубежье как культур. феномен. 2019. № 2. С. 77–104.

References

1. Karpov N.A. Vladimir Nabokov: k bessmertiyu cherez slovo [Vladimir Nabokov: A Way to Immortality Through the Word]. *Mir russkogo slova*, 2019, no. 1, pp. 115–120. <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2019-11115>
2. Boyd B. *Vladimir Nabokov: The Russian Years*. Princeton, 1990. 607 p. (Russ. ed.: Boyd B. *Vladimir Nabokov. T. 1. Russkie gody*. Moscow, 2010. 695 p.).
3. Pinfan Zhu. Nabokov's Art of Translation: Effective Means to Attract a Wide Readership. *IJLLT*, 2020, vol. 3, no. 12, pp. 172–180. <https://doi.org/10.32996/ijllt.2020.3.12.21>
4. Orekhov B.V. Teksty i perevody Vladimira Nabokova cherez prizmu stilemetrii [Text and Translation by Vladimir Nabokov Through the Prism of Stylemetry]. *Novyy filologicheskii vestnik*, 2021, no. 3, pp. 200–213. https://doi.org/10.54770/20729316_2021_3_200
5. Os'mukhina O.Yu. Nabokov-perevodchik / Nabokov-pisatel': spetsifika vzaimodeystviya [Nabokov-Translator / Nabokov-Writer: Specificity of Interaction]. *Art Logos*, 2019, no. 2, pp. 67–75.
6. Levina G.M. *Spetsifika prepodavaniya RKI v tsifrovuyu epokhu* [Teaching Russian as a Foreign Language in a Digital Era]. Saratov, 2019. Pt. 1. 180 p.; Pt. 2. 233 p.
7. Gorbacheva I.A., Nikolaev P.A. Fonesteticheskie priemy v "Igrovoy poetike" tekstov V.V. Nabokova [Phonesthetic Techniques in V.V. Nabokov's "Game Poetics" Texts]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2020, vol. 2, no. 2, pp. 66–76.
8. Gilyarevskiy R.S. Vladimir Nabokov o chtenii [Vladimir Nabokov on What Is a Good Reading]. *Trudy SPbGIK*, 2020, vol. 220, pp. 196–202.
9. Korovina K.G. Osobennosti kommentariy V.V. Nabokova (na materiale kommentariy k perevodu "Evgeniya Onegina") [Specificities of V. Nabokov's Comments (Based on Comments on the Translation of "Eugene Onegin")]. *Izvestiya VGPU*, 2019, no. 5, pp. 211–215.

10. Shvabrin S. *Between Rhyme and Reason: Vladimir Nabokov, Translation, and Dialogue*. Toronto, 2019. 420 p. <https://doi.org/10.3138/9781487516390>
11. Shakhovskaya Z.A. *V poiskakh Nabokova. Otrazheniya* [In Quest of Nabokov. Reflections]. Moscow, 1991. 178 p.
12. Drozdova A.O. Khudozhnik-shpion v rasskaze V. Nabokova “Assistent rezhissera”: reprezentatsiya sensornogo i esteticheskogo opyta [The Artist-Spy in V. Nabokov’s Short Story “The Assistant Producer”: The Representation of Sensorial and Aesthetic Experience]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2024, vol. 16, no. 3, pp. 130–137 (in Russ.).
13. Khatkova I.N., Donets A.A. Interteksty russkoy klassiki XIX veka (Pushkin, Chernyshevskiy) v romane V. Nabokova “Dar” [Intertexts of Russian Classics of the 19th Century (Pushkin, Chernyshevsky) in V. Nabokov’s Novel “Gift”]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie*, 2020, no. 4, pp. 161–167.
14. Kovalev B.V., Zhukov A.P. Imena sobstvennye v rasskaze Nabokova “Mest’”: semantika i preteksty [Proper Names in the Story of V.V. Nabokov “Revenge”: Semantics and Pretexts]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik*, 2020, no. 2, pp. 56–64.
15. Nikolaev S.G. Inoyazychie kak metakomponent khudozhestvennogo teksta (k voprosu o bilingveme v poezii) [Foreign Languages as a Meta-Component of a Literary Text (on Bilingual Units in Poetry)]. *Relga*, 2005, no. 2. Available at: <https://relga.ru/articles/323/> (accessed: 22 April 2025).
16. Zverev A.M. *Nabokov*. Moscow, 2004. 451 p. (in Russ.).
17. Boyd B. Introduction. Boyd B., Shvabrin S. (eds.). *Verses and Versions: Three Centuries of Russian Poetry*. Orlando, 2008, pp. xix–xxxv.
18. On Bulat Okudzhava. Boyd B., Shvabrin S. (eds.). *Verses and Versions: Three Centuries of Russian Poetry*. Orlando, pp. 359–361.
19. Belova T.N. V.V. Nabokov – issledovatel’ russkoy literatury (osobennosti kriticheskogo podkhoda) [Nabokov as an Investigator of Russian Literature (His Critical Approach)]. *Russkoe zarubezh’ e*, 2013, no. 2, pp. 204–220.
20. Bogdanova L.I. Inoyazychnoe slovo v kontekste russkoy kul’tury: kognitivnyy aspekt [Foreign Words in the Context of Russian Culture: The Cognitive Aspect]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikatsiya*, 2008, no. 4, pp. 11–17.
21. Karakuts-Borodina L.A. Nabokov transliteriruyushchiy: ot yazykovoy igry k mezhkul’turnomu posrednichestvu [Nabokov the Transliterator: From Language Game to Intercultural Mediation]. Shraer M.D., Ponomareva T.O., Sergeev D.I. (eds.). *Nabokovskiy sbornik* [Collected Papers on Nabokov]. St. Petersburg, 2015, no. 2, pp. 206–219.
22. Johnson D.B. *Worlds in Regression: Some Novels of Vladimir Nabokov*. Ann Arbor, 1985. 223 p. (Russ. ed.: Dzhonson D.B. *Miry i antimiry Vladimira Nabokova*. St. Petersburg, 2011. 352 p.).
23. Epstein M. Good-Bye to Objects, or, the Nabokovian in Nabokov. Barabtarlo G., Nicol C. (eds.). *A Small Alpine Form: Studies in Nabokov’s Short Fiction*. New York, 1993, pp. 217–224.
24. Barthes R. *Le plaisir du texte*. Paris, 1973. 108 p. (Russ. ed.: Bart R. *Udovol’sstvie ot teksta*. Moscow, 2025. 112 p.).
25. Samorodnitskaya E.I. Translation, the Original Text and the Unattainable Ideal: The Case of V. Nabokov. *Steps*, 2019, vol. 5, no. 3, pp. 241–245 (in Russ.).
26. Yuldasheva G.N. Tsifrovye osobennosti obucheniya RKI v aspekte pedagogicheskogo sinkretizma [Digital Features of Russian as a Foreign Language Teaching in the Context of Pedagogical Syncretism]. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki*, 2023, no. 4, pp. 69–73.
27. Linnik L.A., Petrosyan M.M. Inoyazychnoe diskursivnoe prostranstvo i ego integratsionnyy potentsial [Foreign Language Discursive Space and Its Integrative Potential]. *Primo aspectu*, 2024, no. 4, pp. 52–56.
28. Ganin V.N., Kiselev P.A. Two Variants of “Lolita” by V.V. Nabokov: A Dialogue of Russian and English Literatures. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*, 2020, no. 3, pp. 99–107 (in Russ.).

Каракуц-Бородина Л.А., Авхадиева И.А.

Владимир Набоков как культуртрегер: преподавание русской словесности в США

29. Weir J. *The Author as Hero: Self and Tradition in Bulgakov, Pasternak, and Nabokov*. Evanston, 2002. 147 p. (Russ. ed.: Vir D. *Avtor kak geroy: lichnost' i literaturnaya traditsiya u Bulgakova, Pasternaka i Nabokova*. St. Petersburg, 2023. 231 p.).

30. Belova T.N. Postmodernistskie aspekty khudozhestvennogo i literaturno-kriticheskogo naslediya V.V. Nabokova [Postmodernist Aspects of V. Nabokov's Literary and Critical Heritage]. *Literaturnoe zarubezh'e kak kul'turnyy fenomen*, 2019, no. 2, pp. 77–104.

Информация об авторах

Л.А. Каракуц-Бородина – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, лингвистики и международной коммуникации Башкирского государственного медицинского университета (адрес: 450059, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 50).

И.А. Авхадиева – старший преподаватель кафедры русского языка, лингвистики и международной коммуникации Башкирского государственного медицинского университета (адрес: 450059, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 50).

Поступила в редакцию 04.02.2025
Одобрена после рецензирования 22.05.2025
Принята к публикации 27.05.2025

Information about the authors

Lyubov A. Karakuts-Borodina, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof. at the Department of Russian Language, Linguistics and International Communication, Bashkir State Medical University (address: ul. Karla Marksa 50, Ufa, 450059, Russia).

Indira A. Avkhadiyeva, Senior Lecturer, Department of Russian Language, Linguistics, and International Communication, Bashkir State Medical University (address: ul. Karla Marksa 50, Ufa, 450059, Russia).

Submitted 4 February 2025
Approved after reviewing 22 May 2025
Accepted for publication 27 May 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 5. С. 53–62.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 53–62.

Научная статья
УДК 811.112.2:808.51
DOI: 10.37482/2687-1505-V460

Функционирование максим вежливости в публичной речи (на материале выступлений Ангелы Меркель)

Рафаэль Аркадьевич Газизов

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
e-mail: asufa.gazizov@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1391-5288>

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию механизмов успешной реализации публичной политической речи в аспекте функционирования принципа вежливости, включающего 6 максим речевого общения – такта, симпатии, согласия, одобрения, скромности и благородства. Любая публичная речь политика должна быть направлена на установление психологического и эмоционального контакта с адресатом для достижения соответствующего перлокутивного эффекта. На материале выступлений бывшего канцлера Германии Ангелы Меркель анализируются способы и средства реализации таких максим вежливости, как максимы такта (в части реализации ее второй субмаксимы) и максимы симпатии. Цель исследования заключается в выявлении и описании основных стратегий позитивной и негативной вежливости, посредством которых соблюдаются рассматриваемые максимы вежливости. Научная ценность статьи определяется тем, что немецкая публичная политическая речь изучается в аспекте функционирования категории вежливости, имеющей большое значение как для межличностной, так и для массовой коммуникации, участники которой (адресант/адресат) нуждаются в сохранении своего лица. Практическая значимость состоит в возможности использования результатов работы в лекционных курсах по германскому языкознанию, в спецкурсах по лингвокультурологии, лингвопрагматике, межкультурной коммуникации. Установлено, что вторая субмаксима максимы такта (оказание максимальной пользы для собеседника) реализуется при помощи стратегии проявления уважения, выступающей одной из стратегий негативной вежливости, направленной на сохранение негативного лица коммуниканта. Максима такта актуализируется в речевых актах приветствия и обращения. Максима симпатии, в свою очередь, реализуется посредством нескольких стратегий позитивной вежливости (маркирования внутригрупповой принадлежности, демонстрации усиленного интереса, преувеличения) в речевых актах приветствия, обращения, поздравления, пожелания, сорадования, благодарности.

Ключевые слова: публичная политическая речь, успешная коммуникация, максимы речевого общения, максимы вежливости, стратегия позитивной вежливости, стратегия негативной вежливости, экспрессивный речевой акт, Ангела Меркель

Для цитирования: Газизов, Р. А. Функционирование максим вежливости в публичной речи (на материале выступлений Ангелы Меркель) / Р. А. Газизов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 5. – С. 53–62. – DOI 10.37482/2687-1505-V460.

Original article

Politeness Maxims in a Public Speech (Based on Angela Merkel's Speeches)

Rafael A. Gazizov

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia,

e-mail: tasufa.gazizov@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1391-5288>

Abstract. This article studies the mechanisms of successful delivery of a public political speech in terms of the politeness principle, which includes 6 conversational maxims: tact, sympathy, agreement, approbation, modesty and generosity. Any public speech of a politician should be aimed at establishing a psychological and emotional contact with the addressee in order to achieve the desired perlocutionary effect. The methods and means of observing the maxim of tact (in terms of implementing its second sub-maxim) and the maxim of sympathy are analysed using the speeches of former German Chancellor Angela Merkel. The research aimed to identify and describe the main strategies of positive and negative politeness, which are employed to observe the politeness maxims under study. The scientific value of this work is determined by the fact that the German public political speech is studied in the aspect of the politeness category, which is of great importance both for interpersonal and for mass communication, whose participants (addresser/addressee) need to save their face. The practical significance of the paper consists in the possibility of using the research results in lecture courses on German linguistics as well as in special courses on cultural linguistics, language teaching, and intercultural communication. It was established that the second sub-maxim of the tact maxim (maximizing the benefit to the interlocutor) is realized with the help of the strategy of showing respect, which is one of the strategies of negative politeness aimed at maintaining the negative face of the communicant. The tact maxim is actualized in the speech acts of greeting and address. The maxim of sympathy is realized through several strategies of positive politeness (marking intragroup affiliation, demonstrating increased interest, and exaggeration) in the speech acts of greeting, address, congratulation, giving wishes, expressing empathic joy and gratitude.

Keywords: *political public speech, successful communication, conversational maxims, politeness maxims, positive politeness strategy, negative politeness strategy, expressive speech act, Angela Merkel*

For citation: Gazizov R.A. Politeness Maxims in a Public Speech (Based on Angela Merkel's Speeches). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 53–62. DOI: 10.37482/2687-1505-V460

Введение. В настоящее время особенно популярным стало исследование публичной речи политиков как одного из важнейших компонентов политического дискурса. В свою очередь, всестороннее изучение различных жанров и аспектов политического дискурса (см. работы Д.Б. Гудкова [1], М.Р. Желтухиной [2], И.П. Споровой [3], Ю.Ю. Суханова [4] и др.) обусловило бурное развитие политической лингвистики, которая возникла как междисциплинарное направление на стыке лингвистики и политологии (см. работы А.П. Чудинова [5], Е.И. Шейгал [6], Э.В. Будаева [7] и др.).

Определяя статус политической лингвистики, А.П. Чудинов приходит к выводу, что данное направление – «это не модный фантом или симулякр, а объективно существующая научная реальность, и не столь уж важно, как именно ее определять – как одно из научных направлений лингвистической науки или же как одну из

наук, которые в совокупности образуют филологическую федерацию» [8, с. 133].

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью изучения публичной политической речи в аспекте функционирования категории вежливости, поскольку успешность публичного выступления того или иного политика во многом зависит от использования средств и приемов, направленных на соблюдение принципа вежливости [9]. Данный принцип, предложенный британским ученым Дж. Личем, включает 6 максим – такта, симпатии, согласия, великодушия (благородства), одобрения, скромности – для поддержания социального равновесия и достижения взаимопонимания между общающимися.

Цель данной статьи – выявить и описать основные стратегии позитивной и негативной вежливости, реализующие максимы вежливости в публичной речи политика. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить наиболее распространенные максимы вежливости, соблюдение которых требуется для успешной реализации публичной речи политиков; 2) раскрыть способы и средства реализации максим вежливости.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили выступления бывшего канцлера Германии Ангелы Меркель, размещенные в корпусе немецкого языка *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*¹. В работе использованы методы контекстуального и прагмалингвистического анализа, необходимые для описания способов выражения вежливости в рамках определенной коммуникативной ситуации с учетом употребления определенных речевых актов.

Результаты. Как известно, соблюдение максим принципа вежливости особенно актуально и эффективно при межличностном взаимодействии, при котором нарушения норм и правил коммуникативного поведения, а также стратегий вежливости, реализующих те или иные максимы, напрямую препятствуют осу-

ществлению успешной коммуникации. Однако реализация рассматриваемого принципа также возможна и необходима в политической коммуникации, являющейся разновидностью массовой коммуникации, адресат/адресант которой нуждается в сохранении своего лица – как позитивного, так и негативного (о понятии лица см. подробнее в работе П. Браун и С. Левинсона [10, с. 61]).

Реализация максим вежливости происходит посредством применения определенных стратегий негативной и позитивной вежливости, выступающих формой выражения имплицитной вежливости. Стратегии негативной вежливости направлены на удовлетворение потребности участника коммуникации (адресанта/адресата) в неприкосновенности личной территории, выражении уважения, а также предоставлении свободы выбора. В свою очередь, стратегии позитивной вежливости связаны с демонстрацией солидарности и единства путем выражения внимания, интереса, согласия. Использование коммуникативных стратегий вежливости актуально для осуществления успешной коммуникации в различных сферах, включая политическую, поскольку любой политик в своем публичном выступлении заинтересован в достижении перлокутивного эффекта, который имеет «потенциал оказывать влияние на мысли, чувства, поведение реципиента и вызывать его ответную реакцию в виде речевого действия или поступка» [11, с. 82].

Как известно, публичная речь, в т. ч. политическая, направлена прежде всего на информирование, убеждение, оказание желаемого воздействия на слушателя. Как отмечают Т.В. Абросимова и О.М. Снигирева, чертой публичной политической речи, отличающей ее от других типов дискурса, является «наличие языковых средств как рационального убеждения, так и эмоционального воздействия» [12, с. 59–60] (см. также работу Н.Н. Оломской и Д.А. Юзвицкой о лексических особенностях политической речи [13]).

¹Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 12.04.2025).

При этом слагаемыми успеха в достижении эффективности коммуникативного взаимодействия между оратором (политиком) и массовым адресатом будут не только «логичность, целостность и подчиненность всех элементов единому замыслу» [14, с. 116], но и установление психологического и эмоционального контакта, что возможно в первую очередь при соблюдении максим вежливости.

Рассматривая вопрос о функционировании принципа вежливости в публичной политической речи, необходимо принимать во внимание композиционное строение последней, под которым Н.Н. Кохтев понимает «закономерное, мотивированное содержанием и замыслом расположение всех частей выступления и целесообразное их соотношение, организацию материала, расположение его в определенной системе» [15, с. 280]. Как правило, публичная речь имеет трехчастную структуру, включающую вступление, главную часть и заключение. К.А. Киянова предлагает пятичастную структуру, состоящую из зачина, введения в тему, главной части, заключения и концовки [14, с. 116].

В каждой из этих частей могут использоваться стратегии позитивной и негативной вежливости, при помощи которых соблюдается та или иная максима вежливости. Необходимо также отметить, что максимы вежливости реализуются в определенных речевых актах: например, максима такта – в импозитивах (речевых актах просьбы, совета, приглашения) и в некоторых экспрессивных речевых актах (приветствие, обращение); максима благородства – в комиссивах (речевых актах обещания и предложения); максимы одобрения и симпатии – в экспрессивах (речевых актах комплимента, похвалы, поздравления, пожелания, извинения, благодарности, утешения и т. д.); максимы согласия и скромности – в ассертивах (речевых актах согласия, несогласия, самокритики).

Во вступлении, или зачине, принято использовать формулы приветствия и обращения. В данных речевых актах актуализируются, как правило, максимы такта и симпатии. Во время выступления по случаю 70-й годовщины основания социального союза «VdK Deutschland e. V.» 29 января 2020 года в Берлине бывший канцлер Германии Ангела Меркель обращается к участникам встречи с использованием стандартной конструкции «*Sehr geehrte + Frau/Herr/Kollege + фамилия*», являющейся средством выражения такой стратегии негативной вежливости, как стратегия проявления уважения (*Give deference* [10, с. 131]), которая реализует, в свою очередь, максимум такта. Подобное обращение немецкий ученый В. Гладров классифицирует как дистантное, призванное выражать уважение к своему собеседнику (о контактном обращении см.: [16, с. 40]):

*Sehr geehrte Frau Bentele, sehr geehrte Frau Mascher, sehr geehrter Kollege, lieber Hubertus Heil, sehr geehrte Kolleginnen und Kollegen aus den Ministerien, aus dem Parlament und aus den Verbänden*². – *Уважаемая госпожа Бентеле, уважаемая госпожа Машер, уважаемый коллега, дорогой Хубертус Хайль, уважаемые коллеги из министерств, парламента и союзов*³.

В данном примере также используется личное имя *Hubertus Heil* в сочетании с лексемой *lieber* («дорогой»). Такое контактное обращение к коллеге-министру маркирует внутригрупповую принадлежность (о стратегии «Use in-group identity markers» см.: [10, с. 102]), что актуализирует одну из стратегий позитивной вежливости, направленную на реализацию максимы симпатии.

Упоминание должности и/или звания в обращении выступает способом выражения стратегии проявления уважения, направленной на соблюдение максимы такта в части ее второй субмаксимы (польза для собеседника должна быть максимальной). В следующем примере

²Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel zum 70. Jahrestag der Gründung des Sozialverbands VdK Deutschland e.V. am 29. Januar 2020 in Berlin. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-von-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel-1717862> (дата обращения: 12.04.2025).

³Здесь и далее дословный перевод выполнен автором настоящей статьи.

А. Меркель, обращаясь к участникам мероприятия по случаю открытия Ганноверской ярмарки 22 апреля 2018 года, называет их должности, в частности президента Мексики, премьер-министра Нижней Саксонии, мэра (бургомистра) Ганновера и др.:

Sehr geehrter Herr Präsident Peña Nieto, sehr geehrter Herr Ministerpräsident, Herr Oberbürgermeister, sehr geehrte Kommissare, lieber Günther Oettinger... sehr geehrter Herr Welcker, Herr Professor Wahlster...⁴ – Уважаемый господин Президент Пенья Ньето, уважаемый господин премьер-министр, господин бургомистр, уважаемые комиссары, дорогой Гюнтер Эттингер... уважаемый господин Велькер, господин профессор Вальстер...

Стратегия маркирования внутригрупповой принадлежности выражается посредством использования вышеупомянутой лексемы *lieber* в сочетании с именем адресата (*lieber Günther Oettinger*). Гюнтер Эттингер – однопартиец А. Меркель, которая в 2018 году возглавляла Христианско-демократический союз. В данном случае рассматриваемая стратегия позитивной вежливости направлена на соблюдение максимы симпатии.

В другом примере А. Меркель, выступая 4 сентября 2018 года на мероприятии в г. Франкфурте-на-Майне, организованном акционерным обществом «Немецкая биржа АГ» («Deutsche Börse AG») и посвященном будущему финансового положения Германии в Европе, тоже обращается к своему однопартийцу, Фолькеру Буфье, посредством конструкции «*lieber* + имя»,

таким образом выражая ему симпатию. Одновременно она указывает его высокую должность премьер-министра Гессена, проявляя тем самым уважение к нему:

Sehr geehrter Herr Weimer, sehr geehrter Herr Ministerpräsident, lieber Volker Bouffier, sehr geehrte Mitglieder der hessischen Landesregierung, sehr geehrter Herr Staatssekretär, sehr geehrte Damen und Herren⁵. – Уважаемый господин Ваймер, уважаемый господин премьер-министр, дорогой Фолькер Буфье, уважаемые члены правительства земли Гессен, уважаемый господин государственный секретарь, уважаемые дамы и господа.

Максима симпатии реализуется, как правило, в экспрессивных речевых актах, в т. ч. сорадования, функционирование которых «обусловлено их иллокутивной целью, которая может проявиться как в стремлении выразить искреннюю радость по поводу успеха, удачи, счастья другого, так и в социально-нормативном проявлении позитивного эмоционального отношения коммуникантов» [17, с. 10]. Речевые акты сорадования в немецком языке сопровождаются употреблением перформативного глагола *sich freuen* («радоваться»), а также конструкций с лексемами *Freude* («радость») и *froh* («радостный»). Данные речевые акты могут использоваться как во вступлении, так и в главной части публичного выступления, ср.:

Ich freue mich, dass Sie alle hier sind⁶. – Я рада, что Вы все присутствуете здесь; ...herzlich willkommen in Berlin. Es ist mir und der gesamten Bundesregierung eine Freude,

⁴Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel zur Eröffnung der Hannover Messe am 22. April 2018 in Hannover. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/rede-von-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel-1122328> (дата обращения: 12.04.2025).

⁵Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel bei der Veranstaltung der Deutsche Börse AG zur Zukunft des Finanzstandortes Deutschland in Europa am 4. September 2018 in Frankfurt am Main. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/rede-von-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel-1529426> (дата обращения: 12.04.2025).

⁶Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel bei der Auftaktveranstaltung der SDG-Kampagne des Bundesministeriums für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung am 14. November 2019 in Berlin. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/rede-von-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel-1693500> (дата обращения: 13.04.2025).

*dass Sie hierhergekommen sind und Ihre Ideen für die Zukunft des Internets mitgebracht haben. Dafür danke ich Ihnen sehr*⁷. – ...добро пожаловать в Берлин. Я и все федеральное правительство **рады**, что вы приехали сюда и привезли с собой идеи для будущего Интернета. За это я вам очень благодарна;

*Deshalb bin ich froh, dass wir wichtige Zusagen der G20-Mitgliedstaaten erreicht haben – unter anderem zur globalen Anbindung an das Internet und zu internationalen Standards*⁸. – Поэтому я **рада**, что мы достигли важных обязательств государств-членов большой двадцатки, в том числе в отношении глобального подключения к Интернету и международных стандартов.

Во втором примере использован экспрессивный речевой акт благодарности, который также является средством реализации максимы симпатии. А. Меркель выражает благодарность участникам 14-го форума по управлению Интернетом 26 ноября 2019 года в Берлине. Данный речевой акт распространен наречием *sehr* («очень»), актуализирующим стратегию преувеличения «Exaggerate (interest, approval, sympathy with H)» [10, с. 102]), крайне необходимую для проявления симпатии.

Речевой акт благодарности может распространяться прилагательными и наречиями, например *herzlich* («сердечный»/«сердечно»), *schön* («красивый»), ср.:

*Herzlichen Dank, dass ich heute an diesem wichtigen Abend dabei sein durfte*⁹. – **Сердечно благодарю** вас за то, что позволили мне присутствовать на этом важном вечере сегодня;

*Allen Organisationen, die in diesem Bereich arbeiten... danke ich herzlich*¹⁰. – Я **сердечно благодарю** все организации, которые работают в этой области;

*Mehr als 60.000 Menschen sind ehrenamtlich im VdK tätig. Sie alle verdienen Dank und Anerkennung, gerade auch am 70. Geburtstag. Sie sind ein Segen für unser Gemeinwohl. Danke schön dafür*¹¹. – Более 60 000 человек работают волонтерами в VdK. Все они заслуживают благодарности и признания, особенно в день 70-летия. Они являются благословением для нашего общего блага. **Большое спасибо** за это.

При этом *herzlich* зачастую усиливается наречием *ganz*, являющимся средством выражения стратегии преувеличения:

*Ich möchte mich ganz herzlich bei Minister Müller für die Einladung bedanken*¹². – Я хотела бы **от всего сердца** поблагодарить господина Мюллера за приглашение.

В данном примере политик использует модальный глагол *mögen* в форме конъюнктива и в значении «хотеть», демонстрируя благодарность министру за приглашение. Здесь реализуется такая стратегия позитивной вежливости, как демонстрация усиленного интереса к собеседнику (о стратегии «Intensify interest to H» см.: [10, с. 102]).

Необходимо отметить, что в вышеприведенных примерах речевой акт благодарности репрезентирован перформативными глаголами *danken* и *sich bedanken*. Однако благодарность может быть реализована посредством конструкций *dankbar sein* и *danke sagen*, имени существительного *Dankeschön*, ср.:

⁷Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel bei der Eröffnung des 14. Internet Governance Forums am 26. November 2019 in Berlin. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/rede-von-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel-1701702> (дата обращения: 13.04.2025).

⁸Ibid.

⁹Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel bei der Auftaktveranstaltung der SDG-Kampagne des Bundesministeriums für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung am 14. November 2019 in Berlin.

¹⁰Ibid.

¹¹Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel zum 70. Jahrestag der Gründung des Sozialverbands VdK Deutschland e.V. am 29. Januar 2020 in Berlin.

¹²Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel bei der Auftaktveranstaltung der SDG-Kampagne des Bundesministeriums für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung am 14. November 2019 in Berlin.

*Deshalb bin ich Ihnen sehr dankbar dafür, dass Sie hier zusammengekommen sind, um Ihre Sicht der Dinge darzulegen*¹³. – Поэтому я очень благодарна вам за то, что вы собрались здесь, чтобы изложить свой взгляд на вещи;

*Ich möchte die Gelegenheit nutzen, um Herrn Professor Wahlster auch noch einmal ganz herzlich danke zu sagen*¹⁴. – Я хотела бы воспользоваться возможностью, чтобы еще раз от всей души поблагодарить господина профессора Вальстера;

*Ein herzliches Dankeschön daher an die Europäische Kommission, an Kommissarin Malmström, die in diesen Tagen wirklich herausragende Arbeit leistet, und an die mexikanischen Partner*¹⁵. – Поэтому я хотела бы выразить искреннюю благодарность Европейской комиссии, комиссару Мальстрем, которая проделала действительно выдающуюся работу в эти дни, и мексиканским партнерам.

Выступления на юбилейных мероприятиях предполагают произнесение поздравительных речей. Речевой акт поздравления наряду с пожеланием является одним из основных средств выражения максимы симпатии. Поздравляя с 70-й годовщиной основания социальный союз «VdK Deutschland e. V.» 29 января 2020 года в Берлине, А. Меркель использует перформативный глагол *gratulieren* («поздравлять») в сочетании с такими маркерами усиления, как наречие *ganz* и прилагательное *herzlich* в роли обстоятельств:

*...der größte Sozialverband unseres Landes wird heute 70 Jahre alt. Dazu gratuliere ich dem VdK ganz herzlich, auch im Namen der ganzen Bundesregierung*¹⁶. – ...крупнейшему обществен-

ному объединению нашей страны сегодня исполняется 70 лет. Я искренне поздравляю VdK с этим, в том числе от имени всего федерального правительства.

Как и в случае с благодарностью, употребление модального глагола *mögen* в составе речевых актов поздравления выступает способом выражения стратегии демонстрации усиленного интереса, направленной на соблюдение максимы симпатии и в межличностном общении, и в массовой, в частности политической, коммуникации:

*Deshalb finde ich es ganz wichtig und toll, dass Sie die Ehrenmedaille bekommen werden, wozu ich Ihnen ganz herzlich gratulieren möchte*¹⁷. – Поэтому я считаю очень важным и замечательным, что Вы получите почетную медаль, с чем я хотела бы Вас поздравить от всей души.

Речевые акты пожелания реализуются, как правило, при помощи перформативного глагола *wünschen* («желать») или отглагольного существительного *Glückwunsch* («пожелания»):

*Wir sind überzeugt, dass die Vereinten Nationen und das IGF eine Schlüsselrolle spielen, wenn es darum geht, einen globalen Konsens für ein offenes, freies und dezentrales Internet zu ermöglichen. Deshalb wünsche ich Ihnen viel Erfolg für dieses Internet Governance Forum in Berlin*¹⁸. – Мы убеждены, что ООН и Глобальный форум по управлению Интернетом играют ключевую роль в обеспечении глобального консенсуса в отношении открытого, свободного и децентрализованного Интернета. Поэтому я желаю вам успехов на форуме по управлению Интернетом в Берлине;

¹³Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel bei der Eröffnung des 14. Internet Governance Forums am 26. November 2019 in Berlin.

¹⁴Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel zur Eröffnung der Hannover Messe am 22. April 2018 in Hannover.

¹⁵Ibid.

¹⁶Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel zum 70. Jahrestag der Gründung des Sozialverbands VdK Deutschland e.V. am 29. Januar 2020 in Berlin.

¹⁷Ibid.

¹⁸Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel bei der Eröffnung des 14. Internet Governance Forums am 26. November 2019 in Berlin.

*Alle die, die hier sind, haben, denke ich, Lust daran, mitzuwirken. Deshalb herzlichen Glückwunsch und alles Gute für die Zukunft der Sozialen Marktwirtschaft*¹⁹. – Я думаю, что все, кто здесь находится, хотят принять участие. Поэтому сердечно **поздравляю** и желаю всего хорошего будущему социальной рыночной экономики.

В последнем примере пожелание распространено прилагательным *herzlich*, являющимся средством выражения стратегии преувеличения.

Заключение. Таким образом, прагматический анализ публичной политической речи в аспекте функционирования максим вежливости, в частности максим симпатии и такта, позволяет сделать вывод о том, что соблюдение принципа вежливости посредством реализации определенных стратегий позитивной и негативной вежливости в политической коммуникации

имеет не меньшее значение для достижения успешного коммуникативного взаимодействия, чем логичное и целостное построение речи с единым замыслом.

Соблюдение максим вежливости способствует установлению психологического и эмоционального контакта между участниками политической коммуникации. Как и в межличностной коммуникации, здесь адресат/адресант нуждается в сохранении своего позитивного и негативного лица, что возможно благодаря использованию соответствующих коммуникативных стратегий вежливости, с помощью которых реализуется та или иная максима вежливости.

Перспективным представляется дальнейший анализ функционирования нерассмотренных максим согласия, одобрения, благородства и скромности, а также максимы такта в импозитивах.

Список литературы

1. Гудков Д.Б. Контекст современного русского политического дискурса // Профессор. журн. Сер.: Рус. яз. и лит. 2023. № 4(16). С. 2–7.
2. Желтухина М.Р. Медиаизмерение политического дискурса в XXI веке: фобии – фейки – интертеймент // Семиотико-семиологическое измерение политического дискурса: коллектив. моногр. / под науч. ред. Н.А. Боженковой, П.А. Катышева. М.: ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2021. С. 150–169.
3. Спорова И.П. Политический медиадискурс: проблемы манипуляции // Актуальные вопросы филологии и лингводидактики: современные тенденции и перспективы развития: сб. науч. ст. всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. СПб., 2023. С. 103–109.
4. Суханов Ю.Ю. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9, № 1. С. 200–212. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-1-200-212>
5. Чудинов А.П. Понятийно-терминологический аппарат политической лингвистики // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: материалы междунар. науч. конф. / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. С. 269–270.
6. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Слово, 2018. 369 с.
7. Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология: моногр. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Научком. технологии, 2020. 464 с.
8. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: наука – научное направление – симулякр // Экология яз. и коммуникатив. практика. 2015. № 1. С. 126–134.
9. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London: Routledge, 1983. 250 p.

¹⁹Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel bei der Festveranstaltung „70 Jahre Soziale Marktwirtschaft“ am 15. Juni 2018 in Berlin. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/rede-von-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel-1147236> (дата обращения: 13.04.2025).

10. Brown P., Levinson S.C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. 345 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511813085>
11. Кирьякова О.В. Перлокутивные глаголы в современном немецком языке // Вестн. ТГПУ. 2011. Вып. 3(105). С. 81–85.
12. Абросимова Т.В., Снигирева О.М. Особенности немецкой публичной политической речи // Russ. Linguist. Bull. 2022. № 1(29). С. 58–60.
13. Оломская Н.Н., Юзвицкая Д.А. Лексические особенности политической речи // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. / под ред. А.В. Зиньковской, В.В. Катерминой, С.Х. Липириды, А.М. Прима, А.В. Самойловой. Краснодар, 2022. С. 119–124.
14. Киянова К.А. Роль зачинов в композиции публичной политической речи (на материале публичных выступлений А. Меркель) // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2018. Т. 88, № 10. С. 115–119. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.23>
15. Кохтев Н.Н. Основы ораторской речи. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2013. 328 с.
16. Гладров В. Система обращения в русском и немецком языках // С любовью к слову / ed. by J. Lindstedt, A. Chesterman, M. Kopotev, A. Laamanen, A.O. Nikunlassi, J. Nuorluoto, J. Papinniemi, P. Pesonen, J. Viimaranta. Helsinki, 2008. P. 38–48.
17. Анищенко А.А. Эмоциональный и эмотивный потенциалы речевых актов сферы сорадования // Вопр. соврем. лингвистики. 2018. № 2. С. 8–16. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2018-2-8-16>

References

1. Gudkov D.B. Kontekst sovremennogo russkogo politicheskogo diskursa [The Context of Modern Russian Political Discourse]. *Professorskiy zhurnal. Ser.: Russkiy yazyk i literatura*, 2023, no. 4, pp. 2–7.
2. Zheltukhina M.R. Mediaizmerenie politicheskogo diskursa v XXI veke: fobii – feyki – interteymnt [Media Dimension of Political Discourse in the 21st Century: Phobias – Fakes – Entertainment]. Bozhenkova N.A., Katyshev P.A. (eds.). *Semiotiko-semasiologicheskoe izmerenie politicheskogo diskursa* [Semiotic and Semasiological Dimension of Political Discourse]. Moscow, 2021, pp. 150–169.
3. Sporova I.P. Politicheskii mediadiskurs: problemy manipulyatsii [Political Media Discourse: Problems of Manipulation]. *Aktual'nye voprosy filologii i lingvodidaktiki: sovremennyye tendentsii i perspektivy razvitiya* [Current Issues of Philology and Linguodidactics: Modern Trends and Prospects for Development]. St. Petersburg, 2023, pp. 103–109.
4. Sukhanov Yu.Yu. Political Discourse as Object of Linguistic Analysis. *RUDN J. Lang. Stud. Semiot. Semant.*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 200–212 (in Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-1-200-212>
5. Chudinov A.P. Ponyatiyno-terminologicheskii apparat politicheskoy lingvistiki [Political Linguistics Terminology]. Chudinov A.P. (ed.). *Politicheskaya kommunikatsiya: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya* [Political Communication as an Area of Research: Prospects for Development]. Yekaterinburg, 2014, pp. 269–270.
6. Sheygal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [The Semiotics of Political Discourse]. Moscow, 2018. 369 p.
7. Budaev E.V. *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [Comparative Political Metaphorology]. St. Petersburg, 2020. 464 p.
8. Chudinov A.P. Politicheskaya lingvistika: nauka – nauchnoe napravlenie – simulyakr [Political Linguistics: A Science – a Research Field – a Simulacrum]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2015, no. 1, pp. 126–134.
9. Leech G.N. *Principles of Pragmatics*. London, 1983. 250 p.
10. Brown P., Levinson S.C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, 1987. 345 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511813085>
11. Kir'yakova O.V. Perlokutivnye glagoly v sovremennom nemetskom yazyke [Perlocutionary Verbs in the Modern German Language]. *Vestnik TGPU*, 2011, no. 3, pp. 81–85.
12. Abrosimova T.V., Snigireva O.M. Osobennosti nemetskoj publichnoy politicheskoy rechi [Features of German Public Political Speech]. *Russ. Linguist. Bull.*, 2022, no. 1, pp. 58–60.

13. Olomsкая N.N., Yuzvitskaya D.A. Leksicheskie osobennosti politicheskoy rechi [Lexical Features of Political Speech]. Zin'kovskaya A.V., Katermina V.V., Lipiridi S.Kh., Prima A.M., Samoylova A.V. (eds.). *Mezhdistsiplinarnye aspekty lingvisticheskikh issledovaniy* [Interdisciplinary Aspects of Linguistic Research]. Krasnodar, 2022, pp. 119–124.

14. Kiyanova K.A. Rol' zachinov v kompozitsii publichnoy politicheskoy rechi (na materiale publichnykh vystupleniy A. Merkel') [Preamble Role in the Composition of Public Political Speech (by the Material of A. Merkel's Public Addresses)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, vol. 88, no. 10, pp. 115–119. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.23>

15. Kokhtev N.N. *Osnovy oratorskoy rechi* [The Basics of Public Speaking]. Moscow, 2013. 328 p.

16. Gladrow W. Sistema obrashcheniya v russkom i nemetskom yazykakh [The System of Address in Russian and German]. Lindstedt J., Chesterman A., Kopotev M., Laamanen A., Nikunlassi A.O., Nuorluoto J., Papinniemi J., Pesonen P., Viimaranta J. (eds.). *S lyubov'yu k slovu* [With Love for the Word]. Helsinki, 2008, pp. 38–48.

17. Anishchenko A.A. Emotsional'nyy i emotivnyy potentsialy rechevykh aktov sfery soradovaniya [Emotional and Emotive Potentials of Speech Acts in the Sphere of Empathic Joy]. *Voprosy sovremennoy lingvistiki*, 2018, no. 2, pp. 8–16. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2018-2-8-16>

Информация об авторе

Р.А. Газизов – доктор филологических наук, профессор, и. о. директора института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий (адрес: 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32).

Information about the author

Rafael A. Gazizov, Dr. Sci. (Philol.), Prof., Acting Director of the Institute for the Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology (address: ul. Zaki Validi 32, Ufa, 450076, Russia).

Поступила в редакцию 22.05.2025

Одобрена после рецензирования 18.08.2025

Принята к публикации 20.08.2025

Submitted 22 May 2025

Approved after reviewing 18 August 2025

Accepted for publication 20 August 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 5. С. 63–75.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 63–75.

Научная статья
УДК 81'25
DOI: 10.37482/2687-1505-V459

Система когнитивных механизмов в переводе

Александр Александрович Буров¹✉

Дмитрий Владимирович Балаганов²

^{1, 2}Военный университет имени князя Александра Невского, Москва, Россия

¹e-mail: tariverd@yandex.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8087-9170>

²e-mail: dmitryrus@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6021-0323>

Аннотация. Настоящее исследование предлагает комплексный анализ когнитивных механизмов, лежащих в основе переводческой деятельности, с целью их систематизации и углубления понимания интеллектуальных процессов, обеспечивающих межъязыковую коммуникацию. Посредством междисциплинарного подхода, объединяющего принципы когнитивной лингвистики, психолингвистики и философии языка, расширяется традиционное определение термина «механизм» в когнитивном аспекте с интеграцией в него как осознанных действий, так и автоматических операций, формирующих динамическую систему обработки информации. Основной акцент сделан на пересмотре общепризнанной трактовки механизма как «системы взаимодействия элементов» в контексте когнитивных процессов, что позволило выделить ключевые структурные компоненты переводческой деятельности. Результатом работы является введение концепции когнитивных фаз перевода – внимания, восприятия, понимания, интерпретации и генерации, которые реализуются нелинейно – возвратно-поступательным образом. Это отражает гибкость когнитивной системы переводчика, вынужденной адаптироваться к постоянным изменениям поступающей информации и контекста. Например, в синхронном переводе фазы восприятия и понимания сливаются в единый процесс из-за временных ограничений, тогда как в письменном переводе они могут чередоваться многократно по мере анализа текста. Исследование демонстрирует, что успешность перевода зависит от взаимосвязи когнитивных механизмов: сбой одного механизма нарушает работу всей системы. Особое внимание уделяется взаимодействию внутренних и внешних факторов, таких как индивидуальная когнитивная сфера переводчика, культурный контекст и условия коммуникации. Эти факторы влияют на выбор языковых средств, интерференцию между языками и формирование переводческих решений. Практическая значимость статьи заключается в разработке универсальной модели, применимой ко всем видам перевода (последовательный, синхронный, письменный, устно-письменный). Результаты исследования способствуют пониманию интеллектуальной деятельности и позволяют оптимизировать обучение переводчиков, делая акцент на развитии ключевых навыков. Кроме того, предложенная система открывает перспективы для дальнейшего изучения когнитивных принципов в переводе.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, переводческая деятельность, когнитивная система переводчика, когнитивные механизмы в переводе, когнитивные фазы перевода, возвратно-поступательная обработка текста, семантическая репрезентация

Для цитирования: Буров, А. А. Система когнитивных механизмов в переводе / А. А. Буров, Д. В. Балаганов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 5. – С. 63-75. – DOI 10.37482/2687-1505-V459.

Original article

The System of Cognitive Mechanisms in Translation

Aleksandr A. Burov¹✉

Dmitry V. Balaganov²

^{1,2}Prince Alexander Nevsky Military University, Moscow, Russia

¹e-mail: tariverd@yandex.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8087-9170>

²e-mail: dmitryrus@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6021-0323>

Abstract. This study offers a comprehensive analysis of the cognitive mechanisms underlying translation activities, aiming to systematize them and deepen the understanding of intellectual processes that enable cross-linguistic communication. Using an interdisciplinary approach that integrates principles of cognitive linguistics, psycholinguistics and the philosophy of language, the article expands the traditional definition of the term *cognitive mechanism* to include both conscious actions and automatic operations that form a dynamic information processing system. The paper focused on reinterpreting the philosophical notion of a mechanism as a system of interacting elements within the context of cognitive processes, which allowed us to identifying key structural components of translation practices. The central contribution of the study is the introduction of the concept of cognitive phases of translation: attention, perception, comprehension, interpretation, and generation, which function non-linearly in a reciprocating manner. This reflects the flexibility of the translator's cognitive system, which must adapt to the constantly changing incoming information and context. For instance, in simultaneous interpretation, the phases of perception and comprehension merge into a single process due to time constraints, whereas in written translation, they may alternate repeatedly during text analysis. The article demonstrates that translation success is determined by the interdependence of cognitive mechanisms: a failure in one mechanism disrupts the entire system. Special emphasis is placed on the interaction between internal and external factors, such as the translator's individual cognitive sphere, cultural context, and communication conditions. These factors influence the choice of linguistic means and translation strategies, as well as language transfer. The practical significance of the research lies in the development of a universal model applicable to all types of translation and interpretation (written, consecutive, and simultaneous). The findings enhance the understanding of the translator's intellectual activity and provide a framework for optimizing translator training by emphasizing the development of key skills. Additionally, the proposed system opens avenues for further research on the cognitive principles in translation.

Keywords: *cognitive linguistics, translation practice, translator's cognitive system, cognitive mechanisms in translation, cognitive phases of translation, reciprocating processing of texts, semantic representation*

For citation: Burov A.A., Balaganov D.V. The System of Cognitive Mechanisms in Translation. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 63–75. DOI: 10.37482/2687-1505-V459

Настоящая статья посвящена исследованию и систематизации когнитивных механизмов (КМ) в форме динамической модели, отражающей интеллектуальные процессы межъязыковой коммуникации.

Теоретическая значимость работы обусловлена необходимостью углубления понимания фундаментальных когнитивных процессов перевода. Исследование является попыткой развития когнитивного переводоведения, расширения традиционных представлений о КМ и предлагает их комплексное структурирование на основе междисциплинарного подхода (когнитивная лингвистика, психолингвистика, философия языка). Предлагаемая модель способствует преодолению фрагментарности в описании когнитивной стороны перевода.

Практическая значимость исследования заключается в применении его результатов для оптимизации обучения переводчиков. Понимание структуры и взаимодействия когнитивных фаз (КФ) и КМ позволяет целенаправленно развивать ключевые навыки, адаптировать методики обучения к специфике разных видов перевода (последовательный, синхронный, письменный, устно-письменный) и прогнозировать точки потенциальных сбоев в когнитивной системе переводчика.

Проблема когнитивных аспектов перевода активно разрабатывается в современной лингвистике. Основополагающий вклад в становление когнитивного подхода к языку и, опосредованно, к переводу внесли труды Е.С. Кубряковой, определившей когницию как совокупность процессов обработки информации [1]. Под влиянием идей антропоцентризма и когнитивистики теория перевода стала рассматривать перевод как вид языковой деятельности, неразрывно связанный с ментальными процессами [2–4]. Значительное внимание уделяется исследованию конкретных КМ в отдель-

ных видах перевода, прежде всего синхронном. Д.В. Балаганов детально анализирует механизмы восприятия-понимания, прогнозирования, синхронизации и переключения [5–7]. К.И. Леонтьева рассматривает механизм перспективации [8], М.Е. Коровкина и соавторы [9] – инферирование, вероятностное прогнозирование и компрессию. В.В. Красных подчеркивает важность фоновых знаний и когнитивных пространств для интерпретации [10]. Работы А.Г. Минченкова [11] и Р.Т. Белла [12] вносят вклад в понимание процессов концептуализации и ментальной репрезентации в переводе.

Несмотря на значительный объем исследований, налицо отсутствие универсальной, системной модели КМ, применимой ко всем видам переводческой деятельности. Существующие труды зачастую фокусируются на специфике отдельных видов перевода или анализируют изолированные механизмы, не предлагая целостной картины их взаимодействия. Философско-когнитивная трактовка термина «механизм» требует уточнения применительно к переводческой деятельности. Настоящая статья призвана предложить решение данных проблем.

Цель исследования – систематизировать КМ переводческой деятельности и ввести концепцию универсальной модели КФ перевода, отражающей их динамическое взаимодействие.

Объектом изучения является интеллектуальная деятельность переводчика, рассматриваемая как система взаимосвязанных когнитивных процессов (механизмов) при осуществлении различных видов перевода.

Актуальность исследования определяется растущим интересом к когнитивным основам переводческой деятельности, потребностью в комплексных, междисциплинарных моделях, объясняющих ментальные процессы перевода, а также необходимостью разработки научно обоснованных методик обучения перевод-

чиков, учитывающих когнитивную нагрузку и специфику разных видов перевода.

Научная новизна статьи заключается в уточнении понятия «когнитивный механизм»; формулировании концепции 5 КФ переводческой деятельности (внимания, восприятия, понимания, интерпретации и генерации), применимой для анализа всех видов перевода; обосновании нелинейного характера протекания выделенных фаз; обосновании системной взаимозависимости КМ; рассмотрении комплексного влияния внутренних и внешних факторов на функционирование системы.

В основе исследования лежит гипотеза, что деятельность переводчика представляет собой динамическую систему взаимосвязанных и взаимозависимых КМ, реализуемых в рамках нелинейно протекающих фаз обработки информации. Успешность перевода зависит от функционирования системы, а не ее отдельных компонентов.

Исторически когнитивная лингвистика рассматривала язык с точки зрения познавательных механизмов, «лежащих в основе мыслительной деятельности человека»¹. В рамках когнитивного подхода язык играет роль инструмента, представляющего систему знаков, выполняющих функции репрезентации, кодирования и трансформации информации. При этом в отличие от других семиотических средств язык выступает одновременно как внешний и внутренний объект, формируемый независимо и требующий усвоения в ходе социализации и обучения. Впоследствии, благодаря заключениям Е.С. Кубряковой, познавательный аспект механизмов интеллектуальной деятельности расширился до значения «внутренний, ментальный, интериоризированный» [1, с. 9].

Распространение в науке идей антропоцентризма и когнитивистики привело к их проникновению в деятельность концепцию перевода. Современные зарубежные исследователи рассматривают перевод как подвид языковой

деятельности, обусловленный факторами речепорождения. Как и другие когнитивные функции, относящиеся к внешним проявлениям ментальной сферы, язык требует интеллектуальных усилий для развития: «Это социально-психологический феномен, поскольку необходимым условием речепорождения является взаимодействие когнитивных факторов и нейронов с элементами окружающей среды (контекстом)» [2, с. 2].

Основные КМ переводческой деятельности могут быть определены путем анализа интеллектуальной деятельности переводчика. С когнитивной точки зрения перевод – это взаимодействие двух когнитивных структур адресанта и адресата через когницию переводчика. Когниция – это «познавательный процесс или же совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов – восприятия мира, простого наблюдения за окружающим, категоризации, мышления, речи и пр., служащих обработке и переработке информации, поступающей к человеку либо извне... либо уже интериоризированной и реинтерпретируемой человеком»².

Таким образом, деятельность переводчика представляет собой сопоставление когнитивных сфер (совокупностей знаний человека о мире и о себе) адресанта и переводчика, переводчика и адресата, «установление общих и отличающихся слотов и формирование третьих элементов – “сцепок” между когнитосферами отправителя и получателя» [3, с. 53], а также создание связей между ними для успешной реализации коммуникативного акта. Переводчик выступает в роли «промежуточной смыкающе-преобразующей системы» между субъектами [4, с. 161]. Следовательно, перевод как средство коммуникации связан с когнитивными явлениями, составляющими основу коммуникативных процессов.

Интеллектуальную деятельность (получение, обработка, передача) можно условно

¹Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 78.

²Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. С. 81.

разделить на гипотетические фазы, включающие как сознательные действия, так и автоматические операции. С когнитивной точки зрения, восприятие обеспечивает получение информации, далее подключаются механизмы сознания и мышления, которые опираются на когнитивные структуры (концепты, образы, сценарии, фреймы и др.) – «неделимые и нечленимые когнитивные единицы, хранящие “свернутое” знание и/или представление» [10, с. 64], позволяющие работать с информационными сегментами, определять характеристики объектов и прогнозировать ситуацию. По мнению ученых, «реакция на информацию или событие (стимул) представляет собой результат серии таких операций и мыслительных процессов, осуществляемых при помощи когнитивных структур и когнитивных механизмов» [5, с. 24].

Детальное изучение системы КМ перевода следует начать с анализа общефилософского определения термина «механизм», его применимости и характера использования с точки зрения когнитивного подхода. Механизм (от греч. *mēchanē* – «машина», «орудие») есть «совокупность состояний и процессов, из которых складывается какое-либо физическое, химическое, физиологическое, психологическое и т. п. явление»³. Другими словами, «механизм – это особая система взаимодействия, между элементами которой действуют дифференцированные связи и в основе которой лежит принцип действия, понимаемый одновременно как способ организации содержания и как конкретный способ реализации функции» [13, с. 98]. Общефилософское определение понятия «механизм» позволяет эффективно использовать его в других научных сферах.

Исходя из опыта изучения синхронного перевода, КМ – «основной элемент когнитивной системы, обеспечивающий ее функционирование и состоящий из когнитивных структур (то есть неделимых единиц знаний и представлений), а также когнитивных операций» [5, с. 27].

По мнению П.А. Рыковой, которая придерживается заключений Н.Н. Болдырева [14, с. 27], КМ представляет собой «схему обработки информации, пополнения и модификации структур знания, которые отражают работу сознания индивидуума и дают представление о способах анализа, структурирования и концептуализации конкретных объектов и абстрактных сущностей» [15, с. 3375]. Экстраполируем эти определения на перевод в целом, видами которого в рамках когнитивно-психолингвистической парадигмы «по форме и процедуре» являются «устный последовательный, устный синхронный и письменный» [16, с. 280], а также устно-письменный перевод (различные формы аудиовизуального перевода – субтитрование, дубляж, озвучка). Определим **КМ перевода** как *взаимосвязанные мыслительные процессы, обеспечивающие обработку информации на разных уровнях сознания и включающие как осознанные действия, так и автоматические операции.*

Механизмы когнитивной сферы переводчика на различных этапах его интеллектуальной деятельности соответствуют определенным уровням обработки информации (внимание, восприятие, понимание, интерпретация и генерация). Последовательность задействования когнитивных уровней практически невозможно структурировать в хронологическом порядке – переводчик обращается то к одному, то к другому, периодически возвращаясь к предыдущему, как будто возвратно-поступательным образом по мере реализации процесса перевода. Обозначим *уровни обработки информации, на которых функционирует когнитивная система переводчика, как КФ переводческой деятельности.*

Психические процессы на каждом отрезке выполнения перевода приводят в действие различные КМ. При этом их функционирование подвержено влиянию как внутренних (когнитосфера личности переводчика), так и внешних (когнитосферы отправителя/получателя,

³Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 539.

условия, среда, ситуация перевода) факторов. Структура взаимодействия КМ показывает, что их комбинации функционируют как последовательно, так и параллельно, взаимодополняя друг друга. Данные процессы подробно раскрыты Д.В. Балагановым и Т.Ю. Давыдовой. По их мнению, «если один когнитивный механизм дал сбой, то функционирование другого когнитивного механизма может быть нарушено, что, вероятно... скажется на работе всей когнитивной системы перевода» [5, с. 26]. Таким образом, *система КМ перевода* – это совокупность реализуемых в процессе переводческой деятельности взаимосвязанных и взаимообусловленных когнитивных структур, когнитивных действий и операций.

В контексте специфики синхронного перевода М.Е. Коровкина с соавторами выделяет такие КМ, как инферирование, вероятностное прогнозирование и компрессия [9, с. 171], а Д.В. Балаганов называет КМ восприятия и понимания, обработки поступающей информации, переключения между языками, выбора варианта перевода и синхронизации [6], к которым можно добавить КМ перспективации (К.И. Леонтьева [8, с. 952]). Для целостной системы КМ перевода вышеперечисленные механизмы не являются исчерпывающими и требуют дополнения. Для наглядной иллюстрации системы рассмотрим ее сквозь призму когнитивной лингвистики и психолингвистики как непрерывный цикл комбинированно протекающих КФ.

Фаза *внимания* отражает одну из ключевых когнитивных способностей и заключается в «возможности сосредоточиться на одном из типов поступающей информации и/или определенном явлении, процессе, области знания»⁴. Являясь отдельным видом интеллектуальной деятельности, внимание непосредственно задействовано в процессе перевода как автоматически – в стадии «пред-внимания», так и целенаправленно – в стадии активного поиска для идентификации и разграничения деталей. Значение механизмов внимания «с его свойствами

распределения и избирательности» подробно рассмотрено Е.С. Краснопеевой в контексте изучения специфики удаленного перевода. В ходе данной фазы происходит «соотнесение стимульной информации с имеющимися в сознании переводчика пространственными сценариями» [17, с. 90], т. е. его представлениями о коммуникативной ситуации перевода.

Механизм *концентрации внимания* позволяет осуществить «остановку» в процессе обработки информации и сфокусировать когнитивные усилия на фиксации отдельных перцептуальных процессов (ощущений), мыслей и концептов, их выделении из состава исходного текста (ИТ), опознании, описании и классификации. Реализация данного КМ создает предпосылки для активизации фоновых знаний и способствует регуляции поступающей информации во взаимозависимости с целеполаганием, эмоционально-психологическим состоянием, установками и предыдущим опытом. На концентрации внимания базируются методы смыслового анализа (выбор рельефного слова, выбор слова с наибольшей информационной нагрузкой) в системе записей в последовательном переводе – переводчик переносит внимание соответственно: либо на наиболее необычные и колоритные слова, либо на слова, содержащие ключевую информацию.

К данной фазе относится КМ *синхронизации* – «распределения внимания переводчика между различными механизмами/операциями» [5, с. 29]. В синхронном переводе классическим случаем является одновременное выполнение когнитивных задач (слушание, говорение, контроль вербализации собственных вариантов перевода, чтение письменной версии речи оратора). В других видах перевода синхронизация выражена менее очевидно, но функционирует аналогичным образом: при записи в последовательном переводе переводчик распределяет внимание между слуховым восприятием входящего сообщения и отражением его отдельных элементов на бумаге.

⁴Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. С. 15.

Процессы восприятия (отражение опосредованных языком предметов и явлений субъективного характера) и понимания (вычленение смысла высказывания и его перевод в другую форму закрепления на уровнях слов, предложений и текста) разделяют как «отдельные когнитивные структуры», но рассматривают как единый КМ в связи со «скоротечностью синхронного перевода» [5, с. 27]. В других видах перевода, когда переводчик обладает запасом времени, фазы восприятия и понимания протекают попеременно по мере поэтапного ознакомления с поступающей информацией.

Фаза *восприятия* начинается с декодирования текста на исходном языке (ИЯ). И.Н. Горелов полагает, что «рецепция речи представляет собой процесс, в котором параллельно и при взаимодействии осуществляется восприятие: а) формы, б) содержания сообщения, в) ситуации общения» [18, с. 91]. В ходе данной КФ переводчик, используя КМ *первичного декодирования* поступающей информации, определяет коммуникативную ситуацию, форму ИТ (текстовая, аудиовизуальная, звуковая), идентифицирует его лингвистическую принадлежность (характерное «звучание», семиотические особенности системы письма различных языков).

Данная КФ включает также механизмы *лексического распознавания* или, другими словами, буквального «прочтения» и *ментально-семантической репрезентации* текста в ходе первичного анализа. Представления ряда ученых (Дж. Холмс, А. Нойберт, Д. Кэтан, Г. Шриф) о «виртуальном переводе» показывают, что в сознании переводчика выстраиваются образы как ИТ, так и перспективного текста на переводном языке (ПЯ) [19, с. 96]. Формирование образов происходит поэтапно, от общего к частному и обратно, по мере восприятия ИТ, что свидетельствует о повторяемости фазы восприятия в процессе перевода. По мнению Р.Т. Белла, переводной текст (ПТ) существует в когнитивном образе в сознании переводчика, а сам процесс перевода происходит путем декодирования ИТ и кодирования ПТ через находящуюся вне языка семантическую репрезентацию («ментальная репрезентация,

приписываемая языковым выражениям на базе их лингвистических свойств») [12] (см. также: [20]). Такая ментально-семантическая репрезентация как КМ перевода позволяет переводчику организовать восприятие ИТ на трех уровнях лингвистической информации – синтаксическом, семантическом и прагматическом. Семантическая репрезентация отражает стадии анализа ИТ: 1) синтаксический анализ – путем членения семиотического ряда на синтагмы; 2) семантический анализ через выявление концептов; 3) прагматический анализ, в ходе которого детерминируются коммуникативный тип предложения, функции и функциональные операторы.

Переводчик возвращается в своем сознании к фазе восприятия вновь и вновь по мере поступления новых сегментов информации. Характер новых элементов приводит к корректировке образов ИТ и ПТ, а также оказывает влияние на понимание и генерацию вплоть до усвоения ИТ в полном объеме.

Успешное восприятие способствует реализации фазы *понимания* (одного из видов интеллектуальной деятельности, участвующего во всех уровнях познания и общения). По мнению Н.И. Жинкина, это «сложный целостный психологический процесс... читателя» [21, с. 92]. Переводческое понимание специфично: оно требует не только выявления смысловой структуры ИТ и ее интеграции в когнитивную систему, но и ответа на вопрос: как это перевести? Хотя КФ протекает в основном подсознательно, при трудностях «переводчик подвергает отдельные сегменты входящего сообщения сознательной обработке» [22, с. 65], что связано с двойственной природой ИТ (статичность последовательности единиц vs динамичность ментального образа при усвоении).

Одним из КМ фазы понимания является *прогнозирование* структуры и содержания ИТ, а также возможных вариантов окончания коммуникативной ситуации. В синхронном переводе он трансформируется в «вероятностное прогнозирование» [7, с. 151], позволяющее поддерживать темп и избегать искажений или потери смысла. В других видах перевода данный

КМ выполняет роль подготовительного этапа к генерации ПТ.

Когнитивно-эвристическая модель перевода А.Г. Минченкова предполагает, что на базе ИТ в сознании переводчика образуются мыслительные структуры-концепты, объективизирующиеся лингвистическими средствами ПЯ [11, с. 235]. Концепты взаимодействуют друг с другом, с фоновыми знаниями и контекстом, переходят в смыслы и образуют смысловую структуру ИТ. Из этого следует, что в данной КФ активизируется КМ *выявления концептуальной структуры* ИТ, которая и подлежит переводу. Для понимания входящего сообщения переводчик использует язык мысли, единицы которого еще не имеют определенного вербального выражения. Их формулирование осуществляется в ходе последующей обработки, интерпретации и подбора оптимальных лингвистических средств ПЯ.

Таким образом, протекание фазы понимания активизирует лексический запас переводчика – его знания о словах и их значениях, синтаксических структурах языка, а также связано с кратковременной памятью, удерживающей информацию в ходе обработки входящего сообщения.

Из заключений Т.М. Дридзе следует, что процессы интерпретации и порождения текста имеют различные когнитивные аспекты: интерпретация – познавательный, порождение – коммуникативный [23, с. 21–47], что позволяет рассматривать их как отдельные КФ перевода.

Фаза *интерпретации* запускает механизмы, обрабатывающие поступающую информацию, активизирующие фоновые знания и ресурсы долговременной памяти субъекта, а также осуществляющие истолкование высказывания в контексте с целью его интеграции в когнитосферу как переводчика, так и получателя ПТ.

Механизм *обработки информации* позволяет переводчику уточнить «конкретное значение слова в потоке информации, понять совокупное значение высказывания, а также интенцию автора, основываясь как на лингвистической, так и на экстралингвистической информации» [7, с. 151]. Перцептивная система переводчи-

ка преобразует поступающую информацию и классифицирует ее конкретные признаки через определенный набор сенсорных ориентиров. Синтаксическая структура высказывания интерпретируется исходя из изменения интонации или графического изображения автором, а также длительности и конкретных значений лексических единиц.

Механизм *активации фоновых знаний* заключается в актуализации когнитосферы переводчика, содержащей культурные, ситуационные и дискурсивные контексты, помогающие в интерпретации текста. Здесь важную роль играет долговременная память, в которой содержатся знания о мире и языке, используемые переводчиком для интерпретации ИТ. Набор фоновых знаний неоднороден и включает в себя когнитосферу переводчика, групповые знания и представления, характерные для его социальной и национальной принадлежности. Данная структура подтверждается заключениями В.В. Красных, который разделяет индивидуальное и коллективные когнитивные пространства как «определенным образом структурированную совокупность знаний и представлений, которыми обладает человек» или «все личности, входящие в ту или иную группу» соответственно [24, с. 45]. Кроме того, он определяет понятие «когнитивная база» как сумму обязательных знаний, присущих носителям национально-культурного менталитета, всем говорящим на том или ином языке [24, с. 45].

Интерпретация входящего сообщения невозможна вне контекста – вне совокупности отношений знаковых элементов и заключенных в них концептов, формирующих представления о реальности, заложенные в ИТ. Данное явление выражается через КМ *контекстуального сопоставления* (интерпретации в контексте). По мнению Л.М. Босовой, словесный материал «помимо своих языковых значений приобретает значения, обусловленные его организацией в рамках текстовой целостности, ориентацией на общий смысл произведения и внутренние соотношения» его элементов [25, с. 26].

В КФ интерпретации переводчик, не являясь специалистом в предметной сфере ИТ, может столкнуться с тем, что его фоновые знания недостаточны для правильного сопоставления и детерминации семантических смыслов в полном объеме. Для преодоления данного противоречия, если это позволяют временные рамки, приходится осуществлять информационный поиск для пополнения недостающей специфической информации или, в случае невозможности, допускать определенные упрощения.

В ходе фазы *генерации* переводчик создает текст на ПЯ, используя информацию, извлеченную из ИТ в предыдущих фазах (восприятие, понимание, интерпретация). Активируя билингвальные навыки, он выбирает эквивалентные лексические единицы и синтаксические структуры, учитывая особенности ИТ и коммуникативной ситуации. Этот процесс требует гибкости и переключения между языковыми системами.

Механизм *переключения между языками* заключается в способности отделять языки друг от друга и избегать интерференции ИЯ. Так как «порядок слов или синтаксис наиболее подвержен интерференции в процессе перевода» [25, с. 324], для соответствия ожиданиям адресата переводчику необходимо корректировать порядок слов, основываясь на языковой норме ПЯ. На лексическом уровне субъекту перевода следует контролировать характеристики используемых средств и избегать употребления лексических единиц с несвойственными для них функциями. Эти процедуры невозможны без эффективного переключения с ИЯ на ПЯ. Ученые отмечают, что калькирование синтаксической структуры ИТ в сгенерированном тексте прямо пропорционально уровню компетентности переводчика. Например, начинающие переводчики, уделяя пристальное внимание содержательной составляющей перевода, допускают ошибки в таких компонентах, «как порядок слов, тема-рематическое членение предложений и причинно-следственные связи» [26, с. 324].

Этот этап характеризуется КМ *выбора варианта перевода*, результаты которого наиболее наглядны. Действия переводчика осуществляются «попеременно в соответствии либо с требованиями языка (своего или переводного), либо текста и его структуры» [26, с. 126], интегрируя в ПТ его лексику и мироощущение. Учет особенностей ИТ и стремление к эквивалентности обязательны – при частой специфической лексике требуются близкие аналоги на ПЯ: «Для сохранения способности находить соответствующие эквиваленты... переводчику необходимо учитывать время и обстановку... сужая... вариативность преобразования» [27, с. 1000]. При формировании ПТ переводчик уделяет внимание лексике, грамматике и стилистике для естественности и соответствия нормам ПЯ, балансируя точность и естественность.

Таким образом, система когнитивных механизмов в переводе базируется на последовательно-возвратном протекании КФ внимания, восприятия, понимания, интерпретации и генерации. При этом каждой фазе присущи определенные признаки и функционирование характерных КМ (см. *таблицу*): концентрации внимания, синхронизации (фаза внимания); первичного декодирования, лексического распознавания, ментально-семантической репрезентации (фаза восприятия); прогнозирования, выявления концептуальной структуры (фаза понимания); обработки информации, активации фоновых знаний, контекстуального сопоставления (фаза интерпретации); переключения между языками и выбора варианта перевода (фаза генерации).

В результате проведенного исследования разработана *универсальная модель КФ перевода*, включающая 5 ключевых этапов обработки информации: внимание, восприятие, понимание, интерпретация, генерация. Эта модель предоставляет целостную теоретическую базу для анализа когнитивных процессов, лежащих в основе всех видов перевода (устный последовательный, синхронный, письменный, аудиовизуальный).

Система когнитивных фаз и механизмов переводческой деятельности

The system of cognitive phases and mechanisms of translation activity

КФ	Характерные КМ	Функции КМ
Внимание	Концентрации внимания; синхронизации (распределения внимания)	Фокусировка на релевантной информации; распределение когнитивных ресурсов между задачами
Восприятие	Первичного декодирования; лексического распознавания; ментально-семантической репрезентации	Идентификация формы, ситуации; опознание единиц; построение ментальной модели ИТ
Понимание	Прогнозирования; выявления концептуальной структуры	Предвосхищение содержания; вычленение смысловой/концептуальной основы ИТ
Интерпретация	Обработки информации; активации фоновых знаний; контекстуального сопоставления	Уточнение смысла и интенции; привлечение знаний мира; интеграция смысла в контекст
Генерация	Переключения между языками; выбора варианта перевода	Сепарация языковых систем; подбор и оценка эквивалентных средств ПЯ

Установлена и обоснована фундаментальная характеристика модели – *нелинейный, возвратно-поступательный характер протекания КФ*. Это означает, что переводчик постоянно возвращается к предыдущим фазам по мере поступления новой информации, изменения контекста или возникновения когнитивных трудностей, что демонстрирует высокую адаптивность системы. Специфика вида перевода определяет вариативность проявления и возможное слияние фаз.

Подтверждена гипотеза о *системной природе КМ* и проведено упорядочение *ключевых КМ* по выделенным фазам, представляющим собой не набор изолированных процессов, а динамическую систему взаимосвязанных и взаимозависимых элементов. Ключевой вывод: сбой в работе одного механизма с высокой вероятностью может привести к нарушению работы связанных механизмов и всей системы перевода. Систематизация основана на междисциплинарном подходе (когнитивная лингвистика, психолингвистика, философия языка)

и включает как известные механизмы, исследованные ранее преимущественно для синхронного перевода (вероятностное прогнозирование, синхронизация и др.), так и механизмы, получившие уточнение или более широкую трактовку (ментально-семантическая репрезентация, активация фоновых знаний, выбор варианта перевода).

Практическая значимость результатов исследования заключается в их потенциале для оптимизации обучения переводчиков: понимание структуры фаз и системной взаимозависимости КМ позволяет выявлять «узкие места» и прогнозировать нарушения в когнитивной деятельности переводчиков; системная модель КМ представляет основу для целенаправленного развития ключевых навыков, соответствующих механизмам разных фаз; учет специфики протекания КФ в разных видах перевода помогает адаптировать методики обучения к профессиональным задачам.

Дальнейшие исследования возможны в следующих направлениях: эмпирическая верифи-

кация с использованием методов «eye-tracking», протоколов «мышления вслух», электроэнцефалографии, функциональной магнитно-резонансной томографии с целью наблюдения и измерения динамики КФ и КМ в реальных условиях разных видов перевода; изучение взаимодействия фаз и механизмов путем анализа условий и триггеров возвратно-поступательных переходов между КФ; рассмотрение влияния индивидуально-личностных и психологических особенностей (особенностей когнитосферы – опыта, типа интеллекта, когнитивных способностей) на эффективность функционирования системы КМ; разработка диагностических методик и тренингов для оценки компетенций и

развития ключевых механизмов; применение созданной модели при анализе когнитивных процессов в таких областях, как локализация, постредактирование машинного перевода, перевод в специализированных областях профессиональной деятельности.

Таким образом, представленная модель системы КФ и КМ перевода, характеризующаяся универсальностью, нелинейной динамикой и взаимозависимостью компонентов, продолжает развитие когнитивного переводоведения, предлагая целостную теоретическую основу для понимания интеллектуальной деятельности переводчика и открывая практические пути для совершенствования лингводидактики.

Список литературы

1. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2004. № 1. С. 6–17.
2. Eftekhari M. Interpreting and Its Cognitive Root // *Mod. J. Lang. Teach. Methods*. 2019. Vol. 9, № 2. P. 1–9.
3. Усачева А.Н., Махортова Т.Ю., Попова О.И., Новикова Т.Б. Скопос, интерпретация, когниция: от мультивекторной теории перевода к эффективной практике // *Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание*. 2015. № 5(29). С. 46–59.
4. Пастухова С.Е., Никитина Е.В. Когнитивный подход в переводоведении // *Приоритетные научные направления: от теории к практике: сб. материалов XXXVI Междунар. науч.-практ. конф.* Новосибирск: Центр развития науч. сотрудничества, 2017. С. 157–163.
5. Балаганов Д.В., Давыдова Т.Ю. Когнитивные механизмы в синхронном переводе // *Вестн. Нижегород. гос. лингвист. ун-та им. Н.А. Добролюбова*. 2019. № 47. С. 19–32.
6. Балаганов Д.В. Динамика когнитивных механизмов в синхронном переводе: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021. 366 с.
7. Балаганов Д.В. Динамика когнитивных механизмов в синхронном переводе // *Соврем. пед. образование*. 2020. № 4. С. 149–156.
8. Леонтьева К.И. О когнитивных основаниях вариативности перевода: механизм перспективации и когнитивные доминанты // *Когнитив. исслед. яз.* 2019. № 37. С. 952–957.
9. Коровкина М.Е., Семенов А.Л., Рыкова П.А. Синхронный перевод: когнитивные механизмы и стратегии // *Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние: сб. тез. IV Общерос. науч. онлайн-конф. с междунар. участием / отв. ред. А.В. Иванов. Н. Новгород: Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2020. С. 168–171.*
10. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 374 с.
11. Минченков А.Г. Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности. СПб.: Антология, 2007. 254 с.
12. Bell R.T. *Translation and Translating: Theory and Practice*. London: Routledge, 2016. 80 p. <https://doi.org/10.4324/9781315846705>
13. Мартюшов В.Ф. Понятие «механизм» в контексте изучения социальных процессов // *Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: Философия*. 2015. № 3. С. 94–103.
14. Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2016. № 4(49). С. 10–20.
15. Рыкова П.А. Функционирование когнитивных механизмов межкультурной коммуникации в синхронном переводе (на материале англо-русского перевода) // *Филол. науки. Вопр. теории и практики*. 2022. Т. 15, № 10. С. 3375–3381. <https://doi.org/10.30853/phil20220516>

16. Шелестюк Е.В., Яковлева Е.С. Когнитивно-психолингвистические парадигмы перевода как билингвальной речевой деятельности // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2019. Т. 12, № 10. С. 279–290. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.61>
17. Краснопеева Е.С. Присутствие в «месте, которого нет»: о когнитивных и психологических механизмах удаленного устного перевода // Вестн. НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультур. коммуникация. 2024. Т. 22, № 1. С. 87–104.
18. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. 5-е изд., стер. М.: Ленанд, 2023. 112 с.
19. Holmes J.S. Translated!: Papers on Literary Translation and Translation Studies. Amsterdam: Rodopi, 1988. 117 p. <https://doi.org/10.1163/9789004486669>
20. Gutt E.-A. Translation and Relevance. Cognition and Context. London: Routledge, 2014. 284 p. <https://doi.org/10.4324/9781315760018>
21. Жинкин Н.И. Механизмы речи / Акад. пед. наук РСФСР, Ин-т психологии. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. 370 с.
22. Kiraly D.C. Pathways to Translation: Pedagogy and Proces. Kent: Kent St. Univ. Press, 1995. 175 p.
23. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии / АН СССР, Ин-т социол. исслед.; отв. ред. И.Т. Левыкин. М.: Наука, 1984. 267 с.
24. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность?: Человек. Сознание. Коммуникация. М.: Диалог-МГУ, 1998. 350 с.
25. Босова Л.М. Перевод как вид коммуникативной деятельности // Теоретические и прикладные аспекты лингвистики: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. молодых исследователей. М.: МГТУ им. М.А. Шолохова, 2014. С. 124–129.
26. Королькова С.А. Когнитивная структура алгоритма письменного перевода // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 319–328.
27. Миньяр-Белоручева А.П. Когнитивные механизмы профессионально ориентированного перевода // Когнитив. исслед. яз. 2023. № 4(55). С. 999–1003.

References

1. Kubryakova E.S. Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktual'nykh problemakh kognitivnoy lingvistiki [Of Cognitive Science Guidelines and Vital Problems of Cognitive Linguistics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2004, no. 1, pp. 6–17.
2. Eftekhari M. Interpreting and Its Cognitive Root. *Mod. J. Lang. Teach. Methods*, 2019, vol. 9, no. 2, pp. 1–9.
3. Usacheva A.N., Makhortova T.Yu., Popova O.I., Novikova T.B. Skopos, interpretatsiya, kognitsiya: ot mul'tivektornoy teorii perevoda k effektivnoy praktike [Skopos, Interpretation, Cognition: From Multivector Translation Theory to Efficient Practice]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Yazykoznanie*, 2015, no. 5, pp. 46–59.
4. Pastukhova S.E., Nikitina E.V. Kognitivnyy podkhod v perevodovedenii [Cognitive Approach in Translation Studies]. *Prioritetnye nauchnye napravleniya: ot teorii k praktike* [Priority Areas of Research: From Theory to Practice]. Novosibirsk, 2017, pp. 157–163.
5. Balaganov D.V., Davydova T.Yu. Kognitivnye mekhanizmy v sinkhronnom perevode [Cognitive Mechanisms in Simultaneous Interpretation]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova*, 2019, no. 47, pp. 19–32.
6. Balaganov D.V. *Dinamika kognitivnykh mekhanizmov v sinkhronnom perevode* [Cognitive Mechanisms Dynamics in Simultaneous Interpretation: Diss.]. Moscow, 2021. 366 p.
7. Balaganov D.V. *Dinamika kognitivnykh mekhanizmov v sinkhronnom perevode* [Dynamics of the Cognitive Mechanisms in Simultaneous Interpretation]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, 2020, no. 4, pp. 149–156.
8. Leont'eva K.I. O kognitivnykh osnovaniyakh variativnosti perevoda: mekhanizm perspektivatsii i kognitivnye dominanty [Some Cognitive Grounds of Translation Variability: Perspectivation and Cognitive Dominants]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2019, no. 37, pp. 952–957.
9. Korovkina M.E., Semenov A.L., Rykova P.A. Sinkhronnyy perevod: kognitivnye mekhanizmy i strategii [Simultaneous Translation: Cognitive Mechanisms and Strategies]. Ivanov A.V. (ed.). *Perevod i kul'tura: vzaimodeystvie i vzaimovliyaniye* [Translation and Culture: Interaction and Mutual Influence]. Nizhny Novgorod, 2020, pp. 168–171.
10. Krasnykh V.V. "Svoy" sredi "chuzhikh": mif ili real'nost'? [At Home Among Strangers: Myth or Reality?]. Moscow, 2003. 374 p.
11. Minchenkov A.G. *Kognitsiya i evristika v protsesse perevodcheskoy deyatel'nosti* [Cognition and Heuristics in the Process of Translation]. St. Petersburg, 2007. 254 p.

12. Bell R.T. *Translation and Translating: Theory and Practice*. London, 2016. 80 p. <https://doi.org/10.4324/9781315846705>
13. Martyushov V.F. Ponyatie “mekhanizm” v kontekste izucheniya sotsial’nykh protsessov [The Concept of “Mechanisms” in the Context of the Study of Social Processes]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya*, 2015, no. 3, pp. 94–103.
14. Boldyrev N.N. Kognitivnye skhemy yazykovoy interpretatsii [Cognitive Schemas of Linguistic Interpretation]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2016, no. 4, pp. 10–20.
15. Rykova P.A. Functioning of Cognitive Mechanisms of Cross-Cultural Communication in Simultaneous Translation (by the Material of English-Russian Translation). *Philol. Theory Pract.*, 2022, vol. 15, no. 10, pp. 3375–3381 (in Russ.). <https://doi.org/10.30853/phil20220516>
16. Shelestyuk E.V., Yakovleva E.S. Cognitive and Psychological Paradigms of Translation as Bilingual Speech Activity. *Philol. Theory Pract.*, 2019, vol. 12, no. 10, pp. 279–290 (in Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.61>
17. Krasnopeyeva E.S. Presence in “No-Place”: On the Nature of Cognitive and Psychological Aspects of Remote Interpreting. *Vestnik NGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikatsiya*, 2024, vol. 22, no. 1, pp. 87–104 (in Russ.). <https://doi.org/10.25205/18187935-2024-22-1-87-104>
18. Gorelov I.N. *Neverbal’nye komponenty kommunikatsii* [Nonverbal Components of Communication]. Moscow, 2023. 112 p.
19. Holmes J.S. *Translated!: Papers on Literary Translation and Translation Studies*. Amsterdam, 2021. 117 p. <https://doi.org/10.1163/9789004486669>
20. Gutt E.-A. *Translation and Relevance: Cognition and Context*. London, 2014. 284 p. <https://doi.org/10.4324/9781315760018>
21. Zhinkin N.I. *Mekhanizmy rechi* [Speech Mechanisms]. Moscow, 1958. 370 p.
22. Kiraly D.C. *Pathways to Translation: Pedagogy and Process*. Kent, 1995. 175 p.
23. Dridze T.M. *Tekstovaya deyatel’nost’ v strukture sotsial’noy kommunikatsii: Problemy semiosotsiopsikhologii* [Textual Activity in the Structure of Social Communication: Problems of Semiosocial Psychology]. Moscow, 1984. 267 p.
24. Krasnykh V.V. *Virtual’naya real’nost’ ili real’naya virtual’nost’?: Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya* [Virtual Reality or Real Virtuality?: Human. Consciousness. Communication]. Moscow, 1998. 350 p.
25. Bosova L.M. *Perevod kak vid kommunikativnoy deyatel’nosti* [Translation as a Type of Communication]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty lingvistiki* [Theoretical and Applied Aspects of Linguistics]. Moscow, 2014, pp. 124–129.
26. Korol’kova S.A. Kognitivnaya struktura algoritma pis’mennogo perevoda [Cognitive Structure of Translation Algorithm]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2014, no. 3, pp. 319–328.
27. Min’yar-Beloruicheva A.P. Kognitivnye mekhanizmy professional’no orientirovannogo perevoda [Cognitive Mechanisms of Professionally Oriented Translation]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2023, no. 4, pp. 999–1003.

Информация об авторах

А.А. Буров – соискатель кафедры английского языка (второго) Военного университета имени князя Александра Невского (адрес: 123001, Москва, ул. Большая Садовая, д. 14).

Д.В. Балаганов – доктор филологических наук, начальник кафедры английского языка (второго) Военного университета имени князя Александра Невского (адрес: 123001, Москва, ул. Большая Садовая, д. 14).

Information about the authors

Aleksandr A. Burov, Applicant at the English (as a Second Language) Department, Prince Alexander Nevsky Military University (address: ul. Bol’shaya Sadovaya 14, Moscow, 123001, Russia).

Dmitry V. Balaganov, Dr. Sci. (Philol.), Head of the English (as a Second Language) Department, Prince Alexander Nevsky Military University (address: ul. Bol’shaya Sadovaya 14, Moscow, 123001, Russia).

Поступила в редакцию 26.03.2025

Одобрена после рецензирования 13.08.2025

Принята к публикации 15.08.2025

Submitted 26 March 2025

Approved after reviewing 13 August 2025

Accepted for publication 15 August 2025

Воронцова И.С.

Прецедентные феномены в испанском медийном дискурсе...

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 5. С. 76–88.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 76–88.

Научная статья
УДК 811.134.2
DOI: 10.37482/2687-1505-V461

Прецедентные феномены в испанском медийном дискурсе: особенности семантических и синтаксических трансформаций

Ирина Сергеевна Воронцова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия,
e-mail: irin.vorontsova@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9536-9358>

Аннотация. Испанский медийный дискурс, отражая национальную культуру и ментальность народа, развивается и трансформируется, претерпевая значительные изменения, связанные со структурой, когнитивно-семантическим и прагматическим потенциалом. Его целью наряду с информированием читателя является реализация интенции скрытого воздействия на общественное мнение и поведение. Этому, в частности, способствует высокая степень метафоричности авторского текста, обеспечивающая эффект вовлеченности реципиента в процесс дискурсивного декодирования. Прецедентные феномены в медийном дискурсе служат действенным инструментом смыслообразования. Транслируя дополнительные ценностно-эстетические характеристики, они увеличивают объем семантического содержания дискурсивных сообщений и объем значений, закрепленных за прецедентами в когнитивной базе носителя определенной лингвокультуры. Научная ценность работы состоит в расширении исследования лингвопрагматического потенциала прецедентных феноменов в испанском медийном дискурсе за счет описания их дискурсивных трансформаций. Практическая значимость заключается в возможности использования результатов, полученных в рамках анализа национальной картины мира испанцев, при формировании базовых фоновых знаний у профессионалов-международников в рамках изучения испанского языка. Проведенный лексико-синтаксический анализ прецедентных феноменов, функционирующих в медийном дискурсе, показал, что в испанском медиатексте превалирует употребление трансформированных прецедентных феноменов, в т. ч. неологизмов, отражающих ранее не существовавшие понятия и повышающих креативность публицистического материала. Результаты исследования позволяют классифицировать прецедентные феномены по следующим типам семантических, морфологических и синтаксических трансформаций: лексическая замена компонента в контексте прецедентного высказывания, текста или ситуации; включение прецедентного имени в иной прецедентный текст для создания новых смыслов; образование неологизмов-прецедентов на основе словосложения или префиксально-суффиксальной деривации.

© Воронцова И.С., 2025

Ключевые слова: лингвокультурология, испанский медийный дискурс, лексико-семантические преобразования, прецедентные феномены, хронотоп прецедентного текста

Для цитирования: Воронцова, И. С. Прецедентные феномены в испанском медийном дискурсе: особенности семантических и синтаксических трансформаций / И. С. Воронцова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 5. – С. 76-88. – DOI 10.37482/2687-1505-V461.

Original article

Precedent Phenomena in Spanish Media Discourse: Semantic and Syntactic Transformations

Irina S. Vorontsova

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia,

e-mail: irin.vorontsova@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9536-9358>

Abstract. Reflecting the national culture and mentality of the people, Spanish media discourse has been developing and transforming and has undergone significant changes in its structure as well as cognitive, semantic and pragmatic potential. In addition to informing the reader, its purpose is to exert a hidden impact on public opinion and behaviour. In particular, this is achieved due to the high degree of metaphoricalness of the author's text, which ensures the recipient's involvement in discursive decoding. Precedent phenomena in media discourse are an effective tool of meaning making. By conveying additional aesthetic and value characteristics, they increase the semantic content of discursive messages and the number of values anchored in precedents in the cognitive base of the representative of a given linguoculture. The scientific importance of this paper lies in extending the research on the linguopragmatic potential of precedent phenomena in Spanish media discourse by describing their discursive transformations. In terms of practical significance, the results obtained through the study of the Spanish national worldview can be used to form basic background knowledge of foreign affairs specialists when learning Spanish. The lexical and syntactic analysis of the precedent phenomena functioning in media discourse showed that Spanish media texts make extensive use of transformed precedent phenomena, including neologisms that name new concepts and enhance the creativity of journalistic materials. As a result of the study, precedent phenomena were classified according to the following types of semantic, morphological and syntactic transformations: lexical substitution of a component in the context of a precedent statement, text or situation; inclusion of a precedent word in another precedent text to generate new meanings; creation of precedent neologisms by means of nominal composition or morphological derivation.

Keywords: cultural linguistics, Spanish media discourse, lexicosemantic transformations, precedent phenomena, precedent text chronotope

For citation: Vorontsova I.S. Precedent Phenomena in Spanish Media Discourse: Semantic and Syntactic Transformations. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 76–88. DOI: 10.37482/2687-1505-V461

Введение. На основе анализа медиатекстов в статье предлагается авторская классификация семантико-синтаксических трансформаций, которые претерпевают прецедентные феномены (ПФ) в современных испанских средствах массовой информации.

Актуальность настоящей работы продиктована необходимостью рассмотрения специфики дискурсивных изменений ПФ, неизбежно приводящих к их семантическим и синтаксическим преобразованиям, нередко к изменению хронотопа прецедентного текста или ситуации, а также признаков, атрибутов и коннотаций ПФ. Цель исследования – выявить дискурсивные особенности употребления ПФ, а также основные виды трансформаций и преобразований их когнитивно-смыслового содержания и синтаксической структуры, которым они подвергаются в медийном дискурсивном контексте. Объектом изучения выступает испанский медийный дискурс, предметом – ПФ, семантика и синтактика которых получает определенные трансформации в испанском медиадискурсе.

Научная новизна исследования заключается в анализе функционирования ПФ в испанском медиадискурсе с точки зрения лингвокультурологического и прагмакогнитивного подходов, позволяющих раскрыть дискурсивные механизмы реализации имплицитных интенций автора, которые необходимы для придания тексту дополнительных коннотаций, а также для формирования определенного вектора восприятия информации у широкого круга реципиентов в интересах адресанта дискурсивных сообщений. Теоретическая значимость работы определяется расширением исследования лингвопрагматического потенциала прецедентных феноменов в испанском медийном дискурсе за счет раскрытия их дискурсивных трансформаций. О практической значимости свидетельствует возможность использования результатов, полученных в рамках анализа национальной картины мира испанцев, при формировании базовых фоновых знаний у профессионалов-международников в рамках изучения испанского языка.

Материалы и методы. Теоретическое ядро данного исследования сложилось на основе нау-

чных концепций медийного дискурс-анализа [1], теории интертекстуальности Ю. Кристевой и Р. Барта, теории прецедентных текстов [2], а также смежных подходов, в рамках которых ПФ и их лингвокультурная значимость рассматриваются в контексте манифестации языковой личности и национального менталитета в медийном дискурсе [3–7].

Для выделения и описания изучаемых дискурсивных единиц применяются описательный метод с элементами дискурсивного и интерпретационного анализа, метод лингвистического наблюдения, сопоставительный метод (для поэтапного выявления лексико-синтаксических трансформаций ПФ). Материалом исследования служат отобранные путем сплошной выборки дискурсивные медиатексты испанской прессы.

Результаты. На современном этапе развития информационного общества можно в полной мере говорить о медиатизации политики как устойчивой тенденции эволюции информационно-коммуникационного пространства [8]. Медиатизация политики реализуется среди прочего через систему коммуникации власти и общества, политических акторов, институтов и средств массовой информации [9]. Именно поэтому на прагматическом уровне функция медиадискурса заключается в формировании и утверждении общественного мнения и поведения. Вслед за Т.Г. Добросклонской медийный дискурс трактуется в настоящей статье как «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [10, с. 152].

Медийный дискурс-анализ позволяет рассматривать медиатекст как многоплановый феномен, находящийся под влиянием не только прагмалингвистических, но и экстралингвистических условий общения. Это своего рода регулятивный механизм, «формирующий общественное мнение и транслирующий социально-значимые смыслы» [11, с. 21]. Функциональными особенностями современного медийного дискурса являются экспрессия и ин-

тертекстуальность, позволяющие через дискурсивные механизмы преобразовывать уже существующие тексты, например ПФ, в контексте нового дискурсивного содержания. Употребление ПФ в сильных смысловых позициях (заголовке, вступительной и заключительной частях) позволяет автору расширить семантику текста и привлечь внимание читателя, апеллируя к его языковой картине мира [12–16].

Теория прецедентных текстов Ю.Н. Караулова рассматривает ПФ как «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки-стереотипы» [3, с. 220], отражающие в тексте языковую личность. Развивая теорию прецедентности, Д.Б. Гудков выделяет несколько типов ПФ – «прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя, прецедентную ситуацию» [2, с. 106]. С точки зрения лингвокультурной значимости В.В. Красных подразделяет ПФ на «автопрецедентные, социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные» [16, с. 50].

Медийный дискурс апеллирует как к универсальным ПФ, например библеизмам (*la hora de la verdad* – «момент истины», *el pan de cada día* – «хлеб насущный»), так и к ядерным элементам национально-культурного пространства. В ПФ находят свое отражение инвариантные представления лингвокультурного сообщества о явлениях духовного или материального мира, закрепленные в языковом сознании народа. Примерами таких ПФ для испанского лингвокультурного сообщества могут служить концепты *leyenda negra* – «испанская черная легенда» (протестантская пропаганда с целью дискредитации Испании, идущая из Великобритании), *tauromaquia* – «тавромахия» (искусство корриды) и др.

Медийный дискурс – постоянно развивающаяся и подстраивающаяся под социальную реальность коммуникативная среда. Для того чтобы медийный дискурс оставался эффективным, прагматичным и значимым, от авторов требуются нестандартность мышления и владение приемами медиарито-

рики при создании публицистических текстов [17]. Включение журналистами в свои публикации наряду с конвенциональными трансформированных ПФ помогает повысить экспрессивность текста, привлечь внимание читателя, вовлекая его в своеобразную языковую игру.

К основным видам трансформаций традиционно относят неаналитическую (семантическую, смысловую) и аналитическую [18, с. 55]. Семантическая трансформация оставляет состав ПФ неизменным, внося новые оттенки смысла или создавая игру слов за счет совмещения прямых и переносных значений. Аналитические трансформации, в свою очередь, подразделяются на два типа – лексические и синтаксические [19, с. 47]. Первые допускают лексическую замену компонента в контексте прецедентного высказывания, текста или ситуации или включение прецедентного имени в иной прецедентный текст для создания новых смыслов (расширение ПФ за счет добавления одного или нескольких компонентов). Также в медийном дискурсе активно используется образование неологизмов на основе словосложения или префиксально-суффиксальной деривации. Синтаксические трансформации заключаются в изменении синтаксической структуры ПФ – например, путем добавления в ПФ новых компонентов, выполняющих заданную синтаксическую функцию.

Лексико-семантический анализ употребления ПФ с точки зрения актуализации культурно значимой информации имеет прагматическую цель выстроить ассоциативный ряд связей между словом и его контекстуальным значением. Стоящие за ПФ смыслы опираются на три компонента: номинативное значение, называющее объект; денотативное, включающее типичные черты, отражающие культурно-исторические данные, связанные с первичным референтом и фиксируемые в словарях культуры; сигнификативное, представляющее понятийное содержание языкового знака и составляющее ядро лексического значения.

Рассмотрим пример: *Antic, el Kaspárov de los banquillos*¹. – *Антич – Каспаров скамейки запасных*. Здесь денотат ставшего прецедентным имени собственного «Каспаров» транслирует значение «великий шахматист». В отношении к имени собственному «Антич» (известный футболист) актуализируется сема «выдающийся спортсмен», «чемпион», в связи с чем присущие первичному референту ПФ дифференциальные признаки, составляющие ядро инварианта восприятия ПФ, переносятся на иной денотат. Происходит отделение знака от своего первичного референта, и ПФ передает не только само денотативное значение, но и скрытый символично-оценочный смысл. Аналогичными примерами служат следующие заголовки: *Trump, reina de corazones*². – *Трамп – королева сердец* («народный» титул принцессы Уэльской Дианы – *королева сердец* – иронически перенесен автором на Трампа для имплицитной оценки его политического курса); *Mark Zuckerberg, gladiador de Trump*³. – *Марк Цукерберг – гладиатор Трампа*. Журналисты, осведомленные о том, что М. Цукерберг интересуется Римской империей и императором Августом, иронично называют его гладиатором.

На основе анализа лексико-синтаксических трансформаций ПФ, встречающихся в центральных испанских изданиях «El País», «El Mundo», «La Razón», «ABC» и «La Vanguardia», представляется возможным выделить следующие их типы.

Первым рассмотрим такой прием, как **лексическая замена компонента в ПФ (в контексте прецедентного высказывания, текста или**

ситуации). В этом случае активно используются ПФ с замененным компонентом в виде аллюзий на произведения мировой литературы. Трансформированный ПФ функционирует в качестве журналистского риторического приема для передачи новых смыслов, создания необходимого эмоционального состояния и привлечения внимания читателя. Выполняя номинативную и реферативную функции, ПФ вводят в медиатекст заданные автором сюжеты, адаптируя их к конкретному дискурсивному контексту, и транслируют имплицитные смыслы текста-донора, по-другому определяя хронотоп текста-реципиента, т. е. устанавливают в нем новую взаимосвязь временных и пространственных отношений.

Например, в испаноязычной прессе нередко встречаются аллюзии на романы Г. Маркеса «Сто лет одиночества» («Cien años de soledad») и «Любовь во время чумы» («El amor en los tiempos del cólera»): *En otro, La gala, para celebrar 'a lo grande' sus cincuenta años de éxitos, otorgaba premios a lo mejor que le ha pasado en la vida*⁴. – *В другом стихотворении, чтобы отметить «с размахом» свой 50-летний успех, он вручал премии за лучший сценарий в своей жизни*. Автор перефразирует название романа Г. Маркеса, поменяв в нем два компонента – числительное и существительное-дополнение.

Комментируя получившее широкую огласку дело о домогательствах испанского политика Иньиго Эррехона, представителя левоцентристского движения «Сумар», журналисты апеллируют к названию произведения «Любовь во время чумы», лексически преобразуя его: *El corazón en tiempos de algoritmo*⁵. – *Сердце в эпоху алгоритмов*.

¹Antic, el Kaspárov de los banquillos // El País. 2020. 7 de abril. URL: https://elpais.com/deportes/2020/04/07/la-bitacora-de-leontxo/1586269442_164807.html (дата обращения: 07.04.2020).

²Trump, reina de corazones // El Mundo. 2025. 17 de enero. URL: <https://www.elmundo.es/opinion/columnistas/2025/02/21/67b73ec6e4d4d83a598b4593.html> (дата обращения: 25.02.2025).

³Mark Zuckerberg, gladiador de Trump // El Mundo. 2025. 17 de enero. URL: <https://www.elmundo.es/opinion/columnistas/2025/01/17/6788fd61fc6c835d5f8b4594.html> (дата обращения: 17.01.2025).

⁴Cincuenta años de éxitos // El Mundo. 2025. 2 de enero. URL: <https://www.elmundo.es/opinion/columnistas/2025/01/02/6772d912e4d4d8932f8b459c.html> (дата обращения: 02.01.2025).

⁵El corazón en tiempos de algoritmo // El Mundo. 2024. 26 de octubre. URL: <https://www.elmundo.es/opinion/columnistas/2024/10/26/671bbc01e4d4d8031f8b4592.html> (дата обращения: 26.10.2024).

Еще один пример лексической трансформации: *Sexo, drogas y sermón*⁶. – *Секс, наркотики и нравоучения*. Здесь существительное «рок-н-ролл» заменено лексемой *sermón* – «нравоучения». Прецедентное высказывание «Секс, наркотики и рок-н-ролл» выступает как эффективная прагматическая номинация, раскрывающая дополнительные смыслы, для описания скандала с И. Эррехоном.

Освещая увольнение Трампом во время его первого президентского срока очередного министра, а именно министра внутренних дел, один из авторов дает имплицитную оценку проводимой президентом США кадровой политике, используя прецедентный заголовок известного произведения «Тысяча и одна ночь», заменяя существительное *noche* («ночь») лексемой *baja* («увольнение»): *Las mil y una bajas de la Casa Blanca de Trump*⁷. – *1001 увольнение администрации Трампа*.

Прагматически эффективной представляется лексическая замена компонента в топониме «Соединенные Штаты Америки». Подчеркивая горделивость американцев и их убежденность в собственной исключительности и возможности диктовать остальному миру свою волю, журналист иронично называет США «Соединенными Штатами Мира»: *Elecciones en los Estados Unidos del Mundo*⁸. – *Выборы в Соединенных Штатах Мира*.

Заголовок *Isabel Díaz Ayuso: La 'reina' está desnuda*⁹ (*Исабель Диас Аюсо: А «королева-то»* –

голая) содержит лексически преобразованное прецедентное высказывание из сказки Г.Х. Андерсена «Новое платье короля» – «а король-то – голый» (замена лексемы *rey* – «король» на – *reina* – «королева»), означающее «разоблаченный миф» или «мнимый авторитет». ПФ употребляется журналистом в заголовке статьи с целью дискредитации и разрушения навязываемого публике позитивного образа председателя правительства Мадрида.

Автор статьи, освещающей трагические последствия урагана в Валенсии, в заголовке *Me gusta el olor del sanchismo por la mañana*¹⁰ (*Мне нравится запах санчизма по утрам*) путем лексической замены в прецедентном высказывании *Me gusta el olor a napalm por la mañana* (*Мне нравится запах напалма по утрам*) создает аллюзию на фразу из фильма Ф. Копполы о войне во Вьетнаме «Апокалипсис сегодня», в котором главный герой по мере развития сюжета теряет ощущение реальности и перестает понимать, что ему делать дальше. Таким образом автор погружает читателя в воображаемую ситуацию и придает содержанию статьи, описывающей бездействие властей, в частности П. Санчеса, перед лицом стихии, дополнительную эмоциональную и прагматическую насыщенность.

В заголовке *Una caja de Chanel y la vida en secreto*¹¹ (*Ящик Шанель и тайная жизнь*) употребление лексически преобразованного крылатого выражения из древнегреческой мифологии «ящик Пандоры» («открыть ящик

⁶Sexo, drogas y sermón // ABC. 2024. 31 de octubre. URL: <https://www.abc.es/opinion/agustin-pery-sexo-drogas-sermon-20241031195711-nt.html> (дата обращения: 30.10.2024).

⁷Las mil y una bajas de la Casa Blanca de Trump // El País. 2018. 15 de diciembre. URL: https://elpais.com/internacional/2018/12/15/actualidad/1544906926_845095.html (дата обращения: 16.12.2018).

⁸Elecciones en los Estados Unidos del Mundo // El Mundo. 2024. 31 de octubre. URL: <https://www.elmundo.es/opinion/columnistas/2024/10/31/67225d93e4d4d839158b4583.html> (дата обращения: 31.10.2024).

⁹Isabel Díaz Ayuso: La 'reina' está desnuda // El País. 2024. 23 de octubre. URL: <https://elpais.com/opinion/2024-10-23/isabel-diaz-ayuso-la-reina-esta-desnuda.html> (дата обращения: 25.10.2024).

¹⁰Me gusta el olor del sanchismo por la mañana // ABC 2024. 1 de noviembre. URL: <https://www.abc.es/opinion/alvaro-martinez-gusta-olor-sanchismo-manana-20241101180531-nt.html> (дата обращения: 31.10.2024).

¹¹Una caja de Chanel y la vida en secreto // El Mundo. 2024. 28 de diciembre. URL: <https://www.elmundo.es/opinion/columnistas/2024/12/28/676eebdefc6c8352518b4579.html> (дата обращения: 28.12.2024).

Пандоры») наполняет текст дополнительными смыслами и реализует людическую функцию, наводя читателя на размышления и заставляя его предугадать содержание статьи. Схожим воздействующим на читателя потенциалом обладает и высказывание, в котором автор осуществляет лексическую замену компонента антонимом в словосочетании «оружие массового уничтожения» – «оружие массового созидания» (*construcción* вместо *destrucción*): *El humor es un arma de construcción masiva*¹². – *Юмор – оружие массового созидания*.

Вторым прагматически эффективным приемом, позволяющим с помощью смысловой компрессии передать развернутое содержание, является включение прецедентного имени в сторонний текст для создания предзаданных смыслов.

Примером может служить заголовок: *Pedro Sánchez y las mil y una noches*¹³. – *Педро Санчес и 1001 ночь*. После того, как П. Санчес заявил, что у него осталась 1000 дней для выполнения обещанного в ходе предвыборной кампании, автор статьи, комментируя ситуацию, обращается к заглавию известной сказки «Тысяча и одна ночь» и задается вопросом, какие сказки П. Санчес будет рассказывать испанскому народу в ближайшую 1000 дней.

Часто используется интегрирование испанскими журналистами в заголовки и тексты статей названий фильмов и их персонажей с целью актуализировать, расширить и передать прагматическую оценку той или иной политической ситуации или события: *Díaz Ayuso sube al autobús 47*¹⁴. – Диас Аюсо садится в *автобус 47*.

Анализируя речь председателя правительства Мадрида Диас Аюсо, которую она произнесла в Барселоне и в которой назвала жителей региона «националистической каталонской буржуазией», обвинила их в стремлении обогатиться и превратить другие регионы Испании в источник рабочей силы для развития Каталонии, автор статьи напоминает о рабочем движении, существовавшем во второй половине XX века в Каталонии, представители которого боролись за социальные и трудовые права для всех испанцев. Журналист также иронично советует Диас Аюсо освежить свои знания истории и посмотреть вышедший в 2024 году фильм «Автобус 47», действие которого разворачивается на окраине Барселоны в 1978-м, а главный герой борется за право жителей пригорода иметь налаженную инфраструктуру и в знак протеста угоняет автобус.

В тексте статьи *Seguir viviendo en Twin Peaks*¹⁵ (*Продолжать жить в Твин Пиксе*), посвященной памяти Д. Линча, автор метафорически говорит о таланте известного американского режиссера и необходимости сохранять заданные им высокие кинематографические стандарты, что отражается в заголовке за счет употребления прецедентного имени собственного – названия легендарного фильма «Твин Пикс».

Еще один пример: *El 'Juego de Tronos' de Errejón*¹⁶. – «Игра престолов» Эррехона. Название сериала «Игра престолов» стало прецедентным и символизирует сопутствующие борьбе за власть негативные явления: преступления и аморальные действия. Объединяя прецедентное

¹²El humor es un arma de construcción masiva // La Vanguardia. 2018. 19 de noviembre. URL: <https://www.lavanguardia.com/lacontra/20181119/453022458196/el-humor-es-un-arma-de-construccion-masiva.html> (дата обращения: 19.11.2018).

¹³Pedro Sánchez y las mil y una noches // La Vanguardia. 2024. 25 de octubre. URL: <https://www.lavanguardia.com/opinion/20241025/10048477/pedro-sanchez-mil-noches.html> (дата обращения: 25.10.2024).

¹⁴Díaz Ayuso sube al autobús 47 // El País. 2024. 15 de septiembre. URL: <https://elpais.com/opinion/2024-09-15/diaz-ayuso-sube-al-autobus-47.html> (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁵Seguir viviendo en Twin Peaks // El Mundo. 2025. 21 de enero. URL: <https://www.elmundo.es/opinion/2025/01/21/678e7313fc6c8346678b45b2.html> (дата обращения: 21.01.2025).

¹⁶El 'Juego de Tronos' de Errejón // La razón. 2024. 20 de junio. URL: https://www.larazon.es/editoriales/submarino-juego-tronos-errejón_2024062066735a85901ca900017fbb35.html (дата обращения: 20.06.2024).

имя с актором, в данном случае испанским политиком И. Эррехоном, попавшим в публичный скандал, автор помещает его в прецедентную ситуацию, которая раскрывает пейоративную имплицитную оценку актора и его действий.

Комментируя ситуацию с И. Эррехоном и используя для этого ПФ, автор статьи *El Doctor Jekyll y Mister Errejón*¹⁷ (*Доктор Джекилл и господин Эррехон*) ссылается на готическую повесть шотландского писателя Р. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», в которой главный герой из-за раздвоения личности получает свободу действий и совершает чудовищные преступления.

Освещая выход на политическую арену Илона Маска в составе новой администрации Д. Трампа, журналист включает в заголовок статьи *Nosferatu y el señor de la oscuridad virtual*¹⁸ (*Носферату и господин виртуальной темноты*) название снятого в конце XIX века американского готического фильма ужасов о сверхъестественном существе, сравнивая И. Маска с воскресшим в XXI веке вампиром¹⁸.

Библейские сюжеты, герои и высказывания традиционно являются одним из главных источников ПФ, реализующих функцию метафорического переноса в медийном дискурсе. Так, включение сказанной апостолом Петром Иисусу фразы «Куда ты идешь, Господи?» в заголовки статьи о политической ситуации в Венесуэле задает нужный вектор восприятия информации и транслирует оценочное отношение автора к происходящему: *Quo vadis, Venezuela?*¹⁹ – *Куда ты идешь, Венесуэла?*

ПФ (чаще тексты и высказывания), обладающие значительным семантическим наполнением, могут использоваться для создания лексико-семантических каламбуров. Так, в заголовке статьи о популярной в Испании актрисе с псевдонимом Лалачус автор ставит ее имя в один ряд с именами богов, тем самым восхваляя ее талант и невероятное, по его мнению, чувство юмора: *Dios, Brahma y LalaChus se han unido al chat*²⁰. – *Господь, Брахма и Лалачус* вступили в чат.

В примере *A quién votará el asesino 'Txapote'?*²¹ (*За кого проголосует убийца Чаноме?*) наблюдается синтаксическая и семантическая трансформация прецедентного высказывания. Лозунг *¡Qué te vote Txapote! (Пусть за тебя голосует Чаноме!)* в 2023 году превратился в прецедентный политический мем, вербальный и визуальный, и стал использоваться для номинации-прозвища председателя правительства Испании П. Санчеса, который в августе 2022 года принял решение о переводе из тюрьмы Мадрида в Страну Басков баскского террориста Франсиско Хавьера Гарсию Гастелу по прозвищу Чапоте, осужденного на 105 лет тюремного заключения за политические убийства, что рассматривается испанской общественностью как существенное и неоправданное смягчение приговора. Событие стало резонансным для испанского общества и вызвало возмущение, т. к. ранее преступники не имели права отбывать заключение в регионе по месту жительства.

В статье *Entre Waterloo y las Salesas*²² (*Между Ватерлоо и Салесас*), посвященной крити-

¹⁷El Doctor Jekyll y Mister Errejón // La Vanguardia. 2024. 29 de octubre. URL: <https://www.lavanguardia.com/opinion/20241029/10057070/doctor-jekyll-mister-errejon.html> (дата обращения: 29.10.2024).

¹⁸Nosferatu y el señor de la oscuridad virtual // El Mundo. 2025. 9 de enero. URL: <https://www.elmundo.es/opinion/columnistas/2025/01/09/677bfd9fc6c8309138b459f.html> (дата обращения: 09.01.2025).

¹⁹Quo vadis, Venezuela? // El Mundo. 2025. 13 de enero. URL: <https://www.elmundo.es/opinion/2025/01/13/6783c97c21efa086768b4596.html> (дата обращения: 13.01.2025).

²⁰Dios, Brahma y LalaChus se han unido al chat // El Mundo. 2025. 3 de enero. URL: <https://www.elmundo.es/opinion/columnistas/2025/01/03/6776d1d5fdddff312d8b4595.html> (дата обращения: 03.01.2025).

²¹A quién votará el asesino 'Txapote'? // El Mundo. 2024. 11 de octubre. URL: <https://www.elmundo.es/opinion/columnistas/2024/10/11/670673ede85ece67418b45dd.html> (дата обращения: 11.10.2024).

²²Entre Waterloo y las Salesas // El Mundo. 2024. 31 de diciembre. URL: <https://www.elmundo.es/opinion/columnistas/2024/12/31/67728014fc6c83d1608b457e.html> (дата обращения: 31.12.2024).

куемому председателю правительства Испании П. Санчесу, обвиняемому в коррупционных скандалах, автор дает аллюзию на битву при Ватерлоо: метафора со значением «сокрушительное поражение» дискурсивно связывается с названием одного из самых дорогих районов Мадрида – Салесас. Метафора коррупционных денег, использованных на приобретение жилья в престижной части Мадрида, позволяет автору охарактеризовать весьма шаткое положение П. Санчеса, всячески стремящегося сохранить занимаемую должность до 2027 года.

Интересными представляются и примеры трансформации прецедентного имени «Трамп»: автор добавляет к имени американского президента нумерацию, свойственную именам монарших особ: *El primer Trump venía en diésel, pero este va en Tesla*²³. – *Трамп Первый приехал на дизеле, а нынешний – ездит на Тесле; Trump II: un nuevo orden mundial basado en la lógica empresarial*²⁴. – *Трамп Второй: новый миропорядок, основанный на предпринимательской логике.*

Третьим актуальным и востребованным в испанском медиадискурсе способом трансформации ПФ являются **морфологические трансформации и иные деривационные преобразования для создания оценочных окказионализмов**. Рассмотрим примеры неологизмов, образованных на основе словосложения или префиксально-суффиксальной деривации.

Деривационные прецедентные феномены-неологизмы активно употребляются в испанском медийном дискурсе (преимущественно в заголовках) и отражают, например, ранее не

существовавшие в данной лингвокультуре реалии. Зачастую формирование неологизмов реализуется авторами за счет соединения созвучных лексем или их противопоставления, благодаря чему достигается эффект языковой игры:

*'Bulócratas'... el proceso por el que un bulo se origina, transforma y propaga en un ecosistema de comunicación*²⁵. – *«Фейкократы»... процесс создания фейка, его трансформации и распространения в закрытой системе коммуникации.* Путем замены компонента в слове *burócrata* («бюрократ») на лексему *bulo* («фейку») автор создает неологизм «фейкократ»;

*Metabolismo y metabulismo*²⁶. – *Метаболизм и фейковая информация.* Неологизм *metabulismo* получает оценочное значение за счет игровой аналогии с семантикой существительного *metabolismo*;

*Madriderráneo*²⁷. – *Мадридоземноморье.* Разрушительное наводнение в Валенсии в ноябре 2024 года не только нанесло огромный урон региону и привело к многочисленным человеческим жертвам, но и вызвало широкий резонанс в испанском обществе, в очередной раз затронув остро стоящие вопросы децентрализации власти и нежелания или неспособности национального правительства оказывать регионам должную помощь, особенно в чрезвычайных ситуациях. С использованием лексемы *Madriderráneo*, образованной еще в 2010 году журналистами через объединение двух лексем – *Madrid* и *Mediterráneo* во время запуска высокоскоростных поездов из Мадрида в Валенсию, автор текста актуализирует в сознании

²³El primer Trump // El Mundo. 2025. 20 de enero. URL: <https://www.elmundo.es/opinion/columnistas/2025/01/20/678e63a6e9cf4a78138b459d.html> (дата обращения: 20.01.2025).

²⁴Trump II // El Mundo. 2025. 20 de enero. URL: <https://www.elmundo.es/opinion/editorial/2025/01/20/678d2937fdddffae508b4577.html> (дата обращения: 20.01.2025).

²⁵'Bulócratas' // El Mundo. 2025. 11 de enero. URL: <https://www.elmundo.es/opinion/columnistas/2025/01/11/6782a2ffdddf594d8b4583.html> (дата обращения: 11.01.2025).

²⁶Metabolismo y metabulismo // El Mundo. 2025. 11 de enero. URL: <https://www.elmundo.es/opinion/columnistas/2025/01/11/6782a2ffdddf594d8b4583.html> (дата обращения: 11.01.2025).

²⁷Madriderráneo // La Vanguardia. 2024. 1 de noviembre. URL: <https://www.lavanguardia.com/politica/20241101/10069477/madriderraneo.html> (дата обращения: 29.10.2024).

реципиента прецедентную ситуацию. При этом наблюдается смена узуальной коннотации прецедентного феномена – с положительной на отрицательную;

*Trumpantojos*²⁸. – *Уловки Трампа*. Здесь автор меняет первую часть слова *trampantojo* («иллюзия», «обман», «уловка») на фамилию американского политика и вступает с читателем в своего рода словесную игру, ведь в испанском языке есть слово *antojo* («каприз», «прихоть»). Таким образом, дается имплицитная отрицательная оценка работе администрации Трампа;

*'Macronchon' y la herencia de Le Pen*²⁹. – «*Макроншон*» и наследие Ле Пен. Деривационная словообразовательная трансформация представляет собой объединение двух прецедентных фамилий – президента Франции Э. Макрона и французского политика-оппозиционера Ж.-Л. Меланшона – для наименования воображаемого союза двух непримиримых политиков.

Аналогичный пример: *El francosanchismo*³⁰ – «*Франкосанчизм*». Соединение фамилий двух испанских политиков – Ф. Франко и П. Санчеса – используется для имплицитной оценки нынешнего политического режима премьер-министра Испании П. Санчеса.

Следует отметить, что неологизмы, связанные с П. Санчесом, вызывают отдельный интерес, например: *Meten en la redada a los periodistas por su funesta manía de contar lo que pasa y los colocan en la fachosfera*³¹. – *Устраивают полицейские рейды на журналистов за их губительную маню рассказать то, что происходит на самом деле, и за это их относят к «фашистской»*

блогосфере. Неологизм *la fachosfera* создан на основе соединения лексем *fachismo* и *esfera* и получил распространение в испанском медийном дискурсе в 2023 году после его заимствования из французского языка (*la fachosphere*). Термин, по мнению представителей Народной партии Испании, характеризует присущие политическому курсу П. Санчеса идеологическую дискриминацию и вражду. Кроме того, сам премьер-министр применил его для наименования представителей ультраправой блогосферы, консервативных СМИ и правых политиков, которые, по его словам, несут ответственность за создание и распространение фейковой информации.

На протяжении многих лет консервативные критики П. Санчеса намеренно неправильно произносят его имя и называют премьер-министра «*perrosanxe*» («собакасанчес») вместо *Pedro Sánchez: Entre los logros que se atribuía Sanmartín estaba la resignificación del meme 'perrosanxe'...*³² – *Среди достижений, которые себе приписывал Санмартин, было придание нового значения мему «собакасанчес»...*

Заключение. Благодаря использованию ПФ, которые репрезентируют элементы национального и мирового культурного фонда, политики и журналисты получают возможность интерпретировать сложные абстрактные социально-политические явления, раскрывая стоящие за ними смыслы. При этом трансформированные ПФ в большинстве своем являются национально-маркированными и образно и емко отражают новые лингвокультурные, политические и социальные реалии.

²⁸Trumpantojos // ABC. 2021. 9 de enero. URL: https://www.abc.es/opinion/abci-juan-manuel-prada-trumpantojos-202101090035_noticia.html (дата обращения: 09.01.2021).

²⁹'Macronchon' y la herencia de Le Pen // El Mundo. 2024. 9 de julio. URL: <https://www.elmundo.es/opinion/columnistas/2024/07/09/668d778ffdddf4faa8b45ae.html> (дата обращения: 09.07.2024).

³⁰El francosanchismo // El Mundo. 2025. 4 de abril. URL: <https://www.elmundo.es/opinion/blogs/el-mundo-por-dentro/2025/04/04/67efb12cfc6c834f078b45bf.html> (дата обращения: 04.04.2025).

³¹La fachosfera // El Mundo. 2025. 3 de noviembre. URL: <https://www.elmundo.es/opinion/columnistas/2025/01/03/67767dcf21efa0352e8b45a4.html> (дата обращения: 03.01.2025).

³²Perrosanxe // El Mundo. 2024. 16 de diciembre. URL: <https://www.elmundo.es/opinion/columnistas/2024/12/16/675f3103fc6c83c67e8b45a7.html> (дата обращения: 16.12.2024).

Проведенный анализ демонстрирует, что благодаря различным типам лексико-синтаксических и деривационных трансформаций (лексическая замена компонента прецедентного высказывания, текста или ситуации; включение прецедентного имени в иной прецедентный текст/контекст для создания новых смыслов; образование неологизмов-прецедентов на основе словосложения или префиксально-суффиксальной деривации) расширяется объем семантического содержания дискурсивного сообщения и объем значений, закрепленных за ПФ в когнитивной базе реципиента. Это превращает использование ПФ в инструмент прагматического дискурсивного воздействия на сознание и поведение социальной аудитории за счет усиления образной составляющей текста, преобразования стандартной языковой

формы, создания эффекта новизны и расширения смыслового содержания сообщения. Основными источниками ПФ, часто функционирующих как прецедентные метафоры, служат библейские сюжеты, мировая литература и киноиндустрия, события национальной истории и культуры. Актуальным дискурсивным приемом для номинации национальных культурных реалий является создание неологизмов на основе словосложения или префиксально-суффиксальной деривации.

Принимая во внимание богатый семантический и дискурсивный потенциал ПФ, перспективным видится продолжение изучения данной темы с целью увеличения тезауруса ПФ, что может способствовать расширению знаний о способах номинации в испанском медиадискурсе и его прагматической эффективности.

Список литературы

1. Будаев Э.В. Прецедентные имена в СМИ: методики исследования // Полит. лингвистика. 2021. № 3(87). С. 22–36.
2. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 6-е изд. М.: URSS: ЛКИ, 2007. 267 с.
4. Моисеенко Л.В., Михеева Н.Ф. Прецедентные феномены современных русских и испанских масс-медиа как когнитивные структуры языковой личности // Mundo eslavo. 2020. № 19. С. 7–24. URL: <https://revistaseug.ugr.es/index.php/meslav/article/download/17700/15525/50687> (дата обращения: 01.05.2025).
5. Моисеенко Л.В. Прецедентность в лингвокогнитивном ракурсе (на примере медиатекста): моногр. Воронеж: Науч. кн., 2021. 319 с.
6. Нахимова Е.А. О классификации и дифференциации видов прецедентных феноменов в политической коммуникации // Полит. лингвистика. 2018. № 1(67). С. 41–46.
7. Райскина В.А. Семантический образ прецедентной личности в европейском культурном пространстве // Crede Experto: транспорт, о-во, образование, яз. 2022. № 1. URL: <http://if-mstuca.ru/CE/index.php/100000/semiotics-ru/s12612> (дата обращения: 01.05.2025).
8. Ларионова М.В. Лингвосемантика испанского политического дискурса в пространстве интернет-коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГИМО, 2023. 458 с.
9. Gallardo Pañls B. El hablar como intención comunicativa // Manual de lingüística del hablar / ed. Ó. Loureda, A. Schrott. Berlin: De Gruyter, 2021. P. 79–94. <https://doi.org/10.1515/9783110335224-005>
10. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: Наука, 2008. 264 с.
11. Ларионова М.В. Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции?: моногр. М.: МГИМО, 2015. 327 с.
12. Сегал Н.А. Категоризация мира в языке политики (на материале когнитивных доминант пространство – направление – движение): дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2023. 424 с.
13. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Прецедентные тексты как языковые механизмы создания аттрактивности газетного заголовка в медиадискурсе Интернета // Рус. яз. в шк. 2024 Т. 85, № 4. С. 90–98. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-24-90-98>

14. Миронова Д.А. Трансформация прецедентных высказываний в переводах заголовков медиатекстов онлайн-формата: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень: ТГУ, 2013. 354 с.
15. Rueda A.M. Estrategias discursivas utilizadas por los periódicos españoles para atraer a lectores digitales // El español de Cataluña en los medios de comunicación / ed. D. Poch Olivé. Frankfurt am Main: Vervuert Verlagsgesellschaft, 2019. P. 37–62. <https://doi.org/10.31819/9783964568854-003>
16. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
17. Бакич Н.А. Трансформация прецедентных феноменов в медийном тексте как проявление речевой креативности // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 5. С. 185–190.
18. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. 285 с.
19. Кривенко Б.В. Фразеология и газетная речь // Рус. речь. 1993. № 3. С. 44–49.

References

1. Budaev E.V. Precedent Names in the Media: Research Methods. *Polit. Linguist.*, 2021, no. 3, pp. 22–36.
2. Gudkov D.B. *Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow, 2003. 288 p.
3. Karaulov Yu.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, 2007. 267 p.
4. Moiseenko L.V., Mikheeva N.F. Precedent Phenomena of Contemporary Russian and Spanish Massmedia as Cognitive Structures of Language Personality. *Mundo eslavo*, 2020, no. 19, pp. 7–24 (in Russ.). Available at: <https://revistaseug.ugr.es/index.php/meslav/article/download/17700/15525/50687> (accessed: 1 May 2025).
5. Moiseenko L.V. *Pretsedentnost' v lingvokognitivnom rakurse (na primere mediateksta)* [Precedence from a Linguocognitive Perspective (Based on Media Texts)]. Voronezh, 2021. 319 p.
6. Nakhimova E.A. О классификации и дифференциации видов прецедентных феноменов в политической коммуникации [Classification and Differentiation of the Types of Precedent Phenomena in Political Communication]. *Politicheskaya lingvistika*, 2018, no. 1, pp. 41–46.
7. Rayskina V.A. Semioticheskiy obraz pretsedentnoy lichnosti v evropeyskom kul'turnom prostranstve [Semiotic Image of a Precedent Personality in European Cultural Space]. *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk*, 2022, no. 1. Available at: <http://if-mstuca.ru/CE/index.php/100000/semiotics-ru/s12612> (accessed: 1 May 2025).
8. Larionova M.V. *Lingvosemiotika ispanskogo politicheskogo diskursa v prostranstve internet-kommunikatsii* [Semiolinguistics of Spanish Political Discourse in the Space of Internet Communication: Diss.]. Moscow, 2023. 458 p.
9. Gallardo Paúls B. El hablar como intención comunicativa. Loureda Ó., Schrott A. (eds.). *Manual de Lingüística del hablar*. Berlin, 2021, pp. 79–94. <https://doi.org/10.1515/9783110335224-005>
10. Dobrosklonskaya T.G. *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya angliyskaya mediarech'* [Media Linguistics: A Systemic Approach to the Study of Media Language: Contemporary English Media Speech]. Moscow, 2008. 264 p.
11. Larionova M.V. *Ispanskiy gazetno-publitsisticheskiy diskurs: iskusstvo informatsii ili masterstvo manipulyatsii?* [Spanish Newspaper Discourse: The Art of Information or Mastery of Manipulation?]. Moscow, 2015. 327 p.
12. Segal N.A. *Kategorizatsiya mira v yazyke politiki (na materiale kognitivnykh dominant prostranstvo – napravlenie – dvizhenie)* [Categorization of the World in the Language of Politics (Based on the Cognitive Dominants Space – Direction – Movement): Diss.]. Krasnodar, 2023. 424 p.
13. Radbil T.B., Ratsiburskaya L.V. Precedent Texts as Linguistic Mechanisms for Creating an Attractive Newspaper Headline in the Internet Media Discourse. *Russkiy yazyk v shkole*, 2024, vol. 85, no. 4, pp. 90–98 (in Russ.). <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-90-98>
14. Mironova D.A. *Transformatsiya pretsedentnykh vyskazyvaniy v perevodakh zagolovkov mediatekstv onlayn-formata* [Transformation of Precedent Statements in Translations of Online Media Text Titles: Diss.]. Tyumen, 2013. 354 p.
15. Rueda A.M. Estrategias discursivas utilizadas por los periódicos españoles para atraer a lectores digitales. Poch Olivé D. (ed.). *El español de Cataluña en los medios de comunicación*. Frankfurt am Main, 2019, pp. 37–62. <https://doi.org/10.31819/9783964568854-003>

Воронцова И.С.

Прецедентные феномены в испанском медийном дискурсе...

16. Krasnykh V.V. *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya* [Ethnopsycholinguistics and Cultural Linguistics]. Moscow, 2002. 284 p.

17. Bakich N.A. Transformatsiya pretsedentnykh fenomenov v mediynom tekste kak proyavlenie rechevoy kreativnosti [The Transformation of Precedent Phenomena in a Media Text as a Manifestation of Verbal Creativity]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2018, no. 5, pp. 185–190.

18. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya: semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. Moscow, 1996. 285 p.

19. Krivenko B.V. Frazeologiya i gazetnaya rech' [Phraseology and Newspaper Language]. *Russkaya rech'*, 1993, no. 3, pp. 44–49.

Информация об авторе

И.С. Воронцова – преподаватель кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76).

Information about the author

Irina S. Vorontsova, Lecturer at the Department of Spanish Language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (address: prosp. Vernadskogo 76, Moscow, 119454, Russia).

Поступила в редакцию 13.05.2025

Одобрена после рецензирования 18.08.2025

Принята к публикации 20.08.2025

Submitted 13 May 2025

Approved after reviewing 18 August 2025

Accepted for publication 20 August 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 5. С. 89–97.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 89–97.

Научная статья
УДК 141.3+165.18
DOI: 10.37482/2687-1505-V462

Философия запаха и вкуса

Михаил Юрьевич Опенков¹

Николай Борисович Тетенков²✉

^{1,2}Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

¹e-mail: m.openkov@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1500-0401>

²e-mail: tenibo@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4159-7419>

Аннотация. Статья посвящена пересмотру теории восприятия с точки зрения обоняния и зависящего от него вкусового ощущения. Философская традиция, начавшаяся в Викторианскую эпоху, принижала обоняние человека. Подобная оценка обоняния объяснялась П. Броком уменьшением участков человеческого мозга, отвечающих за это чувство. Мнение П. Брока стало широко распространенным, и, как следствие, утверждалось, что человеку присуща микросматия. Авторы настоящей работы считают, что традиционная точка зрения на обоняние нуждается в переоценке. Современные сведения о человеческой ДНК дают все основания для этого: возникновение новых обонятельных рецепторов, смена набора запахов, необходимых для выживания. Способность распознавать запахи свидетельствует о развитой системе идентификации паттернов. Высшие мыслительные функции (системы, отвечающие за память, эмоции, когнитивные функции и речевые центры) формируют уникальную систему восприятия вкуса. Человеческий мозг сам активно создает вкусовые ощущения. И растения обладают механизмом, подобным рецепторам в носу, улавливающим химические сигналы, что делает возможным общение растений благодаря запахам, т. к. растения испускают химические сигналы, способные вызывать реакцию в других растениях и живых организмах. Следовательно, реальность больше того, что видит глаз. Сложные теории восприятия нельзя свести к теориям зрения. В статье растительный интеллект рассматривается как опирающийся на обоняние, причем растения используют запахи многопланово: привлекают опылителей, отпугивают враждебных насекомых, призывают организмы для борьбы с врагами. Также раскрывается практически неизученная связь между языком и обонянием. В европейской культуре зрение и слух оцениваются выше обоняния, что отражается в повседневной жизни. Названы культуры, имеющие значительное число слов, обозначающих запахи, при этом подобное мышление нельзя считать конкретно-образным. Таким образом, в настоящее исследование наряду с традиционными зрением и слухом введены дополнительные философские чувства.

Ключевые слова: *вкус, запах, обоняние, нейрогастрономия, растительный интеллект, теории восприятия, теории зрения*

Для цитирования: Опенков, М. Ю. Философия запаха и вкуса / М. Ю. Опенков, Н. Б. Тетенков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 5. – С. 89-97. – DOI 10.37482/2687-1505-V462.

Original article

The Philosophy of Smell and Taste

Mikhail Yu. Openkov¹

Nikolay B. Tetenkov²✉

^{1,2}Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

¹e-mail: m.openkov@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1500-0401>

²e-mail: tenibo@yandex.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4159-7419>

Abstract. This article undertakes a radical revision of perception theory from the point of view of the sense of smell and the taste sensation dependent on it. The philosophical tradition that originated in the Victorian era belittled human olfaction. Paul Broca believed that this attitude was due to a decrease in the areas of the human brain responsible for the sense of smell. Broca's opinion became widespread and, as a result, it was argued that humans have "microsmaty". The authors of this article suggest that the traditional understanding of olfaction needs to be reassessed, which is supported by modern data on human DNA: the emergence of new olfactory receptors and changes in the set of odours essential for survival. The ability to recognize smells indicates a well-developed pattern identification system. Higher mental functions (systems responsible for memory, emotions, cognitive functions and speech centres) form a unique taste perception system. The human brain itself actively produces taste sensations. Plants also have a mechanism, similar to receptors in the nose, that picks up chemical signals, allowing plants to communicate through odours, as they emit chemical signals that can trigger reactions in other plants and living organisms. Therefore, reality is more than what the eye sees. Complex theories of perception cannot be reduced to theories of vision. The article regards plant intelligence as being based on the sense of smell. Plants use odours in many ways: to attract pollinators, deter hostile insects and summon organisms to fight enemies. In addition, the article dwells on the largely understudied link between language and the sense of smell. In European culture, olfaction is rated lower than vision and hearing, which is reflected in everyday life. The paper points out cultures that have a significant number of words denoting smells, while such thinking cannot be considered visual. Thus, additional philosophical sensory organs are introduced into research along with the traditional vision and hearing.

Keywords: *taste, smell, olfaction, neurogastronomy, plant intelligence, theories of perception, theories of vision*

For citation: Openkov M.Yu., Tetenkov N.B. The Philosophy of Smell and Taste. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 89–97. DOI: 10.37482/2687-1505-V462

Почему из 5 органов чувств только два (зрение и слух) являются философскими? Философия ориентируется в основном на зрение, реже на слух. Зрительное восприятие нас часто обманывает, поэтому в классической философии сложилось

убеждение, что внутренний опыт достовернее внешнего. Однако обоняние не обманывает нас никогда – в этом состоит его фундаментальность.

Фундаментальность обоняния была выявлена в ходе эпидемии COVID-19. Люди, даже

временно утратившие обоняние, утратили часть человеческого – способность адекватно воспринимать запахи. В этом проявилось особое коварство вирусной инфекции.

Теоретическая значимость данной статьи состоит в пересмотре структуры восприятия. Целью является исследование обоняния в качестве философского чувства, а также зависящего от него вкусового ощущения.

В настоящее время изучением обоняния занимаются представители когнитивной науки и нейробиологи, что представляет широкое поле для философского осмысления. Энн-Софи Барвич указывает на формирование новой области исследования, связанной с восприятием ароматов [1]. Билл Ханссон подробно описывает историю обоняния [2]. Иоганнес Фраснелли пишет о том, как ковидный вирус позволил заново открыть обоняние [3]. Паоло Пелоси обращает внимание на биохимию обоняния [4]. Гордон Шеперд рассматривает связь обонятельных и вкусовых ощущений [5]. В труде Луки Турина впервые встречаются физика и парфюмерия [6]. Тема квантовой теории обоняния была озвучена авторами настоящей статьи на международной научной конференции «Физика и философия – 2025 (к 70-летию Гиффордских лекций Вернера Гейзенберга)» 31 мая 2025 года.

По мнению Аристотеля, человеческое обоняние вызывает лишь жалость (см.: [7]). Он считает, что человек обладает слабым обонянием и ничего из обоняемого не воспринимает без чувства неудовольствия или удовольствия, а это доказывает несовершенство его органа обоняния.

Изначально Аристотель предупреждает о трудностях изучения обоняемого, и главная трудность – невозможность точного определения обоняния в отличие от цвета или звука. Точное определение, по Аристотелю, невозможно из-за слабого развития этого органа чувств. У насекомых, ящериц, змей слабое зрение по той же причине: у них плотная оболочка для защиты глаз, отсутствуют веки, что приводит к недостаточно-

му развитию зрения, которое способно различать только опасное или неопасное. Аналогично человеческое обоняние способно различать только приятное или неприятное, т. е. человек может судить о воздействии, но не о том, что стоит за обонянием.

Аристотель объясняет неразвитость органа обоняния холодностью и близостью к нему головного мозга, именно поэтому данный орган медленно реагирует на воздействия и неточно воспроизводит воспринимаемые противоположности. Соответственно, душевная способность, которая реализуется через орган обоняния, также является слабой и неточной.

Кроме того, обоняние возможно только благодаря дыханию, т. е. для реализации своей способности оно нуждается во внешнем источнике. Аристотель предлагает решить проблему, обозначая обоняние посредством вкуса, т. к. вкус связан с осязанием – ключевым ощущением, определяющим способности человека [7, с. 38–39].

Согласно Аристотелю, мир был основан на 5 элементах: земле, огне, воде, воздухе и эфире. Профессор кулинарии Гиоргос Палисидис создал то, что называет «аристотелевским меню», на основе продуктов и ингредиентов из Северной Греции – родины великого философа¹.

Палисидис представил модельное меню, чтобы применить философию Аристотеля к обеду. Цель состояла в том, чтобы вызвать переживание, попробовав блюда и продукты из того места, где родился великий философ. На обеденном столе вместо посуды – 5 глиняных кувшинов, т. к. древние греки готовили в глиняных горшках. Каждая из стихий природы, описанная Аристотелем, была представлена основными ингредиентами: воздух – птицей, земля – вином с лучших виноградников, вода – морской водой, огонь – элементом, который объединяет приготовление морепродуктов, а эфир – ароматом сушеных на солнце фруктов, меда, трав, вина и пезима.

Компетентность во вкусе делает жизнь человека богаче и глубже. Нашим всеядным

¹Меню Аристотеля: ешьте, как древнегреческий философ. URL: <https://www.ilovegreece.ru/blog/point-of-view/menju-aristotelja-eshte-kak-drevnegrecheskij-filosof> (дата обращения: 01.04.2025).

предкам необходим был вкус для различения съедобного и несъедобного, тем самым вкус стал частью человеческой эволюции. Мы узнаем вкус продуктов не хуже, чем узнаем лица людей [8, с. 11–13].

Человек – биологический вид, который в отличие от других биологических видов способен менять вкус пищи, добавляя в нее приправы, в т. ч. обладающие бактерицидными свойствами.

Идеи об ущербности человеческого обоняния восходят к представлениям Викторианской эпохи. Французский врач, анатом и нейрофизиолог Поль Брок (1824–1880) записал людей в категорию «неньюхачей» из-за убеждения, что увеличение лобных долей наделило людей свободной волей, но привело к уменьшению участков мозга, отвечающих за обоняние. Эта мысль повлияла на умы многих ученых того времени, которые стали ее развивать. Утвердилось мнение, что для человека характерна микросматия (слабое обоняние). Зигмунд Фрейд под влиянием работ Поля Брока полагал, что обоняние подавляет сексуальность [9, с. 62–67]. Плохая репутация человеческого обоняния обусловлена и тем фактом, что человек сравнительно мало времени уделяет сознательному восприятию запахов, следовательно, тренировке обоняния.

История человеческого обоняния гораздо богаче, чем кажется. Об этом свидетельствует изучение связи человеческой ДНК с обонянием. На каждый работающий ген обонятельного рецептора приходится еще один, который со временем теряет свои функции. По мнению Эммы Янг, набор запахов, критически важных для выживания и благополучия, в процессе эволюции изменился, параллельно с этим возникли новые обонятельные рецепторы [10]. Такое сочетание потерь и приобретений сформировало наш набор типов работающих обонятельных рецепторов. Запахи особенно важны при оценке пищи: свежая рыба не так уж сильно пахнет, но резкий рыбный запах вызывает подозрения, и мы понимаем: эту пищу лучше не есть.

Как и в случае со зрением и слухом, генетические особенности людей определяют их

различия в восприятии запахов, т. к. симпатии и антипатии в отношении запахов частично формируются еще в раннем детстве под влиянием блюд, характерных для данной культуры. Есть и другие аспекты, влияющие на обоняние. В одних обществах обонянию придается гораздо большее значение, чем в других. Это может существенно повлиять на мир запахов отдельно взятого человека. Теоретически у всех людей есть потенциал для того, чтобы стать «сверхнюхачами» [10, с. 125].

Мы воспринимаем вкус пищи во рту не на вдохе, словно принюхиваясь к некоторому аромату, а на выдохе. Выдыхая, мы проталкиваем небольшие фрагменты запаха пищи или напитка глубже в полость рта, откуда он при жевании и проглатывании попадает в носоглотку и продвигается выше, в полость носа. Этот способ попадания запаха к рецепторам называется ретроназальным или ротовым обонянием. Оно противопоставляется ортоназальному (от греч. *ορθος* – «прямой», «правильный»), которое именуют и просто нюхом.

Когда мы принюхиваемся к какому-то запаху, возникает пространственный образ активности нашего мозга. Эти схемы и есть образы запаха, и каждая из них соответствует конкретному аромату в той же мере, в которой лица разных людей распознаются нашей зрительной системой как уникальные образы. По словам Г. Шеперда, человеческий мозг хорошо распознает лица, что свидетельствует о крайне развитой системе идентификации паттернов. Данная способность отвечает и за восприятие запахов, т. е. позволяет вычленять и распознавать в дальнейшем множество схем, соответствующих разным ароматам [5, с. 18].

У человека мозг большого размера. Возможно, у наших органов чувств меньше рецепторных молекул или клеток, чем у иных млекопитающих, но это абсолютно не мешает нам обладать острым обонянием. Размер мозга играет огромную роль в восприятии вкусовых ощущений. Высшие мыслительные функции (системы, отвечающие за память, эмоции, высшие когнитивные функции и речевые центры)

во многом формируют то, что называют уникальной системой восприятия вкуса человеческого мозгом.

Мозг не только получает сенсорную стимуляцию от рецепторов на языке, но и сам активно участвует в процессе создания вкусовых ощущений. Важно понимать, что во вкусовой еде вкуса ничуть не больше, чем цвета в цветастом предмете. Цвет возникает благодаря различной длине волн, а мозг преобразовывает их в цвет и придает ему смысл, влияющий на поведение. Аналогичным образом и запах (ключевой момент вкусовых ощущений) существует лишь в виде отличий между молекулами. Наш мозг преобразует эту разницу в схемы и совмещает их со вкусами и информацией, поступающей от органов чувств, создавая запахи и вкусовые ощущения, влияющие на восприятие пищи.

Французский философ и кулинар Жан Брийя-Саварен (1755–1826) писал: «Открытие нового блюда важнее для счастья человечества, чем открытие новой звезды» [11, с. 14]. Брийя-Саварен подчеркивал исключительную важность запаха, но, к сожалению, не отделял вкус как одно из чувств от совокупности восприятия вкуса и запаха. Для дифференциации этих понятий первое он называл вкусом, второе – вкусовым ощущением.

Один и тот же запах может восприниматься по-разному в зависимости от того, какой вид обоняния используется: на вдохе или на выдохе [11, с. 30–31]. Здесь возникает аналогия со старинной учебной задачей о том, пахнет ли роза, когда ее никто не нюхает. Но у этой задачи есть вторая часть: обладают ли сами растения обонянием?

У растений есть механизм, похожий на рецепторы в носу, улавливающий определенные химические сигналы. Не слишком очеловечивая растения, можно задать вопросом: используют ли они запахи для общения друг с другом?

Этилен – это простой газ, вырабатываемый растениями. Он играет важную роль в регуляции роста и развития, особенно в кле-

точных процессах, а также в физиологических процессах, таких как прорастание семян и созревание плодов. Поскольку растение может и производить, и поглощать газ, кажется вполне логичным, что должен происходить своего рода монолог. Газ служит летучим гормоном, в коммерческих компаниях он применяется для стимуляции естественных процессов созревания, например, бананов и авокадо.

В ходе эволюции растений использование определенных сигналов в воздухе изменилось. Теперь их принято называть летучими органическими веществами (ЛОВ). Они определяют тактику выживания у представителей собственного вида, но также вызывают цепную реакцию в своем окружении, в соседних растениях или других живых организмах. Спорно, следует ли называть это коммуникацией в традиционном смысле, но нет сомнений, что растения испускают химические сигналы, провоцирующие реакцию в других растениях и других живых организмах, а также в других частях того же растения. Сигналы могут быть вызваны как абиотическим (колебания температуры или засуха), так и биотическим (влияние живых существ, таких как грибы и насекомые) стрессом.

Удалось доказать, что запахи активируют определенные стратегии выживания. ЛОВ влияют на экспрессию генов в растениях. Чтобы молекулы аромата могли инициировать такой реакционный процесс, они должны проникнуть в растительную клетку. В этом состоит важнейший вывод исследования. Кажется, что растения чувствуют запах напрямую, через свои гены. Это совершенно новый взгляд на обоняние в целом.

Как показало исследование с растениями табака, запах определенно воспринимается соседними растениями как предупреждение. Обнаружено значительное повышение устойчивости к повреждению травоядными животными у растений, находящихся рядом с другими, уже подвергшимися нападению.

Важную роль играет подготовка, известная также как прайминг. Если растение подвергает-

ся нападению, оно может предупредить своих соседей, чтобы они включили индивидуальные системы защиты в качестве предосторожности. Растения производят вещества, токсичные, вредные для атакующего и отпугивающие его. Поскольку растения – малоподвижные существа, настройка на как можно большее количество предупреждающих запахов дарит им высокий шанс на выживание [2, с. 223–228].

Растения используют систему «прослушки», чтобы знать, что происходит по соседству, и быть готовыми при необходимости к защите. Для защиты, например, они применяют яды: фенолы, алкалоиды и т. д., что позволяет отразить нападение. В подготовке растений к защите можно выделить два этапа: приготовление компонентов ядовитых веществ (этот этап в биологии называется прайминг – предстимуляция клеток); создание ядовитых веществ в момент нападения и использование их по назначению [12, с. 203–204].

Вероятно, деревья организуются в сети на больших расстояниях, используя подземную сеть арбускулярных микоризных грибов (АМГ). Эти грибы прикрепляются к деревьям и приносят им пользу, а также сами извлекают выгоду из сети. АМГ соединяют корни деревьев и тем самым обеспечивают обмен информацией и питательными веществами. Подобная сеть помогает деревьям защищаться от травоядных, а также передавать углерод, азот и воду деревьям, которые нуждаются в этих веществах.

Многие из самых значительных событий на Земле были и являются результатом грибной активности. Растения выбрались из воды около 500 млн лет назад благодаря сотрудничеству с грибами, служившими им в качестве корневой системы, пока растения не обзавелись собственными корнями. По мнению Мерлина Шелдрейка, в наши дни жизнь более 90 % растений зависит от микоризных грибов, которые могут объединить деревья единой сетью. Такая сеть получила название wood wide web, т. е. «вселенская паутина» [13].

Эта древняя связь породила всю известную жизнь на суше, будущее которой зиждется на способности грибов и растений непрерывно поддерживать здоровые отношения. Грибы населяют переплетенные между собой миры, бесчисленные нити ведут через эти лабиринты. Грибы также помогают укрепить иммунную систему деревьев и других растений. Они участвуют в запуске производства защитных веществ. Данные соединения ускоряют и усиливают реакции иммунной системы [13, с. 9–43].

Классическая философия, опираясь на мнение Аристотеля, наделяла растения только атрибутом чувствительности, что означало ущербность растений по сравнению с подвижными организмами, однако растения обладают рафинированным обонянием и могут симбиотически соединяться в огромные сообщества. Таким образом, растительный интеллект торжествует вопреки картезианской философии.

Связи обоняния с языком практически не исследованы. В европейских языках, вслед за Аристотелем, обоняние оценивается ниже по сравнению со зрением и слухом. Это отражается на повседневной жизни. В качестве примера приведем фрагмент из романа Патрика Зюскинда «Парфюмер»: «Гренуй сидел на дровах, вытянув ноги и опираясь спиной на стены сарая, он закрыл глаза и не двигался. Он ничего не видел, не слышал и не ощущал. Он просто вдыхал запах дерева, клубившийся вокруг него и скапливавшийся под крышей, как под колпаком. Он пил этот запах, утопал в нем, напивался им до самой последней внутренней поры, сам становился деревом, он лежал на груде дерева, как деревянная кукла, как пинокио, как мертвый, пока, спустя долгое время, может быть полчаса, он изрыгнул из себя слово “дрова”. Так, словно он до краев был полон дровами, словно он был сыт дровами по горло, словно его живот, глотка, нос были забиты дровами, – вот как его вытошнило этим словом. <...> ...Алфавит запахов был несравненно больше и дифференцированной, чем звуковой... творчес-

кая деятельность вундеркинда Гренуя разыгрывалась только внутри него и не могла быть замечена никем, кроме его самого»².

В ряде культур обонянию отводится значительная роль. В качестве примера приведем народ джехай – охотников-собираателей экваториальных лесов, расположенных на границе Малайзии и Таиланда.

Обоняние более значимо в жизни джехай, чем в жизни современных европейцев. Джехай называют детей в честь ароматных вещей (это часто, но не всегда, цветы), взрослые украшают себя предметами, которые привлекают внимание не только своим видом, но и запахом, однако более для них важно то, как пахнет предмет. В языке джехай существует около десятка слов для обозначения свойств запаха.

На примере языка джехай можно показать, что существуют языки с богатым набором слов для описания запахов. Затруднения с подбором слов для наименования запахов, типичные для представителей западной цивилизации, вызваны культурной средой, а не биологическими особенностями. Остроту обоняния повышает какой-то аспект жизни охотника-собираателя, а не язык как таковой [10, с. 128–129].

У братьев Стругацких были гениальные прорывы в сторону всеобъемлющей реальности, недоступной тем, кто пользуется только философскими органами чувств: «Он вдруг попал словно в другой мир. Миллионы запахов обрушились на него – резких, сладких, металлических, ласковых, опасных, тревожных, огромных, как дома, крошечных, как пылинки, грубых, как булыжники, тонких и сложных, как часовые механизмы. Воздух сделался твердым, в нем объявились грани, поверхности, углы, словно пространство заполнилось огромными шершавыми шарами, скользкими пирамидами, колючими кристаллами, и через все это приходилось протискиваться как во сне, через темную лавку старьевщика, забитую старинной уродливой мебелью...»³.

Из приведенной цитаты следует, что альтернативный мир познается при помощи обоняния и осязания.

Теории, сконцентрированные на зрении, часто исходят из идеи, что восприятие – это стабильное представление объекта, даже несмотря на то, что обработка зрительных сигналов тесным образом связана с отслеживанием движений. Как можно достичь постоянства восприятия в обычной жизни, если постоянно меняются ощущения? Этот вопрос отражает одну, но не самую главную функцию восприятия и указывает на необходимость разграничения видимости и реальности сенсорного восприятия.

Обоняние не вписывается в эту модель ответственности, оно имеет дело с непредсказуемыми стимулами. Химическая среда пребывает в постоянном движении, наблюдение за ее поведением требует простого решения для сложной проблемы.

История изучения обоняния показывает, как нужно рассуждать о системе, не соответствующей философской интуиции. Поэтому требуется пересмотр концептуальных основ нейробиологии. Восприятие – это навык. Он формируется на нескольких уровнях, включая нейронные процессы и когнитивные стратегии. С их помощью организм учится обонянию и, соответственно, вкусу.

Перцептивное содержание запаха необходимо анализировать не как отображение источников запаха, а как отображение обонятельной ситуации, которая представляет собой перцептивную меру (меру как достаточное условие для принятия решения) нейронной активности по принятию решения в соответствующем контексте. Входящие сигналы интегрируются с точки зрения временных и усвоенных ассоциаций.

Реальность больше того, что видит глаз. Сложные теории восприятия нельзя свести к теориям зрения. Разные чувства имеют разную эволюционную историю. Зрение возникло сравнительно поздно. Хеморецепция появи-

²Зюскинд П. Парфюмер. История одного убийцы. СПб.: Азбука-классика, 2003. С. 31–33.

³Стругацкий А., Стругацкий Б. Пикник на обочине. Град обреченный. М.: Эксмо, 1997. С. 69.

лась на эволюционной лестнице раньше. Средоточенность на зрении выводит на ложный путь, состоящий в пренебрежительном отношении к другим чувствам. О некоторых важнейших системах чувств мы начинаем задумываться, когда мозг серьезно повреждается. Вопреки устоявшемуся мнению, у нас больше 5 чувств [1, с. 319–324].

Таким образом, практическая значимость статьи состоит в создании методологической

основы для исследования восприятия реальности людей с ограниченными возможностями. Дальнейшие исследования будут направлены на создание теоретической библиотеки ароматов, в частности, для игровой индустрии, а также для виртуальной реальности людей с ограниченными возможностями. Достаточно интересной является тема об уникальных ароматах различных философских систем и словаре ароматов в различных языках.

Список литературы

1. Барвич Э.-С. Философия запаха. О чем нос рассказывает мозгу. М.: Эксмо, 2024. 368 с.
2. Ханссон Б. Тайная сила обоняния. Доверься носу. Иди за инстинктами. М.: Эксмо, 2024. 320 с.
3. Фраснелли И. Сила обоняния: как умение распознавать запахи формирует память, предсказывает болезни и влияет на нашу жизнь. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2022. 171 с.
4. Pelosi P. Обоняние: увлекательное погружение в науку о запахах. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2020. 304 с.
5. Шеперд Г. Нейрогастрономия. Почему мозг создает вкус еды и как этим управлять. М.: Эксмо, 2021. 320 с.
6. Турин Л. Секрет аромата: от молекулы до духов. М.: Эксмо, 2021. 304 с.
7. Волкова Н.П. Аристотель о запахе и обонянии // Филос. журн. 2024. Т. 17, № 3. С. 36–55. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2024-17-3-36-55>
8. Холмс Б. Вкус. Наука о самом малоизученном человеческом чувстве. М.: Альпина Паблишер, 2018. 348 с.
9. Фрейд З. Собр. соч.: в 26 т. Т. 1. Исследования истерии. СПб.: Вост.-Европ. ин-т психоанализа, 2020. 464 с.
10. Янг Э. Суперчувства: 32 способа познать реальность. М.: Альпина нон-фикшн, 2024. 540 с.
11. Брийя-Саварен Ж.А. Физиология вкуса, или Трансцендентная кулинария / пер. Л. Ефимова. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2021. 480 с.
12. Арут Ф. Умные растения. Как они приманивают и обманывают, предупреждают собратьев, защищаются и зовут на помощь, когда оказываются в опасности / пер. Е. Беляевой. М.: Ломоносовъ, 2013. 240 с.
13. Шелдрейк М. Запутанная жизнь. Как грибы меняют наш мир, наше сознание и наше будущее. М.: АСТ, 2021. 320 с.

References

1. Barwich A.S. *Smellosophy: What the Nose Tells the Mind*. Cambridge, 2020. 352 p. (Russ. ed.: Barvich E.-S. *Filosofiya zapakha. O chem nos rasskazyvaet mozgu*. Moscow, 2024. 368 p.).
2. Hansson B. *Die Nase vorn: Eine Reise in die Welt des Geruchssinns*. Frankfurt am Main, 2021. 400 p. (Russ. ed.: Khansson B. *Taynaya sila obonyaniya. Dover'sya nosu. Idi za instinktami*. Moscow, 2024. 320 p.).
3. Frasnelli J. *Wir riechen besser als wir denken: Wie der Geruchssinn Erinnerungen prägt, Krankheiten vorhersagt und unser Liebesleben steuert*. Molden Verlag in der Verlagsgruppe Styria GmbH & Co KG, 2021. 192 p. (Russ. ed.: Frasnelli I. *Sila obonyaniya: kak umenie raspoznavat' zapakhi formiruet pamyat', predskazyvaet bolezni i vliyaet na nashu zhizn'*. Moscow, 2022. 171 p.).
4. Pelosi P. *On the Scent: A Journey Through the Science of Smell*. Oxford, 2016. 267 p. (Russ. ed.: Pelosi P. *Obonyanie: uvlekatel'noe pogruzhenie v nauku o zapakhakh*. Moscow, 2020. 304 p.).
5. Shepherd G.M. *Neurogastronomy: How the Brain Creates Flavor and Why It Matters*. New York, 2013. 267 p. (Russ. ed.: Sheperd G. *Neyrogastronomiya. Pochemu mozg sozdaet vkus edy i kak etim upravlyat'*. Moscow, 2021. 320 p.).

6. Turin L. *The Secret of Scent: Adventures in Perfume and the Science of Smell*. London, 2006. 207 p. (Russ. ed.: Turin L. *Sekret aromata: ot molekuly do dukhov*. Moscow, 2021. 304 p.).
7. Volkova N.P. Aristotel' o zapakhe i obonyanii [Aristotle on Odor and Sense of Smell]. *Philos. J.*, 2024, vol. 17, no. 3, pp. 36–55. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2024-17-3-36-55>
8. Holmes B. *Flavor: The Science of Our Most Neglected Sense*. New York, 2017. 310 p. (Russ. ed.: Kholms B. *Vkus. Nauka o samom maloizuchennom chelovecheskom chuvstve*. Moscow, 2018. 348 p.).
9. Freud S. *Sobranie sochineniy. T. 1. Issledovaniya isterii* [Collected Works. Vol. 1. Studies on Hysteria]. St. Petersburg, 2020. 464 p.
10. Young E. *Super Senses: The Science of Your 32 Senses and How to Use Them*. London, 2021. 384 p. (Russ. ed.: Yang E. *Superchuvstva: 32 sposoba poznavat' real'nost'*. Moscow, 2024. 540 p.).
11. Brillat-Savarin J.A. *Fiziologiya vkusa, ili Transsendentnaya kulinariya* [The Physiology of Taste; Or, Transcendental Gastronomy]. Moscow, 2021. 480 p.
12. Arzt V. *Kluge Pflanzen: Wie sie locken und lügen, sich warnen und wehren und Hilfe holen bei Gefahr*. Bertelsmann Verlag, 2009. 288 p. (Russ. ed.: Artst F. *Umnye rasteniya. Kak oni primanivayut i obmanyvayut, preduprezhdayut sobrat'ev, zashchishchayutsya i zovut na pomoshch', kogda okazyvayutsya v opasnosti*. Moscow, 2013. 240 p.).
13. Sheldrake M. *Entangled Life. How Fungi Make Our World, Change Our Minds and Shape Our Futures*. New York, 2020. 352 p. (Russ. ed.: Sheldreyk M. *Zaputannaya zhizn'. Kak griby menyayut nash mir, nashe soznanie i nashe budushchee*. Moscow, 2021. 320 p.).

Информация об авторах

М.Ю. Опенков – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163006, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 4).

Н.Б. Тетенков – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163006, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 4).

Information about the authors

Mikhail Yu. Openkov, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Prof. at the Philosophy and Sociology Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: prosp. Lomonosova 4, Arkhangelsk, 163006, Russia).

Nikolay B. Tetenkov, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Philosophy and Sociology Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: prosp. Lomonosova 4, Arkhangelsk, 163006, Russia).

Поступила в редакцию 09.04.2025
Одобрена после рецензирования 11.07.2025
Принята к публикации 28.07.2025

Submitted 9 April 2025
Approved after reviewing 11 July 2025
Accepted for publication 28 July 2025

Голиков К.С.

«Новое осевое время»: действительно ли это так?

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 5. С. 98–107.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 98–107.

Научная статья
УДК 122:172
DOI: 10.37482/2687-1505-V464

«Новое осевое время»: действительно ли это так?

Кирилл Сергеевич Голиков

Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия,

e-mail: golikovk@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2815-0310>

Аннотация. В статье предпринимается попытка проанализировать и охарактеризовать тенденцию последних 30 лет, связанную с возвратом к использованию отечественными и зарубежными учеными концепции Карла Ясперса «осевое время», но уже в ее новых смысловых конфигурациях. Рассмотрены наиболее существенные зарубежные и отечественные источники по заявленной теме и вычленены современные прочтения оригинальной концепции Карла Ясперса о единстве духовно-исторического истока эволюции человечества. Предлагается два методологических подхода к данной проблематике: компаративистско-феноменологический и ритмокаскадный. Выявляя специфику текущей духовно-исторической ситуации, автор в числе прочего обсуждает комплекс экзистенциальных вызовов, которые современная пограничная ситуация глобальной неопределенности ставит перед человечеством, в частности с позиции гипотезы техно-гуманитарного дисбаланса. Эта гипотеза дополнена идеей о том, что идеальное соотношение между уровнем развития технологий и уровнем психологической зрелости человечества может быть обеспечено за счет ориентации на золотое сечение, в т. ч. в эволюционно-динамическом аспекте в виде последовательности Фибоначчи. На примере эволюции искусственного интеллекта предложены качественные показатели для оценки дисбаланса. Делается вывод о том, что человек, способный справиться с доступным ему уровнем современных технологий, еще формируется, а его возникновение связано с необходимостью интегральной этики жизни, укорененной в опыте человека и включающей множественность конфессий. Пограничная ситуация цифровизации и экспоненциального развития искусственного интеллекта ставит перед человеком предельные вопросы о том, что он представляет из себя как духовно-нравственное существо. Основной вывод связан с осознанием остроты текущей экзистенциально-исторической ситуации, которая поднимает вопрос о новой онтологии человека, реализующейся в многообразии форм миров его внутреннего опыта, поддающихся копированию машиной только исключительно механистическим путем.

Ключевые слова: «новое осевое время», метод ритмокаскадов, техно-гуманитарный дисбаланс, большой антропологический переход, интегральная этика человеческого общежития, надконфессиональная религиозность, трансценденция, «новый осевой человек»

Для цитирования: Голиков, К. С. «Новое осевое время»: действительно ли это так? / К. С. Голиков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 5. – С. 98–107. – DOI 10.37482/2687-1505-V464.

© Голиков К.С., 2025

Original article

New Axial Age: Is It Really the Case?

Kirill S. Golikov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

e-mail: golikovk@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2815-0310>

Abstract. This article attempts to analyse and characterize the thirty-year trend of scholars' returning to Karl Jaspers' concept of the Axial Age, but in its new semantic configurations. The paper studies the most significant Russian and foreign sources on this topic, identifying contemporary interpretations of Jaspers' original concept regarding the unity of humanity's spiritual and historical origins. Two methodological approaches to this problem were proposed: a comparative phenomenological and a rhythmic cascade (V.G. Budanov's term) approach. While identifying the specificity of the current spiritual and historical situation, the author discussed the existential challenges that the contemporary limit situation of global uncertainty poses to the humanity, particularly from the perspective of the hypothesis of techno-humanitarian imbalance. This hypothesis was expanded with the idea that a perfect correlation between the levels of technological development and psychological maturity of humankind can be achieved by applying the golden ratio, including in its dynamic-evolutionary aspect in the form of the Fibonacci sequence. Based on the developmental trajectory of artificial intelligence, some qualitative indicators were proposed to assess the imbalance. It is concluded that the human being capable of managing the available level of modern technologies is still in formation. His emergence is linked with the necessity of an integral ethics of life rooted in human experience and encompassing a multiplicity of confessions. In the limit situation of digitalization and exponential development of artificial intelligence, humanity is faced with the ultimate questions of what humans are like as spiritual and moral beings. The author concluded by pointing out the need to recognize the acuteness of the current existential-historical situation that raises the question of a new human ontology, realized in the diverse forms of a person's inner experience that can only be copied by a machine in a purely mechanistic way.

Keywords: *new Axial Age, rhythmic cascade method, techno-humanitarian imbalance, big anthropological shift, integral ethics of the human community, supra-confessional religiosity, transcendence, new axial man*

For citation: Golikov K.S. New Axial Age: Is It Really the Case? *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 98–107. DOI: 10.37482/2687-1505-V464

Введение. Последние 30 лет в употреблении отечественного и зарубежного исследователя, а также обывателя возвращается концепция «осевого времени», предложенная Карлом Ясперсом в 1949 году. Но возвращается она в переработанном виде: в таких смысловых вариациях, которые предполагают рождение «нового» или «второго осевого времени» в современную эпоху неопределенности. Как узкий специалист, так и мыслитель-междисциплинарный пытается по-своему охарактеризовать то,

что возникает на наших глазах сегодня, и внести собственный вклад, достраивая мозаику общей картины происходящего. Мы отдаем себе отчет, что однозначно и объективно ответить на поставленный в названии статьи вопрос невозможно, но обсуждение означенной тенденции представляет собой интересную и актуальную философскую задачу.

Проблема «второго осевого времени» в современных дискуссиях. Одно из самых первых упоминаний о наступлении «второго осевого

времени» в зарубежных публикациях находим в работе теолога Эверта Казинса «Христос XXI века», изданной впервые в 1992 году [1, с. 7ff]. По мысли автора, «первое осевое время» открывает человеку красоту индивидуальной жизни с опорой на собственный разум и возможность приобщения к Трансценденции на фоне преодоления общинно-племенной жизни и потери связи с природой. При этом «второе осевое время» дает возможность вернуться к осознанию единства человеческого общежития, но уже на глобальном уровне [2]. Как точно выразился Питер Слотердаик в духе постнеклассической науки, мы достигли нового уровня интеграции природы, человека и его инструментов в единую гибридную операционную систему, связанную информацией (см.: [3]).

Бенуа Вермандер, профессор религиоведения при Университете Фудань в г. Шанхае, в своей статье, опубликованной на католическом портале, в этом же русле ставит проблему следующим образом: «Мы сами, без сомнения, находимся в “осевом периоде” истории. Но этот момент кризиса окажется решающим, поворотным пунктом тогда и только тогда, когда мы будем в состоянии распознать, как изобретательность человеческого духа, соединенная с искрами божественной мудрости, полностью проявившей себя в Иисусе Христе, способна к переоценке и переосмыслению проблем и возможных путей их решения всякий раз, когда наша общая история зависит от принимаемых нами решений» [4]. Вермандер выделяет три типа вызовов, с которыми человечество сталкивается сегодня: построение и осуществление «целостной космологии», подразумевающей исцеление взаимоотношений человека с другими формами жизни; формулирование «интегральной антропологии» с соответствующей этикой активизации жизненного потенциала человека (физического и духовного) неразрывно от его среды; переосмысление и активизация процессов «социальной сплоченности» [4].

Кроме того, заслуживает внимания сборник статей конференции «Осевое время и его последствия» под редакцией Роберта Белла и

Ханса Йоаса, где освещается самый широкий спектр вопросов, связанных с предпосылками, характером и следствиями «осевого времени», а также ролью и влиянием эволюции осевых культур и религий на эволюцию человечества как такового [5].

Брайан Стаут представляет аналитический обзор обширного количества достаточно референтных междисциплинарных источников по заявленной теме, после чего указывает на следующие особенности текущего процесса (автор склонен именовать его «вторым осевым временем»): 1) постепенно возникает на периферии с последующим вхождением в фокус внимания все более широкого круга народонаселения; 2) касается вопросов обретения целостности, единства, реинтеграции во всех плоскостях; 3) связан с бытием-между, трансперсональностью, экзистенциальной коммуникацией, движением от эгоцентричности к эко-центричности; 4) сопряжен с развитием сострадания, эмпатии и доброты; 5) связан с переходом к культуре заботы, во многом феминной, характерные качества которой вытесняются в глубоко патриархальной глобальной культуре [6].

Отдельного упоминания, на наш взгляд, заслуживает работа Пола Маршала, в которой автор задействует три интегративные метатеории (теорию комплексного мышления, интегральную теорию и критический реализм, иначе говоря – комплексный интегральный реализм) для рассмотрения того, как семена искажений, свойственных западной традиции (примат аналитического над диалектическим, эпистемологии над онтологией, присутствия над отсутствием, внешнего над внутренним), были посеяны впервые в Древней Греции периода «первого осевого времени», как они впоследствии закрепились в европейском модерне и прошли через весь XX век [7]. Кроме того, Маршал разбирает пути и средства решения проблемы, предлагаемые тремя названными интегративными теориями, прокладывающими путь к новому видению бытия. Очерчивается «новое осевое видение» для XXI века, которое вобрало бы в себя лучшее из премодерна, мо-

дерна и постмодерна в рамках программы комплексного интегрального реализма.

Р. Хагеманн акцентирует внимание на ускорении технологического прогресса и связанных с ним изменениях, которые до этого человечество не видело в своей истории, но исследователь не уделяет должного внимания анализу социально-антропологических воздействий и их последствий [8]. Такую тенденцию к технологизации дискурса об «осевом времени» можно проследить по формулировкам, используемым в англоязычных работах последних двух десятилетий (приблизительно с 2014 по 2025 год), где, по данным сервиса «Google Trends», помимо прочих встречаются такие выражения, как «Technological Axial Age» («технологическое осевое время»), «AI Axial Age» («осевое время искусственного интеллекта»), «Axial 2.0» («Осевое время 2.0»)¹.

Что происходит в России? Одно из первых упоминаний словосочетания «новое осевое время» в отечественной научной среде находим в работе «Восток в древности» Института востоковедения РАН, датированной 2002 годом. Группой авторов было озвучено следующее допущение: «Но вполне возможно, что мы живем в некое новое “осевое время”, начавшееся, возможно, около XV века. Никому из нас не дано узнать, верно ли это предположение. Можно лишь сказать, что, в связи с ускорением хода истории, новое “осевое время” будет, видимо, более коротким, чем первое, которое, впрочем, возможно, не было первым» [9, с. 587].

Другие российские авторы справедливо, на наш взгляд, ставят вопросы экзистенциально-нравственных рисков для социума [10] и отдельно взятого человека в контексте происходящих изменений, в частности цифровизации [11], указывают на необходимость формирования «нового осевого человека» в ответ на вызов современности [12]. В русскоязычных публикациях 2005–2007 годов встречаются словосочетания «новое осевое вре-

мя», «второе осевое время» и «осевое время-2», но эти работы единичны.

Обсуждая смыслы и синонимы наименования «новое осевое время» и происходящих изменений, продолжаем задаваться вопросом: а действительно ли это «осевое время»? Может быть, мы являемся свидетелями чего-то совсем иного? Человеку свойственно видеть уникальность и особенность времени, в которое он живет. К тому же сами понятия «осевое время» или «новое осевое время» представляют собой просто концепцию из прошлого, задающую достаточно жесткую рамку отношений к реальности, через которую мы можем видеть то, что нам удобно видеть. С таким же успехом можно было бы употребить и иное наименование. Также концепцию «осевого времени» можно использовать с целью придать изложению своих мыслей пафос, заключенный в изначальном понятии, проводя аналогии с текущей ситуацией в мире, при этом искажая первично заложенное или выискивая параллели, которых может и не быть. Например, частотность поискового запроса «осевое время» возрастает к круглой годовщине программных работ Карла Ясперса. Однако это не дает нам права говорить о том, что мы живем в «осевое время». Представляется разумным, когда авторы соответствующих статей осторожно говорят о факте наступления такого времени в нашу историческую эпоху. Ведь никому не дано знать во всей определенности, наступило ли оно и когда наступит. Сам Ясперс иногда говорил, что «и осевое время не избежало гибели. Развитие продолжало идти своим путем», приобретая иные уточняющие конфигурации [13, с. 50].

Однако так можно сказать не только про само «осевое время», но и про последующие периоды, которые, казалось, по всем признакам являлись эхом «осевого времени». Однако не до конца. Рассмотрим датировку, данную в работе «Восток в древности»: «...начавшееся, воз-

¹Google Trends. URL: <https://trends.google.com/trends/explore?date=all&q=AI%20axial%20age,Axial%202.0,a%20technological%20axial%20age&hl=ru> (дата обращения: 06.04.2025).

можно, около XV в.» [9, с. 587]. Относительно этого периода мы можем прояснить позицию самого Ясперса, который в труде «Смысл и значение истории» обсуждает отрезок истории с XVI по XVIII век, т. е. время, «начавшееся, возможно, около XV в.», и далее, с его «замечательными духовными творениями, перед которыми блекнут наука и техника» [13, с. 97]. Философ задается вопросом: «Следует ли видеть в этом более близком нам времени вторую ось истории человечества?» И сам отвечает, что «прежде всего она [«вторая ось»] – чисто европейское явление и уже по одному тому не может считаться второй осью» [13, с. 97].

Компаративистско-феноменологический подход. Мы и сейчас можем сказать, что развитие просто продолжает идти своим путем. Однако утверждать это нам может помешать глобальный характер происходящего. Кроме того, даже без обращения к каким-либо концепциям за наименованием мы однозначно можем констатировать следующие сутевые наблюдения: ученые из разных уголков света, чьи идеи мы кратко осветили выше, уже давно обеспокоены проблемами, лежащими в плоскости совершенно разных, но взаимосвязанных между собой миров существования – мира природы, общества, человека, культуры и умвельта техники. И такой заход на данную тему будет вполне справедливым, поскольку все мы являемся свидетелями того, что только нарождается, можем апеллировать к этому и рефлексировать только над тем, что уже стало очевидным для всех нас в форме некоего единого экзистенциального опыта человечества. И данный подход вполне укладывается в русло размышлений Карла Ясперса. С этой оптикой мы всматриваемся в далекое, отдаленное и не столь отдаленное прошлое, пытаюсь понять настоящее и подглядеть будущее. И в этой логике, пожалуй, возможен лишь проект собирания целостной мозаики «нового осевого времени» из частных наблюдений множества авторов на базе компаративистско-феноменологического сличения явлений прошлого и настоящего с целью усмотрения в них неких ярких аналогий и повторяющихся закономерностей. Но даже по-

сле проработки большого объема данных мы едва ли сможем установить четкие корреляции. Как известно, целое не равняется сумме его частей, так же как и части не могут передать всей полноты картины. Тогда какая методология может нам дать иной заход на эту проблематику? И есть ли она?

Метод ритмокаскадов. В российской науке имеется методология, которая не только обосновывает настоящее через события прошлого, но и дает возможность прогнозировать воспроизводимость отголосков эха исторических событий через определенные временные отрезки. Речь идет о методе ритмокаскадов В.Г. Буданова [14, с. 34–44]. Он показывает, что есть два больших исторических цикла: первый – 2000-летний, второй – 2500-летний [15, с. 17–28]. И если первый цикл отсчитывать назад от датировки «XV век н. э. и далее», взятой из работы «Восток в древности», то мы как раз попадаем в период возникновения «осевого времени». Иначе говоря, «XV век н. э. и далее» является эхом «осевого времени», но не самим «вторым осевым временем». Это справедливо отмечает и сам Ясперс. Если же от XV века отсчитать 2500 лет, то окажемся в X веке до н. э. – эпохе апокалипсиса, гибели средиземноморских цивилизаций от рук наемников, и последующем времени возрождения, периоде нового строительства. Аналогично охарактеризовано и европейское Возрождение. Отсчитывая те же циклы от XXI века, мы получаем иную картину. В первом случае – возникновение христианства, а во втором – «первое осевое время». Иными словами, сейчас, на очередном витке исторической спирали, мы имеем выход на траекторию «осевого времени».

Продолжение исторического процесса сулит волну эпохи Второго Возрождения за счет второй волны пассионарности через 2500 лет от «осевого времени», а это – XIX–XXI века! Вместе с тем 2000-летняя волна исторического эха несет ощущение постцезарианского раскола и конца Римской империи, прихода в этот мир архетипа возрожденной христианской любви, соединяющей сердце и разум, ближе к середине XXI века – к 2037–2048 годам.

Ощущение постцезарианского раскола и конца Римской империи мы, очевидно, обнаруживаем в точке схождения многообразных кризисов ситуации исторической неопределенности, о которых уже сказано достаточно. Полноценная манифестация архетипа христианской любви представляется нам возможным руководящим принципом новой этики человеческого общежития, которым, по всей видимости, некая пограничная экзистенциальная ситуация планетарного масштаба добровольно заставит «вооружиться» каждого.

Еще один важный фрагмент для понимания современной духовной ситуации находим у Буданова: «Осевое время характеризуется переходом от века Бронзы к Железному веку, что порождает вызов массового взаимоуничтожения людей эффективным и доступным оружием. Этот вызов компенсируется рождением духовно-нравственных учений Конфуция, Лао-Цзы, Будды, Зороастра, Пифагора, Сократа, Платона, пророков Израиля» [16, с. 20].

Важность цитаты состоит в том, что в ней проходит сюжет, связанный с балансом либо дисбалансом военно-технологической мощи человека относительно духовно-нравственного уровня развития человека и человечества в целом. В полной мере возникает вопрос о взаимоотношении техники и этики, а не просто лишь избитый сюжет кризиса и гуманистического ответа на него.

Гипотеза техно-гуманитарного баланса и золотое сечение. Стоит отметить, что гипотезу о существовании закона техно-гуманитарного баланса вводит А.П. Назаретян. Суть закона состоит в следующем: «...чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения общества» [17, с. 99]. Иными словами, новая крупная технология создает пограничную ситуацию для существования социума, который теперь вынужден перестраиваться культурно-психологически и преодолевать возникшую «пропасть между технологией и психологией» [17, с. 100]. И нам такая позиция представляется очень правдоподобной. Мы не можем смещать дискурс в сторону технократии,

не можем говорить только о духовности. Стоит искать баланс между двумя этими позициями с опорой на общечеловеческий исторический опыт, что, по сути, и является экзистенциальной позицией, в которой человечество едино.

Признавая острую необходимость в формулировании новой этической парадигмы для человеческого общежития, особенно в условиях нарастающей угрозы техно-гуманитарного дисбаланса, вызванного стремительным технологическим прогрессом, мы предлагаем рассмотреть золотое сечение ($\phi \approx 1,618$) в качестве фундаментального принципа гармонизации. Эта математическая константа, изначально связанная с эстетической пропорциональностью и оптимальной эффективностью в природных и антропогенных системах, может быть интерпретирована как идеальное соотношение между уровнем развития технологий и уровнем психологической зрелости человечества. Мы постулируем, что устойчивое и гармоничное развитие человеческого общества достигается тогда, когда отношение между этими двумя компонентами приближается к ϕ .

В динамике эволюции техно-гуманитарного баланса предлагается использовать последовательность Фибоначчи (F_n), где каждое последующее число является суммой двух предыдущих ($F_n = F_{n-1} + F_{n-2}$). В данном контексте эта последовательность может служить моделью для поступательного, но при этом сбалансированного развития. Каждый новый уровень сложности и потенциальной деструктивности технологий (представленный условным числом F_{n-1}) должен быть компенсирован и сбалансирован соответствующим уровнем культурно-психологического и этического развития человека (представленным условным числом F_{n-2}).

Сумма этих двух составляющих ($F_n = F_{n-1} + F_{n-2}$) образует следующий, качественно новый, более высокий уровень общего техно-гуманитарного равновесия. Ключевым аспектом здесь является то, что по мере возрастания числа членов последовательности Фибоначчи отношение последующего числа к предыдущему стремится к золотому сечению ($F_n/F_{n-1} \rightarrow \phi$ при $n \rightarrow \infty$).

Таким образом, мы предлагаем модель, где каждый «шаг» в технологическом развитии требует соизмеримого «шага» в этико-психологическом развитии, и их взаимодействие, стремящееся к пропорциям золотого сечения, обеспечивает не просто рост, но гармоничное и устойчивое развитие человечества в условиях техногенной цивилизации.

Разумеется, на данном этапе это исключительно метафорическая модель, требующая проработки количественных и качественных показателей оценки таких многофакторных понятий, как «уровень деструктивности технологий» и «уровень психологической зрелости». Ниже мы приведем некоторые примеры в контексте современных назначений искусственно-го интеллекта (ИИ).

Памятуя о цикличности истории относительно «первого осевого периода», находим у А.П. Назаретяна следующее высказывание: «Значительно повысилась кровопролитность столкновений в XII–VI веках до н. э. – от появления железного оружия до начала Осевого времени, изменившего ценности, цели и приемы ведения войн...» [17, с. 102].

Современные представления об ИИ. Нам всем хорошо известна та технология, которая меняет все возможные ландшафты современности. ИИ – исторически невиданная угроза, первая в своем роде, но она может стать и последней, с которой столкнется человечество. Однако ее можно использовать и в конструктивном ключе, как, например, атомную энергию. Все зависит от человека. Мы имеем современные технологии, но не имеем современного человека, который мог бы адекватно ими распоряжаться. Вот некоторые аргументы и риски в этом контексте:

1. Неспособность человека реагировать на скорость принятия решений ИИ: уровень автономии ИИ в принятии решений плюс высокий потенциал каскадной эскалации при быстром самообучении ИИ vs индекс критического потребления информации и цифровой грамотности. Другими словами, население не понимает природу рисков, сопряженных с ИИ, склонно к панике, восприимчиво к дезинформации.

2. Отсутствие четкой ответственности за действия автономных систем: высокая автономия ИИ, низкая доля гибридных систем с реальным этическим «предохранителем» vs низкий индекс коллективной этической ответственности. Иначе говоря, общество не формирует запрос на этические рамки, институты неспособны к ответственному регулированию.

3. «Магия» технологий в контексте нравственной деградации: рост автономии ИИ, усложнение систем и возрастающая непрозрачность внутреннего устройства технологий vs индекс эмпатии и глобальной взаимосвязанности. Иными словами, люди не понимают, как работают эти системы, а отсутствие эмпатии к «другим», «чужим» или «коллективному врагу» делает применение таких систем приемлемым. Дегуманизация военных операций, когда удары наносятся «бесчувственной машиной», отстраненной от последствий, а общество перестает воспринимать жертвы как человеческие.

4. Иллюзия контроля над ИИ: высокая автономия ИИ, низкая доля гибридных систем с реальным этическим «предохранителем» vs низкий уровень технологической грамотности и низкий индекс коллективной этической ответственности. Иначе выражаясь, общество верит, что ИИ «под контролем», не понимая его непредсказуемости, а сильный общественный запрос на строгое внешнее регулирование отсутствует. В таком случае автономные системы могут принимать решения, которые кажутся «оптимальными» с точки зрения их внутренней логики, но катастрофическими с человеческой или этической точки зрения, а общество не имеет ни механизмов, ни понимания для своевременной коррекции таких решений.

Как древние цивилизации, не совершившие «осевой прорыв», ушли с эволюционно-исторической арены, так и ИИ является пограничной ситуацией, проверкой человека на целостность и устойчивость, которую может пройти не каждый. В оригинале «осевой прорыв» означает «те народы, которые, последовательно продолжая свою историю, совершили скачок, как бы вторично родились в нем, тем самым

заложив основу духовной сущности человека и его подлинной истории» [13, с. 76]. Говоря о смысле «осевого времени», Ясперс имеет в виду духовно-нравственную трансформацию сознания, которая помогла бы «найти то, что, невзирая на все различия в вере, свойственно всему человечеству. А именно экзистенциальное единство человечества, позволяющее... мыслить единство истории в коммуникации со всеми другими людьми, соотнося свою веру с сокровенной глубиной всех людей, объединяя собственное сознание с чужим» [13, с. 49]. Сюжеты надконфессиональной религиозности в философии Карла Ясперса многочисленны и заслуживают отдельной разработки. Здесь лишь кратко отметим, что интегральная этика жизни, призванная для решения задач современности, по нашему убеждению, должна быть экзистенциально укорененной в опыте всего человечества и носить надконфессиональный характер. Очевидно, что пограничная ситуация цифровизации действительно ставит перед человеком последние вопросы о том, что он представляет из себя как духовно-нравственное существо, о новой онтологии человека и многообразных формах миров его внутреннего опыта [18, с. 382–408].

Обсуждаемая новая технология меняет не только быт и производство, но и тактику ведения войн, а значит, мы на грани очередной катастрофы через техно-гуманитарный дисбаланс. Мы впервые в истории являемся свидетелями кровопролития в онлайн-режиме или как минимум в режиме видеохроники. Мы впервые видим, как роботизированные дроны убивают человека, театр боевых действий уже в меньшей степени представляет собой столкновение человека с человеком и в большей – человека и технологии, направляемой гибридным интеллектом. Искусственные спутники в ближнем космосе задействуются для геопозиционирования и наведения средств уничтожения. Ненависть вышла за пределы территории планеты. Мы познаем иные оттенки словосочетания «глобальная цифровая связанность». Человеку давно никто не составляет конкуренции в искус-

стве уничтожения себе подобных. При этом восприятие человека, который не принимает непосредственного участия в таких действиях, – искажено. Просмотр записи не дает осознать всего происходящего, как и выразить поднимающееся сострадание (блокируется осуществление архетипа действенной христианской любви).

Как найти искомый баланс нравственности с такими технологиями? В этом контексте этика «осевого времени» и заповеди христианства кажутся не особо осуществимыми. Это ли не показатель того, что с современным человеком что-то не так и он снова, 100 лет спустя после экзистенциального поворота в философии, не может оставаться тем человеком, каким мы знаем его сегодня – с усыпленной человечностью, оберегающим свою «раковину» от осознаний, несущих катастрофические разрушения [19, с. 101]? А наиболее вероятным нам кажется то, что современный человек, способный управляться с доступными ему технологиями, еще только должен возникнуть.

Потенциально освободив себя от рутинного труда при помощи умных машин, как и от сострадания и всего человеческого, человек перед лицом катастрофы оказался в очередной ситуации выбора: полностью отдать остатки человечности во власть цифры либо переоткрыть миры внутреннего опыта, а затем создать «просветленную» технику. Острые экзистенциальные вопросы всегда встают перед человеком в «неустроенные» эпохи [20]. Раз уж у человека теперь есть достаточно времени для воспитания в себе жизнеутверждающей этики, для медитации, возвращения собственного сознания и исследования Трансценденции, то, возможно, переоткрытие «ближнего космоса» в своем внутреннем мире позволит ему оторвать взор от земли, перестать поддаваться манипуляциям, основанным на страхе перед технологическим рабством, и наконец стать не только хозяином собственных творений, но в первую очередь – ответственным распорядителем собственной жизни и хранителем жизни на Земле.

Список литературы

1. Cousins E.H. *Christ of the 21st Century*. N. Y.: Continuum, 1998. 224 p.
2. Wright M. The Second Axial Emergence // Center for Christogenesis. 2016. 26 Sept. URL: <https://christogenesis.org/second-axial-emergence> (дата обращения: 06.04.2025).
3. Gardels N. The New Axial Age // Noema. 2020. 17 June. URL: <https://www.noemamag.com/the-new-axial-age> (дата обращения: 06.04.2025).
4. Vermander B. The «Axial Age» and the Invention of a Shared Future // La Civiltà Cattolica. 2021. 5 Oct. URL: <https://www.laciviltacattolica.com/the-axial-age-and-the-invention-of-a-shared-future/> (дата обращения: 06.04.2025).
5. Bellah R.N., Joas H. *The Axial Age and Its Consequences*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2012. 500 p. <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674067400>
6. Stout B. Welcome to the 2nd Axial Age: Toward the Next Evolution in Human Consciousness. 2019. 13 Aug. URL: <https://citizenstout.substack.com/p/welcome-to-the-2nd-axial-age> (дата обращения: 06.04.2025).
7. Marshall P. *A Complex Integral Realist Perspective: Towards a New Axial Vision*. London: Routledge, 2016. 296 p. <https://doi.org/10.4324/9781315753485>
8. Hagemann R. A Technological Axial Age // Niskanen Center. 2016. 20 May. URL: <https://www.niskanencenter.org/a-technological-axial-age> (дата обращения: 06.04.2025).
9. История Востока: в 6 т. / Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. Т. 1. Восток в древности / отв. ред. В.А. Яковсон. М.: Вост. лит., 2002. 688 с.
10. Сафонов А.Л. Осевое время-2: возвращение к истокам или погружение во тьму? // Вестн. БГУ. 2012. № 14. С. 34–42.
11. Стерледева Т.Д., Стерледев Р.К. Осевое время-2 в аспекте электронной виртуальной реальности // Мanusкрипт. 2020. № 1. С. 99–103. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.20>
12. Бирич И.А. Новое осевое время и новый осевой человек как ответ на вызов антропной Вселенной // Синергетика. 2025. 19 янв. URL: <https://spkurdyumov.ru/philosophy/16361> (дата обращения: 06.04.2025).
13. Ясперс К. *Смысл и назначение истории*: пер. с нем. М.: Республика, 1994. 527 с.
14. Буданов В.Г. Архетипическое эхо в истории: метод ритмокаскадов и природа Большого антропологического перехода // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2020. № 4. С. 34–44. <https://doi.org/10.12737/2306-174X-2021-34-45>
15. Буданов В.Г., Аршинов В.И. *Большой антропологический переход: методология сложностно-сетового мышления*: моногр. Курск: Унив. кн., 2022. 129 с.
16. Буданов В.Г., Аршинов В.И., Баева А.В., Белоногов И.Н., Беляетдинов Р.Р., Герасимова И.А., Лепский В.Е., Попова О.В., Пронин М.А., Раев О.Н., Розин В.М., Свицкий Я.И., Струговицкова У.С., Тищенко П.Д., Шевченко С.Ю. *Современные проблемы социо-техно-антропосферы*: коллектив. моногр. / отв. ред. В.Г. Буданов. Курск: Унив. кн., 2022. 255 с.
17. Назаретян А.П. Воспитательный потенциал синергетики: гипотеза техно-гуманитарного баланса // Науч. результат. Педагогика и психология образования. 2014. № 2. С. 98–105. URL: <https://rrpedagogy.ru/journal/annotation/747/> (дата обращения: 03.04.2025).
18. Джеймс У. *Многообразие религиозного опыта*: пер. с англ. М.: Акад. проект, 2017. 415 с.
19. Голиков К.С. Требуем ли мы перемен? Обращение к метафоре «раковины» Карла Ясперса // Идеи и идеалы. 2020. № 2-1. С. 96–107. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-96-107>
20. Бубер М. *Проблема человека* // Бубер М. Два образа веры: сб. / под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит, С.В. Лезова. М.: Республика, 1995. С. 157–232.

References

1. Cousins E.H. *Christ of the 21st Century*. New York, 1998. 224 p.
2. Wright M. The Second Axial Emergence. *Center for Christogenesis*, 26 September 2016. Available at: <https://christogenesis.org/second-axial-emergence> (accessed: 6 April 2025).
3. Gardels N. The New Axial Age. *Noema*, 17 June 2020. Available at: <https://www.noemamag.com/the-new-axial-age> (accessed: 6 April 2025).

4. Vermander B. The “Axial Age” and the Invention of a Shared Future. *La Civiltà Cattolica*, 5 October 2021. Available at: <https://www.laciviltacattolica.com/the-axial-age-and-the-invention-of-a-shared-future/> (accessed: 6 April 2025).
5. Bellah R.N., Joas H. *The Axial Age and Its Consequences*. Cambridge, 2012. 500 p. <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674067400>
6. Stout B. *Welcome to the 2nd Axial Age: Toward the Next Evolution in Human Consciousness*. 13 August 2019. Available at: <https://citizenstout.substack.com/p/welcome-to-the-2nd-axial-age> (accessed: 6 April 2025).
7. Marshall P. *A Complex Integral Realist Perspective: Towards a New Axial Vision*. London, 2016. 296 p. <https://doi.org/10.4324/9781315753485>
8. Hagemann R. A Technological Axial Age. *Niskanen Center*, 20 May 2016. Available at: <https://www.niskanencenter.org/a-technological-axial-age> (accessed: 6 April 2025).
9. Yakobson V.A. (ed.). *Istoriya Vostoka. T. 1. Vostok v drevnosti* [History of the East. Vol. 1. The Ancient East]. Moscow, 2002. 688 p.
10. Safonov A.L. Osevoe vremya-2: vozvrashchenie k istokam ili pogruzhenie vo t'mu? [Axial Age-2: Return to Origins or Dive to the Darkness?]. *Vestnik BGU*, 2012, no. 14, pp. 34–42.
11. Sterledeva T.D., Sterledev R.K. Osevoe vremya-2 v aspekte elektronnoy virtual'noy real'nosti [Axial Age-2 in the Aspect of Electronic Virtual Reality]. *Manuskript*, 2020, no. 1, pp. 99–103. <https://doi.org/10.30853/manuskript.2020.1.20>
12. Birich I.A. Novoe osevoe vremya i novyy osevoy chelovek kak otvet na vyzov antropnoy Vselennoy [The New Axial Age and the New Axial Man as a Response to the Challenge of the Anthropocentric Universe]. *Sinergetika*, 19 January 2025. Available at: <https://spkurdyumov.ru/philosophy/16361> (accessed: 6 April 2025).
13. Jaspers K. *Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*. Zürich, 1949. 360 p. (Russ. ed.: Yaspers K. *Smysl i naznachenie istorii*. Moscow, 1994. 527 p.).
14. Budanov V.G. Arkhetipicheskoe ekho v istorii: metod ritmokaskadov i priroda Bol'shogo antropologicheskogo perekhoda [Archetypal Echo in History: The Method of Rhythmic Cascades and the Nature of the Great Anthropological Transition]. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika*, 2020, no. 4, pp. 34–44. <https://doi.org/10.12737/2306-174X-2021-34-45>
15. Budanov V.G., Arshinov V.I. *Bol'shoy antropologicheskii perekhod: metodologiya slozhnostno-setevogo myshleniya* [The Big Anthropological Shift: Methodology of Complex Network Thinking]. Kursk, 2022. 129 p.
16. Budanov V.G., Arshinov V.I., Baeva A.V., Belonogov I.N., Belyaletdinov R.R., Gerasimova I.A., Lepskiy V.E., Popova O.V., Pronin M.A., Raev O.N., Rozin V.M., Svirskiy Ya.I., Strugovshchikova U.S., Tishchenko P.D., Shevchenko S.Yu. *Sovremennyye problemy sotsio-tekhno-antroposfery* [Modern Problems of the Socio-Techno-Anthroposphere]. Kursk, 2022. 255 p.
17. Nazaretyan A.P. Vospitatel'nyy potentsial sinergetiki: gipoteza tekhnogumanitarnogo balansa [The Educational Potential of Synergetics: Hypothesis of Techno and Humanitarian Balance]. *Nauchnyy rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya*, 2014, no. 2, pp. 98–105. Available at: <https://rrpedagogy.ru/journal/annotation/747/> (accessed: 6 April 2025).
18. James W. *The Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature*. New York, 1902. 534 p. (Russ. ed.: Dzheyms U. *Mногообразие религиозного опыта*. Moscow, 2017. 415 p.).
19. Golikov K. Do We Want Changes? Resorting to Karl Jaspers' Metaphor of the “Shell”. *Idei i ideal'y*, 2020, vol. 12, no. 2, pt. 1, pp. 96–107 (in Russ.). <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-96-107>
20. Buber M. Problema cheloveka [The Problem of Man]. Buber M. *Dva obraza very* [Two Types of Faith]. Moscow, 1995, pp. 157–232.

Информация об авторе

К.С. Голиков – кандидат философских наук, младший научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии Российской академии наук (адрес: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1).

Information about the author

Kirill S. Golikov, Cand. Sci. (Philos.), Junior Researcher, Department of Interdisciplinary Problems of Scientific and Technological Development, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (address: ul. Goncharnaya 12, building 1, Moscow, 109240, Russia).

Поступила в редакцию 15.04.2025

Одобрена после рецензирования 15.08.2025

Принята к публикации 20.08.2025

Submitted 15 April 2025

Approved after reviewing 15 August 2025

Accepted for publication 20 August 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 5. С. 108–117.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 108–117.

Научная статья
УДК 141:004
DOI: 10.37482/2687-1505-V463

Трансформация понятия «отчуждение» в условиях цифровизации

Дмитрий Владимирович Канатаев¹

Сергей Сергеевич Курочкин²

Александра Вадимовна Лаптева^{3✉}

^{1, 2, 3}Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова,
Санкт-Петербург, Россия

¹e-mail: kanataev_dv@voenmeh.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3123-377X>

²e-mail: qeen123@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3654-934X>

³e-mail: alvlapteva@yandex.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-8627-2915>

Аннотация. В данной статье исследуется эволюция и трансформация понятия «отчуждение» применительно к реалиям современного цифрового общества. Авторы ставят задачу не только проанализировать исторический генезис этого понятия, но и выявить его новую семантическую наполненность в контексте стремительного развития цифровых технологий. Исследование открывается экскурсом в историю философии: рассматриваются идеи Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса и специфика их подходов к пониманию отчуждения как социально-экономического феномена. Особое внимание уделяется концепциям К. Маркса, в современном контексте приобретающим иные формы, связанные с цифровизацией. Методология работы сочетает историко-философский анализ классических теорий с критическим осмыслением современных технологических реалий. Авторы подчеркивают, что цифровизация, с одной стороны, освобождает человека от рутинных задач, но с другой – создает новые формы отчуждения. Явления, порожденные цифровизацией, трансформируют сознание, смещая фокус с глубины мышления на скорость потребления контента. В статье, кроме того, анализируется противоречивый характер цифровых технологий, которые одновременно служат инструментами творческой самореализации и механизмами социального контроля. Выводы исследования указывают на необходимость переосмысления традиционных подходов к феномену отчуждения. Авторы утверждают, что в цифровую эпоху ключевыми становятся проблемы виртуализации социальных отношений, утраты автономии в условиях алгоритмического управления и кризиса идентичности. Подчеркивается, что итог цифровой трансформации зависит не от технологий самих по себе, но от ценностных ориентиров общества. Статья вносит вклад в дискуссию о социальных последствиях цифровизации, предлагая междисциплинарную перспективу для анализа современных вызовов.

Ключевые слова: отчуждение, цифровое общество, цифровые технологии, цифровая трансформация, цифровизация, социальное взаимодействие, Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс

Для цитирования: Канатаев, Д. В. Трансформация понятия «отчуждение» в условиях цифровизации / Д. В. Канатаев, С. С. Курочкин, А. В. Лаптева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 5. – С. 108-117. – DOI 10.37482/2687-1505-V463.

Original article

Transformation of the Concept of Alienation in the Conditions of Digitalization

Dmitrii V. Kanataev¹

Sergey S. Kurochkin²

Aleksandra V. Lapteva³✉

^{1,2,3}Baltic State Technical University “VOENMEH” named after D.F. Ustinov, St. Petersburg, Russia

¹e-mail: kanataev_dv@voenmeh.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3123-377X>

²e-mail: qeen123@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3654-934X>

³e-mail: alvlapteva@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-8627-2915>

Abstract. This article examines the evolution and transformation of the concept of alienation in contemporary digital society. The authors aim not only to analyse the concept’s historical genesis but also to identify its new semantic content in the light of the rapid development of digital technologies. The study begins with an overview of the history of philosophy, focusing on the ideas of G.W.F. Hegel and K. Marx as well as their approaches to understanding alienation as a socio-economic phenomenon. Particular emphasis is placed on Marx’ concepts, which are now assuming new forms due to digitalization. The study’s methodology combines historical-philosophical analysis of classical theories with a critical examination of contemporary technological realities. The authors emphasize that digitalization, while liberating individuals from routine tasks, simultaneously generates novel forms of alienation. Phenomena arising from digitalization transform consciousness by shifting the focus from the depth of thinking to the speed of content consumption. In addition, the article explores the contradictory nature of digital technologies, which serve both as tools for creative self-realization and mechanisms for social control. The study concludes by emphasizing the need to rethink traditional approaches to the phenomenon of alienation. The authors argue that in the digital age, key challenges include the virtualization of social relations, the loss of autonomy under algorithmic governance, and identity crisis. It is highlighted that the outcome of digital transformation depends not on the technologies themselves but on societal value orientations. The article contributes to the discourse on the social consequences of digitalization by offering an interdisciplinary perspective for analysing contemporary challenges.

Keywords: *alienation, digital society, digital technology, digital transformation, digitalization, social interaction, G.W.F. Hegel, K. Marx*

For citation: Kanataev D.V., Kurochkin S.S., Lapteva A.V. Transformation of the Concept of Alienation in the Conditions of Digitalization. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 108–117. DOI: 10.37482/2687-1505-V463

Введение. Цифровые технологии являются неотъемлемой частью современного общества. Высокотехнологичные компьютерные системы помогают людям в повседневных бытовых вопросах (запись на прием к врачу, покупка билетов на поезд и т. д.), применяются при

решении сложных задач в сфере экономики и управления на уровне предприятий или целых отраслей (к примеру, при оптимизации бизнес-процессов в крупных производственных комплексах). Процесс цифровизации, понимаемый как «переход с аналоговой формы передачи информации на цифровую»¹ [1], «создание и применение современных систем, технологий и инструментов в целях повышения эффективности управленческих решений и предлагаемых услуг», включающий «внедрение и использование инновационных технологий, а также принципы цифровой экономики в контексте социально-экономической жизни общества, сопровождающейся абсолютной автоматизацией, роботизацией, внедрением искусственного интеллекта» [2, с. 310], охватывает все больше аспектов жизни современного общества.

Все чаще поднимаются вопросы, связанные с применением искусственного интеллекта (ИИ), о влиянии, которое он может оказать на саму сущность человека как существа разумного и деятельного. В конечном счете речь идет о переосмыслении места человека в мире, где ИИ играет все более активную роль, о природе человека в условиях новой реальности [3]. В связи с этим проблемы влияния цифровизации на развитие социальных институтов и социализацию отдельной личности привлекают все большее внимание научного сообщества и широкой общественности. Особую значимость в данном контексте приобретает анализ трансформации ключевых философско-социологических концептов, таких как «отчуждение». Цель данного исследования заключается в выявлении специфики трансформации концепта «отчуждение» в условиях цифровизации общества для адекватного понимания феномена в современном технологическом контексте.

Технологический прогресс и социальные последствия. В истории известно множество

примеров общественных дискуссий, возникающих вокруг тех или иных технологических новшеств. Одним из последствий промышленной революции в Англии во второй половине XVIII – начале XIX века была «технологическая безработица»: внедрение прядильных станков на ткацких фабриках стало одной из причин разрушения традиционной цеховой организации британской текстильной промышленности [4, с. 434]. Ремесленники не могли конкурировать с фабричным машинным производством, а станки позволяли фабрикантам нанимать менее квалифицированных рабочих. На рубеже XVIII–XIX веков недовольство ремесленников, считавших изменения в организации производства основной причиной падения уровня их жизни, привело к социальным волнениям и появлению радикального движения «луддитов», устраивавших погромы на фабриках и уничтожавших станки. Впоследствии, на протяжении XIX–XX веков, вопрос о влиянии технологического прогресса на уровень занятости и рынок труда (соотношение потери рабочих мест и «трудосберегающих технологий» с «компенсирующими эффектами», предполагающими создание новых рабочих мест) неоднократно поднимался в связи с инновациями в различных областях экономики [4, с. 443].

Иногда дискуссии по поводу новых технологий были вызваны не прямым влиянием инновации на уровень жизни людей, а опасениями относительно безопасности новшества. В 1880-е – начале 1890-х годов в США конкуренция среди создателей систем производства и распространения электроэнергии, использующих постоянный ток низкого (Т. Эдисон) и переменный ток высокого (Дж. Вестингауз) напряжения, привела к «войне токов» («battle of the currents») [5, с. 191]. Сторонники постоянного тока утверждали, что технология их конкурентов представляет потенциальную

¹О Концепции обеспечения жителей города Москвы телекоммуникационными услугами для получения социально значимой информации путем создания условий равного доступа к кабельному телевидению и интернет-ресурсам: распоряжение Правительства Москвы от 11 окт. 2010 г. № 2215-ПП. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/28884220/> (дата обращения: 01.04.2025).

угрозу и широкомасштабное внедрение оборудования, работающего на переменном токе, приведет к тому, что «население будет подвергаться постоянной опасности внезапной смерти»; организованная ими кампания в прессе стала одной из причин «паники из-за электрических проводов» («electric wire panic»). В начале 1890-х годов уход из бизнеса Т. Эдисона, слияние компаний «Edison General Electric» и «Thomson-Houston» (образовавшаяся в результате слияния корпорация «General Electric Company» начала развивать технологии, основанные на переменном токе), перенос части высоковольтных линий электропередач в крупных городах под землю привели к завершению «войны токов». Однако в дальнейшем дискуссии о безопасности использования возникали относительно других технологий (в частности, ядерной энергетики).

Также предметом обсуждения становится вопрос о влиянии определенной технической инновации на человеческую личность и ее развитие. Один из примеров такого спора (связанный с влиянием письменности на познание и память) приводит Платон в диалоге «Федр» [6, с. 65]. С конца XX века в среде преподавателей математики идут дискуссии о вреде и пользе использования учащимися калькуляторов во время уроков. По мнению доктора психологических наук А.Ш. Тхостова, передача электронным приборам функции проведения счетных операций и утрата навыка счета в уме могут оказать влияние на другие интеллектуальные функции [7].

В отдельных случаях одна технология могла вызывать опасения в обществе сразу по нескольким причинам. В 1830–1840-е годы в ходе дискуссии о строительстве первых железных дорог в России министр финансов Е.Ф. Канкрин подчеркивал, что их появление составит «скорее зло, чем благодеяние» [8, с. 39]. Сомневаясь в экономической эффективности железных дорог (при огромных денежных затратах на их возведение), он утверждал, что «постройка железных дорог, отнимая заработки от извозного промысла, составляющего весьма важную под-

держку для земледельцев, может повлечь за собой упадок государственных и частных доходов и вызывать большой ропот в народе» [9, с. 26]. Среди отрицательных последствий, которые он ожидал от использования паровозов, была массовая вырубка лесов из-за отсутствия в тот момент разработанных месторождений каменного угля [9]. Е.Ф. Канкрин, граф К.Ф. Толь высказывали опасения, что данная инновация может подорвать основы существующего сословного уклада, сделав «еще более подвижным недостаточно оседлое население» и служа «уравнению сословий» [8, с. 39]. Однако император Николай I поддержал сторонников развития нового вида транспорта ввиду его потенциального экономического и военно-стратегического значения [9, с. 59].

В рамках подобных дебатов в современном обществе часто обсуждается тема регулирования технологического развития. Ряд исследователей, в частности футуролог К. Келли, считает, что запретительные меры, имеющие цель ограничить технический прогресс, в долгосрочной перспективе контрпродуктивны. Целесообразнее, с точки зрения К. Келли, адаптировать технологии к потребностям общества, опираясь на внутренние законы их развития: «Только научившись использовать их, вместо того чтобы бороться с ними, мы сможем получить все преимущества, которые новые технологии могут нам предложить» [10, с. 14].

Феномен отчуждения: историко-философский контекст. Одним из важнейших в контексте социальных последствий цифровизации является вопрос о влиянии технологий на межличностные коммуникации. Многие социальные процессы, например феномен отчуждения, приобретают новые формы при переходе социальных контактов в цифровую среду.

Отчуждение – феномен утраты сопричастности человека к какой-либо деятельности [11]. Оно проявляется в различных сферах человеческой жизни, будь то социальные, политические, духовные, культурные или экономические отношения. Ключевой характеристикой данного феномена выступает утрата индивидом ощущение

ния себя субъектом собственной жизни, творцом своих действий. Под влиянием отчуждения человек перестает воспринимать себя как центр своего мира, а собственные действия – как результат свободной воли. Вместо этого как сам человек, так и окружающие его люди начинают восприниматься им как объекты, вещи в мире вещей, лишённые субъектности и автономии.

В результате такого смещения фокуса собственной труд, мысли и поступки человека отчуждаются от него, превращаясь в нечто внешнее и подконтрольное не ему самому. Человек становится заложником собственной отчужденности, товаром, который можно продать, обменять или сдать в аренду, утрачивает свою самость и свободу воли [12].

Вопрос об отчуждении человека издавна привлекал внимание мыслителей и занимал важное место в философских дискуссиях. Истоки проблематизации отчуждения в европейской научной традиции восходят к эпохе Просвещения, когда мыслители-гуманисты XVII–XVIII веков, Т. Гоббс [13] и Ж.-Ж. Руссо [14], начали активно изучать данное явление, заложив фундамент для последующих, более глубоких исследований этого сложного вопроса. В осмыслении феномена отчуждения ключевую роль сыграли немецкие философы, в частности И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегель и Л. Фейербах, выявившие его религиозно-духовные и социально-антропологические корни. Значительный вклад в разработку данной проблематики внес Гегель, который сделал отчуждение одним из краеугольных камней своей философской системы. В его интерпретации отчуждение представляет собой особое отношение индивида к созданной им реальности в условиях буржуазного правового общества [15, с. 85]. Немецкий философ стал пионером в исследовании отчуждения человека в труде, фактически определив отчуждение от этого процесса как одну из форм названного явления.

Труды Гегеля и Фейербаха оказали существенное влияние на формирование учения К. Маркса, которое можно рассматривать как продолжение

и развитие идей классиков. Фундаментальные принципы марксистского мировоззрения были изложены в «Манифесте коммунистической партии» – программной работе, написанной К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1848 году [16].

К. Маркс трактовал отчуждение как объективный социальный процесс. По мере развития его материалистического понимания истории углублялось и понимание отчуждения человека. От анализа отчуждения в рамках идеалистической традиции, представленной в трудах предшественников, К. Маркс перешел к исследованию этого феномена в политической, а затем и в экономической сферах жизни общества [17, с. 20].

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс, несмотря на общую преемственность идей Л. Фейербаха, акцентирует внимание на проблеме, оставшейся вне поля зрения последнего, – эксплуатации человека человеком [18]. Именно для объяснения этого явления К. Маркс вводит понятие отчуждения труда, выделяя 4 его основные формы: отчуждение от самого процесса труда, от его продуктов, от собственной сущности, от других людей или окружающего мира. Важно отметить, что сам К. Маркс не придавал данной типологии первостепенного значения, поскольку в центр его внимания постепенно выдвигалась экономическая подоплека отчуждения, что нашло отражение в его дальнейших работах.

В. Зомбарт исследовал отчуждение как продукт капиталистической системы, где экономическая деятельность подчиняет себе духовные и культурные ценности. Он отмечал, что в докапиталистическую эпоху отчуждение отсутствовало, т. к. экономические условия не диктовали жестких рамок для духовной жизни. Однако с наступлением капитализма произошла смена парадигмы: ценности, ранее считавшиеся греховными (например, алчность), превратились в движущие силы хозяйственной деятельности [19]. Эта идея перекликается с выводами Л. Мамфорда, который писал, что капитализм трансформировал традиционные добродетели в инструменты экономической эксплуатации [20].

Г. Маркузе развил концепцию отчуждения, введя термин «одномерность» для описания общества, где массовая культура и потребительские ценности подавляют критическое мышление. Он подчеркивал, что, даже несмотря на видимое улучшение условий жизни, современный человек остается «рабом» системы, будучи сведенным к роли инструмента [21]. Эти идеи нашли отражение в трудах Э. Фромма, который связывал отчуждение с двойственностью свободы: освобождение может как преодолевать отчуждение, так и усугублять его [22].

Цифровая эпоха: новые формы отчуждения. Современные технологии и цифровизация создают принципиально новые формы отчуждения, которые требуют переосмысления классических теорий. Если Зомбарт и Маркузе анализировали отчуждение в контексте индустриального общества, то сегодня ключевым фактором становится виртуальная реальность и цифровые платформы, трансформирующие социальные взаимодействия.

Духовное отчуждение: цифровые технологии, с одной стороны, предоставляют доступ к неограниченному объему информации, но с другой – способствуют поверхностному восприятию знаний. Как отмечал Маркузе, «одномерность» проявляется в шаблонности мышления [21], а в условиях цифровизации это усугубляется алгоритмизацией контента, который подстраивается под предпочтения пользователя, ограничивая его кругозор.

Культурное отчуждение: социальные сети и цифровые платформы создают иллюзию участия в культурной жизни, но зачастую сводят культуру к формату «потребляемого» контента. Это напоминает критические мысли Зомбарта, который писал о «душевном оскудении» в условиях капитализма [19]. В цифровую эпоху это оскудение приобретает новые формы, например клиповое мышление.

Социальное отчуждение: Н. Хомский обращает внимание на роль корпоративной пропаганды в формировании общественного сознания. В цифровую эпоху эта пропаганда порождает новые инструменты – таргетиро-

ванную рекламу, алгоритмы соцсетей, которые усиливают политическое и социальное отчуждение, манипулируя мнениями и поведением пользователей [23].

В.Н. Даренская подчеркивает, что отчуждение в современном обществе связано с разрывом духовных и культурных традиций и цифровизация усиливает этот процесс, приводя к деперсонализации и утрате связи поколений [24]. Н.Н. Исаченко раскрывает отчуждение как детерминанту деструктивности, особенно в условиях информационного общества [25]. Интернет-зависимость и виртуальная агрессия усиливают отчуждение, приводя к маргинализации и кризису идентичности.

В современных исследованиях все чаще упоминается новая форма рассматриваемого феномена – «цифровое отчуждение», возникающее в условиях, когда труд все больше сводится к операциям с данными, а живое взаимодействие заменяется виртуальными коммуникациями [26]. Более того, наряду с давно существующим понятием «информационный шум» справедливо указать на наличие «цифрового мусора», появляющегося из-за тенденции создания контента ради самого факта производства, а не его ценности. Это приводит к перенасыщению информационного пространства бессмысленными данными, что усугубляет отчуждение как создателей, так и потребителей контента.

По нашему мнению, отчуждение представляет собой один из существенных аспектов цифровизации. Однако в современных условиях мы сталкиваемся скорее с иными формами этого явления, нежели те, которые описывал К. Маркс, анализируя эксплуатацию человека. Современный человек обладает значительно большей формальной свободой, чем его предшественник в XIX веке, выбор которого был прямолинеен – «рабочий дом» или голодная смерть. Выбор в настоящее время, скорее, опосредован яркой рекламой, привлекательными слоганами и тщательно созданными образами.

Как же технология, в частности цифровизация, влияет на человека? Ее воздействие неоднозначно, это сложное переплетение новых

возможностей и ограничений, творчества и систем контроля. Чтобы понять, как технология меняет повседневность, полезно рассмотреть ее ключевые функции, каждая из которых оказывает специфическое влияние на индивидуальный и коллективный опыт.

Если на заре промышленной революции машины брали на себя физический труд, то сегодня алгоритмы все чаще выполняют задачи, традиционно связанные с мыслительной деятельностью. Цифровизация автоматизирует рутину – от сортировки данных до управления процессами, потенциально высвобождая время человека. Однако работники платформенной экономики, будь то курьеры или фрилансеры, в значительной степени зависят от решений алгоритмов. Их график, доход и условия работы часто определяются программными кодами, логика которых может быть недостаточно прозрачной. Это придает труду новые характеристики, где правила могут быть оптимизированы под системы, а не только под человека.

Каждое действие онлайн – клик, лайк, маршрут – становится источником данных для так называемого капитализма наблюдения [27]. Это приводит к отчуждению человека от контроля над процессом и условиями своей деятельности (труда, потребления информации, коммуникации) вследствие управления непрозрачными, оптимизированными под системные цели (а не человеческие) алгоритмами цифровых платформ. Человек становится объектом управления «черного ящика», логика которого ему недоступна. Персонализированные рекомендации и целевая реклама, создавая ощущение индивидуального подхода, основаны на масштабном сборе информации. Социальные сети, предоставляя возможность постоянного общения, иногда способствуют формированию поверхностных связей через обилие новых форм взаимодействия, что может сопровождаться чувством одиночества и неосмысленного времяпрепровождения. Цифровая среда влияет и на когнитивные процессы. Мозг, адаптируясь к интенсивным потокам информации, может перестраиваться, иногда предпочитая скорость обработки глубине анализа [28].

Анализ современных подходов демонстрирует, что классическое (марксистское) понимание отчуждения труда и его продуктов трансформируется в цифровую эпоху. На первый план выходят:

– отчуждение данных и поведенческих паттернов (извлечение поведенческих данных ведет к новому типу экономического и психологического отчуждения, где человек теряет контроль над своими «поведенческими излишками» и становится объектом прогнозирования и манипуляции);

– отчуждение от культурных кодов и идентичности (цифровизация становится фактором, усиливающим разрыв с традициями, деперсонализацию и утрату межпоколенческих связей, что является новой гранью культурного и социального отчуждения);

– отчуждение в виртуальных коммуникациях и платформенном труде (труд и общение опосредуются алгоритмическими платформами, что ведет к утрате автономии, формализации и содержательному опустошению социальных взаимодействий).

Заключение. Цифровые платформы предоставляют новые возможности для самовыражения в творчестве и досуге. Пользователи могут экспериментировать не только с форматами деятельности, но и с элементами своей онлайн-идентичности (например, варьируя представление о себе в социальных сетях). Это открывает пространство для исследования, но существует риск постепенного отдаления от реального «я» при чрезмерном увлечении виртуальными образами.

Цифровизация отражает двойственность человеческой природы, одновременно расширяя возможности (свобода, инструменты для творчества) и создавая новые вызовы (контроль, потенциал для манипуляций). Ее влияние определяется не столько технологиями, сколько ценностями, которые в них вкладываются. Ключевой вопрос: сохраним ли мы роль активных создателей цифровой среды или пассивно адаптируемся к ней?

Феномен отчуждения в цифровую эпоху приобретает новые формы, связанные с технологиями, данными и виртуальными пространствами. Это требует пересмотра традиционных

подходов и разработки новых концепций для анализа современных социальных процессов.

Основное практическое назначение цифровизации – упрощение обмена информацией и обеспечение мгновенной коммуникации через Интернет, что экономит время и сокращает необходимость личных визитов в учреждения. Однако наряду с этими преимуществами возникают определенные сложности: изменения в

характере межличностного общения, тенденция к социальной разобщенности и фрагментации общества.

Рост чувства одиночества можно считать одним из следствий широкой цифровизации. Она способствует смещению акцента с коллективных форм взаимодействия в реальном мире на более индивидуализированные, что меняет традиционные модели социализации.

Список литературы

1. Катрин Е.В. «Цифровизация»: научные подходы к определению термина // Вестн. Забайк. гос. ун-та. 2022. Т. 22, № 5. С. 49–54.
2. Герасимова Т.А., Москвитина Н.В. Содержание понятий «цифровая экономика» и «цифровизация в сфере государственного управления» // Социальная реальность виртуального пространства: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: ИГУ, 2019. С. 310–315.
3. Бадмаева М.Х., Золхоева М.В. К вопросу о необходимости социально-философского анализа проблем искусственного интеллекта // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Философия. 2023. Вып. 2. С. 76–85. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2023-2-76-85>
4. Маркс К. Капитал: Критика политической экономии: в 3 т. Т. 1, кн. 1. Процесс производства капитала. М.: Госполитиздат, 1952. 794 с.
5. Голдовский Е.М. Очерк истории кинопроекторной техники. М.: Искусство, 1969. 223 с.
6. Платон. Федр: Беседы с Сократом. М.: Прогресс, 1989. 136 с.
7. Тхостов А.Ш. Функция счета и технический прогресс // ПостНаука. 2015. 17 авг. URL: <https://postnauka.org/video/51365> (дата обращения: 01.04.2025).
8. Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. М.: Наука, 1975. 315 с.
9. Верховской В.М. Исторический очерк развития железных дорог в России с их основания по 1897 г. включительно: в 2 ч. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1898. Ч. 1. 176 с.
10. Келли К. Неизбежно: 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 343 с.
11. Канатаев Д.В. Динамика отчуждения в современной России: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2014. 182 с.
12. Канатаев Д.В. Марксистский взгляд на проблему отчуждения человека // Философские и методологические проблемы научно-технического творчества. СПб.: Балт. гос. техн. ун-т., 2019. С. 112–115.
13. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 3–545.
14. Руссо Ж.-Ж. Трактаты / подгот. В.С. Алексеев-Попов, Ю.М. Лотман, Н.А. Полторацкий, А.Д. Хаютин, коммент. В.С. Алексеева-Попова, Л.В. Борщевской. М.: Наука, 1969. 703 с.
15. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.В. Гулыги. М.: Мысль, 1973. Т. 2. 668 с. (Сер.: Филос. наследие).
16. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М.: Госполитиздат, 1950. 72 с.
17. Маркс К. Первоначальный вариант «Капитала» (Экономические рукописи К. Маркса 1857–1859 годов) / отв. ред. М.П. Мчедлов. М.: Политиздат, 1987. 464 с.
18. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. М.: Акад. проект, 2010. 775 с.
19. Зомбарт В. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека // Зомбарт В. Собр. соч.: в 3 т.: пер. с нем. СПб., 2005. Т. 1. 636 с.
20. Мамфорд Л. Миф машины: Техника и развитие человечества: пер. с англ. М.: Логос, 2001. 404 с.

21. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: REFL-book, 1994. 369 с.
22. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя: пер. с англ. М.: АСТ, 2006. 571 с.
23. Хомский Н. Гегемония или борьба за выживание: стремление США к мировому господству / пер. с англ. И. Харламова. М.: Столица-Принт, 2007. 463 с.
24. Даренская В.Н. Отчуждение как феномен разрушения социокультурной традиции // Гуманит. вектор. 2023. Т. 18, № 2. С. 8–17.
25. Исаченко Н.Н. Отчуждение как социальный феномен современного общества // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2018. № 5(415). С. 66–70.
26. Шаранов Н.А. Психологические особенности профессиональных и карьерных ориентаций в деятельности информационного характера // Новое в психол.-пед. исслед. 2023. № 1(68). С. 243–252.
27. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. London: Profile Books, 2019. 691 p.
28. Пронькина А.Н. Трансформация памяти в условиях информационного перенасыщения // Философия науки и техники. 2020. Т. 25, № 1. С. 110–124.

References

1. Katrin E.V. “Tsifrovizatsiya”: nauchnye podkhody k opredeleniyu termina [“Digitalization”: On Approaches to Defining the Concept in Political Science]. *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, vol. 22, no. 5, pp. 49–54.
2. Gerasimova T.A., Moskvitina N.V. Soderzhanie ponyatiy “tsifrovaya ekonomika” i “tsifrovizatsiya v sfere gosudarstvennogo upravleniya” [The Content of the Concepts “Digital Economy” and “Digitalization in Public Administration”]. *Sotsial'naya real'nost' virtual'nogo prostranstva* [Social Reality of Virtual Space]. Irkutsk, 2019, pp. 310–315.
3. Badmaeva M.Kh., Zolkhoeva M.V. On the Necessity of Socio-Philosophical Analysis of Artificial Intelligence Issues. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya*, 2023, no. 2, pp. 76–85 (in Russ.). <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2023-2-76-85>
4. Marx K. *Kapital: Kritika politicheskoy ekonomii. T. 1, kn. 1. Protsess proizvodstva kapitala* [Capital: Critique of Political Economy. Vol. 1, book 1. The Process of Production of Capital]. Moscow, 1952. 794 p.
5. Goldovskiy E.M. *Ocherk istorii kinoproektsionnoy tekhniki* [An Outline of the History of Film Projection Technology]. Moscow, 1969. 223 p.
6. Plato. *Fedr: Besedy s Sokratom* [Phaedrus]. Moscow, 1989. 136 p.
7. Tkhostov A.Sh. Funktsiya scheta i tekhnicheskii progress [The Function of Calculation and Technological Progress]. *PostNauka*, 17 August 2015. Available at: <https://postnauka.org/video/51365> (accessed: 1 April 2025).
8. Solov'eva A.M. *Zheleznodorozhnyy transport Rossii vo vtoroy polovine XIX veka* [Rail Transport in Russia in the Second Half of the 19th Century]. Moscow, 1975. 315 p.
9. Verkhovskoy V.M. *Istoricheskiy ocherk razvitiya zheleznikh dorog v Rossii s ikh osnovaniya po 1897 g. vkluyuchitel'no* [Historical Outline of the Development of Railways in Russia from Their Foundation to 1897 Inclusive]. St. Petersburg, 1898. Pt. 1. 176 p.
10. Kelly K. *The Inevitable: Understanding the 12 Technological Forces That Will Shape Our Future*. New York, 2016. 328 p. (Russ. ed.: Kelli K. *Neizbezhno: 12 tekhnologicheskikh trendov, kotorye opredelyayut nashe budushchee*. Moscow, 2017. 343 p.).
11. Kanataev D.V. *Dinamika otchuzhdeniya v sovremennoy Rossii: sotsial'no-filosofskiy analiz* [Dynamics of Alienation in Modern Russia: A Socio-Philosophical Analysis: Diss.]. St. Petersburg, 2014. 182 p.
12. Kanataev D.V. Marksistskiy vzglyad na problemu otchuzhdeniya cheloveka [A Marxist View on the Problem of Human Alienation]. *Filosofskie i metodologicheskie problemy nauchno-tekhnicheskogo tvorchestva* [Philosophical and Methodological Problems of Scientific and Technical Creativity]. St. Petersburg, 2019, pp. 112–115.
13. Hobbes T. *Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common Wealth Ecclesiasticall and Civil]. Hobbes T. *Sochineniya* [Works]. Moscow, 1991. Vol. 2, pp. 3–545.
14. Rousseau J.-J. *Traktaty* [Treatises]. Moscow, 1969. 703 p.
15. Hegel G.W.F. *Raboty raznykh let* [Works of Different Years]. Moscow, 1973. Vol. 2. 668 p.

16. Marx K., Engels F. *Manifest kommunisticheskoy partii* [Manifesto of the Communist Party]. Moscow, 1950. 72 p.
17. Marx K. *Pervonachal'nyy variant "Kapitala"* (*Ekonomicheskie rukopisi K. Marksa 1857–1859 godov*) [The Original Version of *Capital* (Economic Manuscripts of 1857–1859)]. Moscow, 1987. 464 p.
18. Marx K. *Ekonomicheskoye-filosofskie rukopisi 1844 goda* [Economic and Philosophic Manuscripts of 1844]. Moscow, 2010. 775 p.
19. Sombart W. *Burzhuaz: k istorii dukhovnogo razvitiya sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka* [The Quintessence of Capitalism: A Study of the History and Psychology of the Modern Business Man]. Sombart W. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. St. Petersburg 2005. Vol. 1. 636 p.
20. Mumford L. *The Myth of the Machine: Technics and Human Development*. New York, 1967. 342 p. (Russ. ed.: Mamford L. *Mif mashiny: Tekhnika i razvitie chelovechestva*. Moscow, 2001. 404 p.).
21. Markuse H. *Odnomernyy chelovek. Issledovanie ideologii razvitiya industrial'nogo obshchestva* [One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society]. Moscow, 1994. 369 p.
22. Fromm E. *Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya* [Escape from Freedom. Man For Himself]. Moscow, 2006. 571 p.
23. Chomsky N. *Hegemony or Survival: America's Quest for Global Dominance*. New York, 2003. 278 p. (Russ. ed.: Khomskiy N. *Gegemoniya ili bor'ba za vyzhivanie: stremlenie SShA k mirovomu gospodstvu*. Moscow, 2007. 463 p.).
24. Darenskaya V.N. Alienation as a Phenomenon of Destruction of Socio-Cultural Tradition. *Humanit. Vector*, 2023, vol. 18, no. 2, pp. 8–17 (in Russ.).
25. Isachenko N.N. Otchuzhdenie kak sotsial'nyy fenomen sovremennogo obshchestva [Alienation as a Social Phenomenon of Modern Society]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 5, pp. 66–70.
26. Sharapov N.A. Psikhologicheskie osobennosti professional'nykh i kar'ernykh orientatsiy v deyatelnosti informatsionnogo kharaktera [Psychological Features of Professional and Career Orientations in Informational Activities]. *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh*, 2023, no. 1, pp. 243–252.
27. Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. London, 2019. 691 p.
28. Pron'kina A.N. Transformatsiya pamyati v usloviyakh informatsionnogo perenasyshcheniya [Memory Transformation in an Information Oversaturation Environment]. *Filosofiya nauki i tekhniki*, 2020, vol. 25, no. 1, pp. 110–124.

Информация об авторах

Д.В. Канатаев – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова (адрес: 190005, Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 1).

С.С. Курочкин – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова (адрес: 190005, Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 1).

А.В. Лантева – аспирант кафедры философии Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова (адрес: 190005, Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 1).

Information about the authors

Dmitrii V. Kanataev, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Head of the Philosophy Department, Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov (address: ul. 1-ya Krasnoarmeyskaya 1, St. Petersburg, 190005, Russia).

Sergey S. Kurochkin, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. at the Philosophy Department, Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov (address: ul. 1-ya Krasnoarmeyskaya 1, St. Petersburg, 190005, Russia).

Aleksandra V. Lapteva, Postgraduate Student, Philosophy Department, Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov (address: ul. 1-ya Krasnoarmeyskaya 1, St. Petersburg, 190005, Russia).

Поступила в редакцию 12.04.2025
 Одобрена после рецензирования 17.06.2025
 Принята к публикации 18.06.2025

Submitted 12 April 2025
 Approved after reviewing 17 June 2025
 Accepted for publication 18 June 2025

Зашихина И.М.

ChatGPT и метафизика искусственного интеллекта: идеи Юка Хуэя о технологиях будущего

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 5. С. 118–128.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 118–128.

Научная статья
УДК 130.2:004
DOI: 10.37482/2687-1505-V465

ChatGPT и метафизика искусственного интеллекта: идеи Юка Хуэя о технологиях будущего

Инга Михайловна Зашихина

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
e-mail: zashikhinaim@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8217-2302>

Аннотация. Статья представляет собой аналитический обзор философского наследия Юка Хуэя, выдающегося мыслителя современности, придерживающегося критического взгляда на роль техники в постгуманистическом обществе. Автор исследует корпус текстов Хуэя и выявляет ключевые темы и концепции, раскрывающие уникальный вклад ученого в философию техники. Уделяется внимание предложенной Хуэем концепции космотехники, направленной на признание важности культурного многообразия в формировании будущего, и его критике имперской логики технологий, стремящейся к унификации и гомогенизации мира. Показаны основания, которые в перспективе, по Хуэю, могут привести к технологической гомогенизации и утрате культурного разнообразия в современном универсалистском технологическом проекте Запада. Рассматривается вклад гонконгского философа в цифровую гуманитаристику, включая его критические суждения об искусственном интеллекте и ChatGPT, и раскрывается его взгляд на то, как искусство и человеческое воображение способны рефлексировать над технологическими изменениями, предлагая альтернативные технологические горизонты. Актуальность работы обусловлена анализом оригинальных идей Юка Хуэя и тем, что, хотя гонконгский философ и признан в мире, в России он не имеет большой известности. Целью настоящей статьи является введение российского читателя в мир идей Юка Хуэя, поскольку данные идеи направлены на разрешение значимых технологических трансформаций и вызовов, стоящих в т. ч. перед нашим государством. Результаты анализа демонстрируют вклад Хуэя в современную интеллектуальную дискуссию и обозначают перспективные направления для дальнейших исследований в области философии техники и социальных наук.

Ключевые слова: Юк Хуэй, философия техники, технологическая гомогенизация, искусственный интеллект, ChatGPT, цифровая гуманитаристика

Для цитирования: Зашихина, И. М. ChatGPT и метафизика искусственного интеллекта: идеи Юка Хуэя о технологиях будущего / И. М. Зашихина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 5. – С. 118-128. – DOI 10.37482/2687-1505-V465.

© Зашихина И.М., 2025

Original article

ChatGPT and the Metaphysics of Artificial Intelligence: Yuk Hui's Ideas About the Future of Technology

Inga M. Zashikhina

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,
e-mail: zashikhinaim@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8217-2302>

Abstract. This article provides an analytical overview of the philosophical legacy of Yuk Hui, a prominent contemporary thinker whose ideas offer a critical perspective on the role of technology in a posthumanist society. By examining Hui's body of work, the author identifies key themes and concepts that constitute his unique contribution to the philosophy of technology. Particular attention is paid to Hui's concept of cosmotechnics, aimed at recognizing the importance of cultural diversity in shaping the future, and his critique of the imperial logic of technology, which seeks to unify and homogenize the world. Further, the article identifies the rationale behind Hui's view on the prospects of technological homogenization and the loss of cultural diversity in the contemporary Western universalist technological project. Hui's contribution to digital humanities, including his critical perspective on artificial intelligence and ChatGPT, is pointed out. The study analyses how, according to Hui, art and human imagination are capable of comprehending and reinterpreting technological changes, thereby offering alternative technological horizons. This paper is relevant due to the fact that although Hui is recognized globally, he currently lacks significant visibility in Russia. The aim of this article is to introduce the Russian audience to Hui's ideas, since they may prove particularly important in the context of technological transformations and challenges facing this country. The results of the analysis demonstrate Hui's contribution to contemporary intellectual discourse and outline promising areas of further research in the fields of the philosophy of technology and social sciences.

Keywords: *Yuk Hui, philosophy of technology, technological homogenization, artificial intelligence, ChatGPT, digital humanities*

For citation: Zashikhina I.M. ChatGPT and the Metaphysics of Artificial Intelligence: Yuk Hui's Ideas About the Future of Technology. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 118–128. DOI: 10.37482/2687-1505-V465

Введение. Гонконгский философ Юк Хуэй (Yuk Hui) по праву считается восходящей интеллектуальной звездой [1] и привлекает все большее внимание в академических кругах: от философии и теории медиа до архитектуры и политической теории. Его работы, посвященные философии техники, космотехнике, технологическому суверенитету, а также отношениям между технологиями, культурой и политикой, особенно в контексте незападных обществ, предлагают критически осмыслить место технологий в современном мире. Когда искусствен-

ный интеллект, глобальные сети и цифровые платформы коренным образом преобразуют нашу реальность, труды Хуэя бросают вызов устоявшимся представлениям о прогрессе, универсальности и будущем человечества. В России данный исследователь пока не имеет большой известности и редко цитируется [1–4]. Целью настоящей статьи является введение российского читателя в мир идей Юка Хуэя, чьи концепции могут оказаться особенно релевантными в контексте современных технологических трансформаций и вызовов, стоящих перед Россией.

Для достижения этой цели мы предпринимаем попытку систематизировать основные вопросы, изложенные в книгах, статьях и интервью Ю. Хуэя. В рамках анализа его концепции помещены в более широкий контекст глобализации и технологического развития. Мы продемонстрируем, как его работы критикуют гегемонию западных технологий и призывают к учету культурного разнообразия в формировании будущего технологий. В частности, рассмотрим такие темы, как проблема взаимосвязи технологий и культурного разнообразия, осмысление космотехники как способа понимания организации технических систем на глобальном уровне, технологического суверенитета в эпоху глобализации, а также критический взгляд на западную парадигму развития техники. Анализ, представленный через призму исследований Ю. Хуэя, позволит оценить вклад философа в современную интеллектуальную дискуссию и наметить перспективные направления для дальнейших исследований в области философии техники и социальных наук.

Следует отметить, что данная статья не является исчерпывающим анализом философских трудов Ю. Хуэя. Список работ философа внушает уважение. Еще большего уважения заслуживают глубина мысли и эрудиция философа, которые становятся очевидными при чтении его исследований. На страницах своих книг Хуэй ведет диалог с такими монументальными фигурами философской мысли, как Платон, Аристотель, Декарт, Юм, Кант, Гегель, Фреге, Гуссерль, Хайдеггер, Кассирер, Симондон, Бергсон, Стиглер, Гваттари, Фуко, Лиотар, Деррида, Делез и др. Проблема определения современного статуса техники в мире тянет за собой ниточки философских проблем и способов их решения. Кроме того, будучи китайцем по национальности, Ю. Хуэй не может не наследовать свойственную китайской философии способность сравнивать, помещать в контекст и приводить примеры, обращаясь к разным временным эпохам и апеллируя к ранним своим исследованиям. Безусловно, чтение

книг Хуэя представляет собой и сложную работу, и интеллектуальное наслаждение.

Изучая творчество Хуэя, мы понимаем, что невозможно разложить вопросы, которые рассматривает философ, по опубликованным книгам. К концептам своего анализа Хуэй возвращается буквально в каждой из работ. Так, вопросы космотехники, техноразнообразия, связи мышления и живописи, случайности и рекурсивности поднимаются философом во всех произведениях, упомянутых в данной статье. Для иллюстрации рассматриваемых проблем философ использует огромное количество примеров из работ как европейских, так и китайских, японских, русских исследователей и литераторов. На страницах его книг можно найти фотографии произведений известных импрессионистов, графиков, пейзажистов со всего мира. Такие интеллектуальные возвращения и экспрессивные примеры из области искусства позволяют глубже понять логику мысли Хуэя и сформировать связи между рассматриваемыми им концептами и общим социально-гуманитарным и философско-техническим дискурсами.

Несмотря на сложность замысла, обусловленную вышеописанными характеристиками трудов Хуэя, мы предпринимаем попытку четко сформулировать вопросы исследований гонконгского философа и его позицию по отношению к обозначенным проблемам в общем виде. Представляется, что такая форма обсуждения идей Ю. Хуэя позволит читателю получить информацию, необходимую для первоначальной рецепции этого выдающегося философа. Подобная работа бывает необходимой для знакомства с такими грандиозными философами, как Кант, Гегель, Ницше, Витгенштейн, Фуко, — с теми, чьи труды настолько сложны, многоярусны, изощренны и временами парадоксальны, что чтение отдельного произведения может удерживать от более глубокого знакомства с их философским наследием. Вероятно, спустя время исследования Хуэя будут стоять в одном ряду с книгами перечисленных мыслителей по причине их оригинальности, актуаль-

ности, ответственной аргументации и красоты контекста, в который он помещает свои умозаключения.

Реабилитация понятия «техника» и концепция космотехники. Ю. Хуэй обращается к философии Мартина Хайдеггера, чтобы понять связь между технологией и бытием [5]. И Хайдеггер, и Хуэй рассматривают технику не только как набор инструментов или устройств, но и как фундаментальный способ организации мира. Хуэй, подобно Хайдеггеру, использует феноменологический метод для исследования технологии. Он стремится понять, как технологии проявляются в нашем опыте, как они формируют наше отношение к миру. В отличие от Хайдеггера, который склонен к абстрактным рассуждениям о бытии, Хуэй предлагает более конкретный, контекстуальный и социально-ориентированный подход к философии техники. Хуэй критикует хайдеггеровский взгляд на технологию исключительно как угрозу. Он интерпретирует хайдеггеровское понятие *Gestell* («рамка», «опора», «постав») как систему, которая контролирует наш опыт и служит лишь для удовлетворения человеческих потребностей. *Gestell* означает, что любое сущее может быть ресурсом, ожидающим введения в эксплуатацию. В своей работе «Вопрос о технике в Китае» Хуэй поясняет, что «концепция Хайдеггера *Gestell* помогает нам понять, как технология обволакивает мир, превращая его в ресурс для человеческого использования» [6, с. 7]. Хайдеггер рассматривает технику как способ раскрытия сущего (*alétheia*), способ, которым сущее становится доступным [7, с. 99]. Однако, по мнению Хуэя, этот подход игнорирует конкретные исторические и культурные контексты развития техники, ведь в других культурах техника может развиваться в соответствии с иными принципами и целями. Например, в китайской культуре техника может рассматриваться как часть единого целого, с которым человек должен находиться в гармонии. Именно так в Китае относятся к природе, искусству, музыке. По Хуэю, вопрос о технике в Китае не решается

с позиции утилитарности. Философ изучает эту проблему в связке с понятиями справедливости и устойчивого развития и предлагает искать альтернативные западной метафизике пути взаимодействия с техникой.

Развивая вопрос о современном статусе техники в целом ряде своих работ, Хуэй утверждает, что цифровые объекты, такие как файлы, данные и программное обеспечение, не могут быть сведены к физическим объектам или абстрактным идеям [6]. Они обладают собственной онтологией, которая обуславливается их алгоритмической природой и способом существования в цифровом пространстве, и эта онтология влияет на нашу способность понимать мир и взаимодействовать с ним. Хуэй считает, что техника всегда формируется в контексте определенной культуры и ее представлений о космосе и месте человека в нем. Идея *техноразнообразия* (*technodiversity*) была предложена Хуэем вместо глобальной технологической унификации [6]. Глобальный западный проект техники базируется на аналитическом восприятии. Однако он не учитывает, что в основе миропорядка лежат невидимые связи и контекст, которые нельзя постичь рационально, но которые постижимы в культурной и эпистемологической традиции Китая.

Развивая идею техноразнообразия, философ исследует взаимоотношения между китайской философией и технологией и прослеживает связь между традиционными китайскими понятиями (*дао*, *шань-шуй*, *ци*, *ву-вей* и др.) и современными технологическими разработками. Подробно Хуэй останавливается на интерпретации даосского понятия *сюань* как нелинейной рекурсивной логики. «*Сюань*» («таинственный», «глубокий», «непостижимый») – термин, «используемый для описания формы мышления, которая пребывает где-то между метафизикой в западном смысле и суеверием» [6, с. 135]. Такое мышление, по словам философа, очень характерно для Китая. Перманентно осмысливая загадочные для исследователей понятия *конечность* и *бесконечность*, философ рассматривает их не в рамках ли-

нейной дихотомии по западному сценарию, но помещает между этими понятиями «сюань» – непрерывность движения жизни. По Хуэю, рекурсивная логика «сюань» способна разрешить загадку истока, которая неразрешима с помощью линейной – инструментальной и редукционистской – логики [6, с. 305]. Для объяснения Хуэй приводит следующую антиномию: «Тезис: в письме имеется ограниченное количество символов, с помощью которых можно полностью выразить мир. Антитезис: мир не может быть полностью выражен в письме, так как само письмо конечно, а мир бесконечен» [6, с. 304]. Чтобы устранить противоречие, необходимо исчерпать конечность языка, сделать так, чтобы язык включал в себя значения, которые не представлены непосредственно в его составляющих. В этом, согласно Хуэю, состоит смысл «исчерпания до неисчерпаемости» [6, с. 304]. Так работает рекурсивная логика. Поскольку нелинейная логика «сюань» свойственна китайскому образу мысли, она не может не работать в отношении всех артефактов китайской культуры, в т. ч. техники.

В работе «Вопрос о технике в Китае» Ю. Хуэй акцентирует внимание на вопросе, поставленном синологом Джозефом Нидэмом: почему современная наука и техника, несмотря на передовые технологии Древнего Китая, не возникли именно там? [6, с. 239]. Нидэм пишет, что при осмыслении вопроса развития техники стоит учитывать, что в Древнем Китае отсутствовала развитая геометрическая традиция в отличие от Древней Греции, где была развита аксиоматическая геометрия [8]. Китайская культура преуспела в алгебре и практических инженерных решениях, но отсутствие абстрактного, дедуктивного геометрического мышления ограничивало развитие теоретической базы для глубоких научных исследований. Нидэм рассматривает сложную систему публичного найма государственных чиновников, которая преобладала в китайском обществе. Успех в жизни ассоциировался не с техническими инновациями или предпринимательством, а с вхождением в бюрократическую

систему. Такое положение создавало мощный социальный стимул для изучения гуманитарных наук и конфуцианских принципов, необходимых для сдачи экзаменов и продвижения по службе, в ущерб развитию технических навыков и научным исследованиям.

Далее, как указывает Нидэм, важно то, что западная наука, основанная на механистическом мировоззрении, рассматривает мир как сложную машину, организм, состоящий из взаимозависимых элементов. В китайской же философии доминировал органический и холистический взгляд на мир. Подход к природе был скорее созерцательным и моральным, чем аналитическим и экспериментальным. Перечисленные выше экономические и социальные факторы повлияли на развитие технического вопроса в Китае настолько, что определили траекторию и характер этого развития, во многом отличные от западного пути. Хуэй высоко оценивает труд Нидэма и рассматривает его размышления как отправную точку для понимания глубоких культурных, социальных и философских факторов, которые формировали путь развития китайской цивилизации [6, с. 242].

Ключевым концептом, разработанным Хуэем, называют концепт *космотехники*, впервые представленный в 2016 году в книге «On the Existence of Digital Objects» [9, с. 433], а в русском переводе – в книге «Вопрос о технике в Китае» 2023 года [6]. Термин «космотехника» включает разнообразие технологий в различных географических регионах проживания человека, а также разные формы мышления и сложный набор отношений между человеком и окружающей средой [6, с. 17]. «Космотехника означает прежде всего слияние нравственного и космического порядка в технической деятельности; такое слияние выступает воссоединением фигуры и фона, но это не возвращение к метафизике единого и целого», – пишет Хуэй [9, с. 49]. Данный философский концепт подразумевает, что технология вплетена в систему общественных верований и ценностных мировоззрений, а потому не может существовать

отдельно от культуры. Вопрос о технике в западной культуре, как демонстрирует Хуэй в своих работах, всегда решался иначе, чем в китайской. С помощью анализа космотехники *ци – дао* философ доказывает, что в Китае апроприация современной западной философии техники невозможна. Так, своим концептом космотехники он бросает вызов западному технологическому детерминизму и открывает путь к пониманию разнообразия технологических традиций.

Рассматривая вопрос космотехники, Хуэй также критикует концепцию *антропоцена* – эпохи, когда человечество стало главной силой, разрушающей природные ресурсы и ведущей к экологической катастрофе [10]. Эта сила сосредоточена на западном человеке и игнорирует другие формы сосуществования с природой. Хуэй выступает против антропоцена из-за его тенденции к универсализации понятия «человек», подразумевающей, что все человечество в равной степени несет ответственность за экологический кризис. Философ утверждает, что подобное отношение игнорирует исторические и географические различия в производстве и потреблении, а также неравномерное распределение экологических последствий. Он не отрицает масштабов влияния человечества на планету, но ставит под сомнение универсальность и однородность человека, стоящего за этим влиянием. Влияние на планету, поясняет Хуэй, непропорционально исходит от определенных регионов и социальных групп, в частности от индустриально развитых стран и их бывших колоний.

Критика универсалистского технологического проекта. Хуэй опирается на традиционную китайскую философию, особенно на идеи даосизма и конфуцианства, чтобы предложить альтернативные рамки для понимания технологий и их связи с природой и обществом. Он стремится интегрировать незападные философские традиции в современные дискуссии о технологиях и будущем человечества. Философ рассматривает технику в Китае не как нечто принципиально отличное от природы, а как продолжение *дао* – универсально-

го принципа, лежащего в основе всего сущего [6]. Традиционное китайское искусство, такое как каллиграфия или живопись, часто понимается как техническое мастерство, но при этом в мировоззрении китайца оно не отделено от философского и духовного стремления к постижению *дао*. Мастерство в названных искусствах предполагает не просто владение техническими приемами, но и глубокое осмысление природы и места человека в мире. Кроме этого, Хуэй подчеркивает важность концепции *ци* («жизненной энергии») для понимания китайского отношения к технике [6, с. 139]. Техника должна способствовать циркуляции *ци*, а не нарушать ее. В контексте китайской традиционной медицины, где акупунктура и другие методы направлены на восстановление гармоничного потока *ци* в теле, особенно важно глубокое понимание природы человека и китайской философии. Также Хуэй исследует понятие *ву-вей* («недеяние») как способ подхода к технике. *Ву-вей* не предполагает пассивность, а скорее деятельность в соответствии с естественным ходом вещей. В техническом контексте это может означать разработку технологий, которые гармонируют с природой и человеческими потребностями, а не навязывают им неестественные изменения. По Хуэю, вопрос о технике в Китае – это вопрос о том, как построить будущее, которое не будет просто копией Запада, но будет соответствовать китайской истории и культуре.

В работе «Machine and Sovereignty: For a Planetary Thinking» Ю. Хуэй исследует сложные взаимоотношения между технологиями, машинами, суверенитетом и геополитикой в контексте планетарного мышления [11]. Здесь философ демонстрирует политическое в техническом и техническое в политическом. Технология, утверждает Хуэй, стала «главным полем битвы, где различные национальные государства вступают в конфликт» [11, с. 2]. Философ связывает суверенитет с эпистемологической традицией и подчеркивает, что европейская концепция технологии глубоко укоренена в философских традициях, начиная с греческой философии и далее в эпохе Просвещения.

Европейская мысль воспринимала технологию как инструмент для рационализации мира, подчинения природы и достижения прогресса. Эта концепция была тесно связана с идеей *ratio* – разума, который способен понять и контролировать окружающую среду. Позднее европейская универсалистская претензия была подкреплена колониальной экспансией. Европейские державы использовали технологии (оружие, транспорт, инфраструктуру) для завоевания и эксплуатации других территорий, одновременно навязывая свою культурную и технологическую модель всему миру. Хуэй пишет: «Европа больше не является исключительным местом производства универсальных истин. Постколониальная критика и технологическая сингулярность лишают Европу представления о себе как о центре разума и прогресса» [11, с. 229–247]. Планетарное мышление как способ осмысления глобальных вызовов и возможностей должно прийти на смену европейской политической эпистеме. В свою очередь, планетарное мышление, по Хуэй, предполагает признание взаимосвязанности всего человечества и необходимости совместного решения проблем, выходящих за рамки национальных границ [11, с. 9–18].

Вклад в цифровую гуманитаристику и критику искусственного интеллекта. Хуэй активно исследует вопросы, связанные с искусственным интеллектом, большими данными и цифровой культурой. Он предлагает критический взгляд на алгоритмическую логику, в т. ч. логику нейросетей, рассматривая ее как потенциальную угрозу для человеческой автономии и культурного разнообразия. Исследователь подчеркивает важность понимания философских и этических последствий развития искусственного интеллекта. В своей работе «ChatGPT, or the Eschatology of Machines» Ю. Хуэй характеризует ChatGPT не просто как технологический инструмент, а как симптом более глубокой проблемы, связанной с пониманием и развитием технологий в целом [12]. Хуэй предостерегает от слепого стремления к универсальному искусственному интеллекту, утверждая, что это может привести к техно-

логической гомогенизации и потере культурной самобытности. Идея универсального интеллекта является частью эсхатологического нарратива, в котором технологии понимаются как средство достижения некоего конца истории или утопического будущего. В контексте эсхатологии машин Хуэй анализирует ChatGPT как опасный инструмент, придуманный западными программистами исходя из западной ценностной перспективы. ChatGPT редуцирует сложность и многообразие мира к набору данных, лишая знания глубины и контекста.

Хуэй пишет, что стремление к универсальному интеллекту игнорирует тот факт, что интеллект всегда воплощен, контекстуально обусловлен и связан с конкретными культурными и историческими условиями [12]. ChatGPT, обученный на огромном количестве данных, стремится к универсальности, но при этом неизбежно воспроизводит предвзятости и ограничения тех данных, на которых обучен. Поскольку ChatGPT базируется преимущественно на западных данных, он может навязывать определенные культурные нормы и ценности, игнорируя или маргинализируя другие культурные традиции. Попытка диктовать универсальную истину может привести к интеллектуальному и культурному империализму. Нейросети представляют собой не столько интеллект, сколько эхо коллективного опыта человечества, часто искаженного и упрощенного. Одновременно, считает философ, необходима разработка технологий, которые учитывают и поддерживают культурное разнообразие, локальные знания и специфические потребности различных сообществ, включая разработку алгоритмов, обученных на локальных данных и отражающих местные ценности, или создание инструментов, которые позволяют сохранять и передавать традиционные знания [12, с. 7].

Хуэй утверждает, что современные технологии – не просто инструмент, они имеют глубокие метафизические последствия. Важной в данном контексте является китайская письменность. Философ рассматривает письменность не только как средство коммуникации, но и

как технологию, которая структурирует мышление, определяет логику и влияет на формирование идентичности [13]. Хуэй отмечает, что письменность задает рамки для организации информации и логического мышления. Различные системы письма, будь то алфавитное письмо, иероглифика или клинопись, по-разному влияют на то, как мы воспринимаем время, пространство, причинно-следственные связи. Например, линейное письмо, свойственное алфавитным системам, может способствовать более последовательному и аналитическому мышлению. Философ подчеркивает, что язык, мышление и культура неразрывно связаны. Письменность служит своего рода посредником, который усиливает и распространяет культурные ценности, мировоззрение и способы познания. Китайская иероглифика с ее сложной структурой и культурным значением выступает ярким примером этой взаимосвязи [14].

Китайский язык значительно отличается от европейских языков. Он является тональным, не имеет грамматического рода, обладает сложной системой иероглифов, в нем используется другая структура предложений. Китайский язык характеризуется высокой степенью контекстуальности и неоднозначности. Одно и то же слово или фраза может иметь разные значения. Так, иероглиф 意 (yì) может обладать несколькими значениями («идея», «мысль», «значение», «желание» и т. д.) – в зависимости от окружающих его иероглифов и общего контекста абзаца или предложения. Обработка иероглифов для их использования, например, в процессе обучения нейросетей требует специальных методов, учитывающих структуру и взаимосвязь между компонентами иероглифов. Хуэй предполагает, что особенности китайской письменности могут привести к созданию нейросетей, которые будут обладать иной логикой, чем обученные на алфавитных языках. Например, акцент на визуальной и ассоциативной памяти, присущий китайской иероглифике, может влиять на то, как нейросети обрабатывают информацию и делают выводы. Гонконгский философ подчеркивает, что, обучая нейросети на определенных языках,

мы формируем определенный тип интеллекта, который будет отражать особенности этого языка и лежащей в его основе культуры [14].

Искусство, время, воображение и случайность в мире технологий. В работе «Искусство и космотехника» Ю. Хуэй исследует взаимосвязь между искусством, технологией и космосом [7]. Он анализирует эвристический потенциал искусства, заключающийся в расширении и обогащении сенсорного опыта, и утверждает, что искусство может служить способом осмысления и переосмысления технологических изменений, а также создания альтернативных технологических горизонтов. Так, по Хуэю, живопись обладает уникальной способностью к визуализации абстрактных понятий и незримых аспектов реальности. Ключевой темой данной работы является «дух живописи *шань-шуй*» [7, с. 108]. Хуэй анализирует символизм китайского эстетического мышления на примере пейзажной живописи *шань-шуй* («горы и воды»): «Живопись шань-шуй служит местом встречи человеческого и космического» [7, с. 336]. Философ утверждает, что *шань-шуй* не является лишь эстетическим изображением пейзажа – это еще и манифестация космотехнической перспективы, определяющей китайское мировоззрение и, как следствие, влияющей на управление государством, культурой и ментальностью. Иными словами, это не только репрезентация природы, но и художественная и философская интерпретация соотносительности человека и природы в китайской культуре [7, с. 490]. Художник, рисуя горы и реки, не просто копирует увиденное, а стремится уловить *ци* – жизненную энергию, пронизывающую все сущее. Таким образом, живопись становится способом гармонизации с космосом. *Шань-шуй* можно рассматривать как некий инструмент, технологию, направленную на понимание мира и навигацию по нему.

Хуэй предлагает признать роль интуиции, контингентности и случайности как необходимых условий для творчества, инноваций и альтернативных путей развития, отказываясь от детерминистских взглядов [15, с. 30]. Имен-

но непредвиденные события, неожиданные встречи, ошибки и эксперименты открывают новые пути и возможности. Хуэй подчеркивает важность воображения, способного выйти за рамки существующих технологических ограничений и предложить новые возможности: «Мыслить – значит предлагать новое прочтение, обладающее преобразующей силой» [7, с. 112]. Воображение, интуиция, по его мнению, возникают из столкновения с неизвестным, с тем, что не может быть полностью предсказано или контролируемо. Философ считает, что мышление и интуиция взаимозависимы как фигура и фон, наука и искусство [7, с. 212]. В свою очередь, интуиция как фон ограничена культурно-эстетическим воспитанием субъекта: «У человека, выросшего в японской культуре и говорящего по-японски, может быть не такая интуиция, как у человека, выросшего в немецкой культуре, поскольку каждая из этих культур совершенствует разные типы чувственности» [7, с. 214]. Так Хуэй связывает воображение с понятием времени и исторического контекста: оно формируется под влиянием культуры, опыта и духа времени, и это тоже вопрос космотехники. Универсальный искусственный интеллект современных технологий, претендующий чуть ли не на человеческое воображение, не учитывает ни локальность, ни темпоральность культурно-эстетического фона, свойственного разным нациям [16].

Заключение. В настоящей статье была предпринята попытка систематического обзора и анализа философского наследия Юка Хуэя, выдающегося мыслителя современности, чьи работы предлагают глубокий и критический взгляд на место техники в постгуманистическом обществе. Изучив работы философа, мы выявили ключевые темы и концепции, которые формируют уникальный вклад Хуэя в область философии техники. Юк Хуэй предлагает альтернативный подход к традиционной философии техники, часто фокусирующейся на антропоцентричном взгляде и техническом прогрессе как самоцели. Исследованные работы охватывают широкий спектр тем, от истории математики и науки до роли алгоритмов

и искусственного интеллекта в формировании современных обществ, предвосхищая многие актуальные вопросы, связанные с этикой технологий, цифровым суверенитетом и будущим человечества. Гонконгский философ критически осмысляет связь между технологией, онтологией и космологией, рассматривая технику не просто как инструмент, но как активного агента, формирующего наше мировоззрение, культуру и саму реальность. Основным тезисом Хуэя является критика имперской логики технологий, которая стремится к унификации и гомогенизации мира посредством стандартизации и цифровизации. Ученый исследует, как техника, особенно цифровая, переопределяет пространство, время и наше восприятие мира, приводя к потере локальности, разнообразия и культурной специфики.

Анализ идей Хуэя показал прогрессивность его взглядов в переосмыслении техники. С одной стороны, он разделяет не-новую озабоченность по поводу онтологического статуса техники, с другой – выходит за пределы традиционных рамок, предлагая более широкий взгляд, учитывающий культурное многообразие и вызовы, связанные с глобальным технологическим развитием. В работе показано, по каким основаниям Хуэй критикует идею универсальной траектории развития технологий, заданную западной рациональностью. Он считает, что универсалистская идея игнорирует культурное, историческое и географическое разнообразие. В статье реконструированы выполненная Хуэем реабилитация понятия техники и предложенная концепция космотехники. Стремление ученого к признанию культурного многообразия в формировании будущего ставит под сомнение гегемонию западных технологических парадигм.

Анализ вклада Хуэя в цифровую гуманитаристику и его критического подхода к искусственному интеллекту, учитывающего концепции времени, воображения и случайности, позволяет оценить проницательность философа в отношении современных технологических вызовов. Примеры, взятые из работ

Юка Хуэя, показывают: технологии не просто нейтральный инструмент – они глубоко переплетены с культурными, историческими и политическими контекстами. Рассматривая ChatGPT как индикатор более масштабной проблемы, Хуэй предостерегает от потенциальных угроз, которые несет в себе погоня за универсальным искусственным интеллектом (технологическая гомогенизация, утрата культурного разнообразия и автоматизация мышления). Хуэй призывает к необходимости учитывать метафизические последствия искусственного интеллекта. Он подчеркивает роль письменности как технологии, формирующей мышление и идентичность, описывая китайскую иероглифику как пример глубокой взаимосвязи между языком, культурой и способами познания. Таким образом, работы Юка Хуэя являются важным напоминанием о необходимости осознанного и ответственного подхода к развитию технологий, который учитывает не только технические аспекты, но и их глубокое влияние на человеческое существование.

В целом идеи Юка Хуэя представляют собой ценный вклад в актуальную интеллектуальную дискуссию, предлагая нестандартные подходы и перспективные направления для дальнейших исследований в области философии техники и других гуманитарных дисциплин. Юк Хуэй оказал значительное влияние на различные области социогуманитарной науки, включая философию, теорию медиа, культурологию, научные и технологические исследования, а также архитектуру и дизайн. Рассмотренные нами темы, от технологического суверенитета и космотехники до критики искусственного интеллекта и изучения взаимодействия технологий с культурой, не только обогащают наше понимание технологического ландшафта, но и вдохновляют на размышления о будущем, в котором техника будет служить развитию человечества в его многообразии. Дальнейшие исследования, основанные на наследии Юка Хуэя, безусловно, будут способствовать более глубокому осмыслению сложных взаимоотношений между технологиями, культурой и обществом в XXI веке.

Список литературы

1. Розин В.М. Проект Юка Хуэя преобразования техники посредством искусства и гибридного мышления // *Философия и культура*. 2024. № 6. С. 140–152. <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2024.6.71031>
2. Ивахненко Е.Н. Навстречу «новой эпистемологии»: рекурсивность и контингентность Юка Хуэя // *Эпистемология и философия науки*. 2022. Т. 59, № 3. С. 220–233. <https://doi.org/10.5840/eps202259351>
3. Ставцева О.И. Человек в эпоху антропоцена: постантропоцентрический горизонт // *Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки*. 2024. Т. 24, № 5. С. 119–127. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V380>
4. Сосна Н.Н. «Нескончаемый гуманизм», «природный» космополитизм // *Филос. журн.* 2023. № 16(3). С. 118–131. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2023-16-3-118-131>
5. Yuk Hui. Heidegger and the Question Concerning Technology in Asia // *Heidegger in China and Japan* / ed. by Sai Hang Kwok, Qingjie James Wang. Königshausen & Neumann, 2022. P. 195–203.
6. Юк Хуэй. Вопрос о технике в Китае. Эссе о космотехнике / пер. Д. Шалагинова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. 320 с.
7. Юк Хуэй. Искусство и космотехника. М.: АСТ, 2024. 515 с.
8. Needham J. *Science and Civilisation in China*. Vol. 1. *Introductory Orientations*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1954. 318 p.
9. Yuk Hui. *On the Existence of Digital Objects*. Minneapolis: Univ. Minnesota Press, 2016. 336 p. <https://doi.org/10.5749/minnesota/9780816698905.001.0001>
10. Yuk Hui. *Cosmotechnics as Cosmopolitics* // *E-Flux J.* 2017. № 86. URL: <https://www.e-flux.com/journal/86/161887/cosmotechnics-as-cosmopolitics/> (дата обращения: 25.06.2025).
11. Yuk Hui. *Machine and Sovereignty: For a Planetary Thinking*. Minneapolis: Univ. Minnesota Press, 2024. 352 p. <https://doi.org/10.5749/9781452973685>
12. Yuk Hui. *ChatGPT, or the Eschatology of Machines* // *E-Flux J.* 2023. № 137. URL: <https://www.e-flux.com/journal/137/544816/chatgpt-or-the-eschatology-of-machines/> (дата обращения: 25.06.2025).

13. Yuk Hui. On the Cosmotechanical Nature of Writing. URL: <https://youtu.be/qm7H1EwYSRg?si=z-G5N8DqIm6MWa2Y> (дата обращения: 25.06.2025).
14. Yuk Hui. On a Possible Passing from Digital to Symbolic. URL: <https://youtu.be/Dle5zmspzM?si=PJQkyAOwWx845a6B> (дата обращения: 25.06.2025).
15. Юк Хуэй. Рекурсивность и контингентность / пер. Д. Кралечкина. М.: VAC Press, 2020. 400 с.
16. Yuk Hui. Imagination and the Infinite – a Critique of Artificial Imagination // *Balkan J. Philos.* 2023. Vol. 15, № 1. P. 5–12. <https://doi.org/10.5840/bjp20231512>

References

1. Rozin V.M. Proekt Yuka Khueya preobrazheniya tekhniki posredstvom iskusstva i gibridnogo myshleniya [Yuk Hui's Project to Transform Technology Through Art and Hybrid Thinking]. *Filosofiya i kul'tura*, 2024, no. 6, pp. 140–152. <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2024.6.71031>
2. Ivakhnenko E.N. Navstrechu “novoy epistemologii”: rekursivnost' i kontingentnost' Yuka Khueya [Towards a “New Epistemology”: Yuk Hui's Recursivity and Contingency]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2022, vol. 59, no. 3, pp. 220–233. <https://doi.org/10.5840/eps202259351>
3. Stavtseva O.I. Man in the Anthropocene: A Post-Anthropocentric Horizon. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 5, pp. 119–127. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V380>
4. Sosna N.N. “Neskonchaemyy gumanizm”, “prirodnyy” kosmopolitizm [“Endless Humanism”, “Natural” Cosmopolitanism]. *Filosofskiy zhurnal*, 2023, no. 16, pp. 118–131. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2023-16-3-118-131>
5. Yuk Hui. Heidegger and the Question Concerning Technology in Asia. Sai Hang Kwok, Qingjie James Wang (eds.). *Heidegger in China and Japan*. Königshausen & Neumann, 2022, pp. 195–203.
6. Yuk Hui. *The Question Concerning Technology in China: An Essay in Cosmotechnics*. Falmouth, 2016. 328 p. (Russ. ed.: Yuk Khuey. *Vopros o tekhnike v Kitae. Esse o kosmotehnike*. Moscow, 2023. 320 p.).
7. Yuk Hui. *Art and Cosmotechnics*. Minneapolis, 2021. 341 p. (Russ. ed.: Yuk Khuey. *Iskusstvo i kosmotehnika*. Moscow, 2024. 515 p.).
8. Needham J. *Science and Civilisation in China. Vol. 1. Introductory Orientations*. Cambridge, 1954. 318 p.
9. Yuk Hui. *On the Existence of Digital Objects*. Minneapolis, 2016. 336 p. <https://doi.org/10.5749/minnesota/9780816698905.001.0001>
10. Yuk Hui. Cosmotechnics as Cosmopolitics. *E-Flux J.*, 2017, no. 86. Available at: <https://www.e-flux.com/journal/86/161887/cosmotechnics-as-cosmopolitics/> (accessed: 25 June 2025).
11. Yuk Hui. *Machine and Sovereignty: For a Planetary Thinking*. Minneapolis, 2024. 352 p. <https://doi.org/10.5749/9781452973685>
12. Yuk Hui. ChatGPT, or the Eschatology of Machines. *E-Flux J.*, 2023, no. 137. Available at: <https://www.e-flux.com/journal/137/544816/chatgpt-or-the-eschatology-of-machines/> (accessed: 25 June 2025).
13. Yuk Hui. *On the Cosmotechanical Nature of Writing*. Available at: <https://youtu.be/qm7H1EwYSRg?si=z-G5N8DqIm6MWa2Y> (accessed: 25 June 2025).
14. Yuk Hui. *On a Possible Passing from Digital to Symbolic*. Available at: <https://youtu.be/Dle5zmspzM?si=PJQkyAOwWx845a6B> (accessed: 25 June 2025).
15. Yuk Hui. *Recursivity and Contingency*. London, 2019. 319 p. (Russ. ed.: Yuk Khuey. *Rekursivnost' i kontingentnost'*. Moscow, 2020. 400 p.).
16. Yuk Hui. Imagination and the Infinite – a Critique of Artificial Imagination. *Balkan J. Philos.*, 2023, vol. 15, no. 1, pp. 5–12. <https://doi.org/10.5840/bjp20231512>

Информация об авторе

И.М. Зашихина – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17).

Information about the author

Inga M. Zashikhina, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Philosophy and Sociology Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Поступила в редакцию 26.06.2025
Одобрена после рецензирования 21.08.2025
Принята к публикации 25.08.2025

Submitted 26 June 2025
Approved after reviewing 21 August 2025
Accepted for publication 25 August 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 5. С. 129–133.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 129–133.

Рецензия на книгу
УДК 81'2
DOI: 10.37482/2687-1505-V466

От полипарадигмальной и интегральной лингвистики к суперпарадигме

Рецензия на книгу: *Алефиренко Н.Ф.* Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2023. 416 с.

Юлия Андреевна Шеховская¹

Татьяна Николаевна Федуленкова²✉

^{1,2}Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия

¹e-mail: y.a.shekhovskaya@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3139-2145>

²e-mail: fedulenkova@list.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>

Аннотация. Анализируемый научный труд Н.Ф. Алефиренко, опубликованный как академическое учебное пособие, является весьма актуальным и значимым не только для настоящего времени. Ученый, отвечая насущным требованиям нынешнего тысячелетия об интеграции знания, предпринимает новаторскую попытку объединить многие науки в общую научную суперпарадигму. Действительно, проблемы многих гуманитарных и технических наук переходят друг в друга, формируя единую парадигму для решения комплексных вопросов по отношению к научным дисциплинам.

Ключевые слова: полипарадигмальная лингвистика, интегральная лингвистика, контекст, дискурс, суперпарадигмальный подход, единая научная суперпарадигма

Для цитирования: Шеховская, Ю. А. От полипарадигмальной и интегральной лингвистики к суперпарадигме / Ю. А. Шеховская, Т. Н. Федуленкова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 5. – С. 129-133. – DOI 10.37482/2687-1505-V466.

Book review

From Multiparadigm and Integral Linguistics to a Superparadigm

Review of the book: Alefirenko N.F. *Current Problems of Linguistics*. Moscow, 2023. 416 p. (in Russ.).

© Шеховская Ю.А., Федуленкова Т.Н., 2025

Yuliya A. Shekhovskaya¹

Tatiana N. Fedulenkova²✉

^{1,2}Vladimir State University, Vladimir, Russia

¹e-mail: y.a.shekhovskaya@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3139-2145>

²e-mail: fedulenkova@list.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>

Abstract. The reviewed work by N.F. Alefirenko, published as an academic textbook, is highly relevant and significant not only for the present time. Responding to the urgent demands of the current millennium concerning knowledge integration, he makes an innovative attempt to integrate numerous sciences into a unified scientific superparadigm. Undeniably, the problems of many humanities disciplines and technical sciences merge into each other, forming a single paradigm for solving complex issues pertaining to academic disciplines.

Keywords: *multiparadigm linguistics, integral linguistics, context, discourse, superparadigm approach, unified scientific superparadigm*

For citation: Shekhovskaya Yu.A., Fedulenkova T.N. From Multiparadigm and Integral Linguistics to a Superparadigm. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 129–133. DOI: 10.37482/2687-1505-V466

Рецензируемая работа состоит из 4 объемных частей: первая посвящена теоретическим основам развития современного языкознания, вторая – современным лингвистическим теориям, третья – интерлингвистическим теориям, четвертая – методологическим проблемам современного языкознания.

Как подметила М.Б. Раренко, традиционно считалось, что развитие лингвистической науки идет по принципу обновления и пополнения знаний о языке за счет расширения эмпирической основы исследования, однако к концу XX века обнаружилось, что кумулятивные представления о характере развития лингвистики не отвечают объективному ходу лингвистического познания [1].

Иракский филолог Фаиз Рамадхан Луаиби, изучая аспекты современной лингвистики, делает акцент на таких ее компонентах, как «наблюдение; регистрация и описание фактов речи; выдвижение гипотез для объяснения этих фактов; формулировка гипотез в виде теорий и моделей, описывающих язык; их экспериментальная проверка и опровержение; прогнозирование речевого поведения» [2, с. 2]. Объяснение фактов дифференцируется на внутреннее

(через языковые факты) либо внешнее (через факты физиологические, психологические, логические или социальные).

В рецензируемом научном труде профессор Н.Ф. Алефиренко пошагово раскрывает лингвистические аспекты современных проблем филологической науки. Исследователь аргументированно пытается связать существующие в языке проблемы, наблюдая, как они перетекают друг в друга. В работе анализируются различные определения языка, предложенные другими учеными, проводится сопоставление этих определений с актуальной детерминацией языка. Автор доказывает что несмотря на постоянное изменение языка его сущность остается неразрывно связанной с менталитетом нации, которая его использует (с. 141).

Рассматривая вопросы «многокачественной природы языка», Н.Ф. Алефиренко подчеркивает связь лингвистики и биологии. Ссылаясь на биологические науки, исследователь обращается к структуре нейрона, т. к. именно внутри него зарождаются речевые особенности любого языка. При этом нейролингвистика служит неким связующим звеном между языком и реальностью, в которой живет отдельно взятый

носитель языка. Как нетрудно догадаться, впоследствии это существенно влияет на языковой менталитет отдельно взятого носителя языка, на особенности его самовыражения, на нюансы интерпретации реальности и т. п.

Такую связь Н.Ф. Алефиренко смело называет словообразующей, т. к. с ее помощью мысли перетекают в отдельно взятые словесные конструкции. Ученый отмечает, что порождение словесных конструкций передается из поколения в поколение. Новаторство рецензируемого научного труда заключается в том, что автор аргументированно пытается объединить разнообразные науки. Более того, это исследование позволяет четко определить структуру самого языка, корни которой заложены в мозговой деятельности человека.

При этом на структуру языка может влиять речь самых разных его носителей, которые не обязательно являются творцами культурных ценностей. То есть речь обычных носителей может оказывать сильное воздействие на общий культурный потенциал любого языка, принося в него новые речевые выражения, словесные конструкции, обороты речи и т. д.

Новые идеи, инновации в методологии и технических параметрах лингвистической науки в анализируемой работе представлены тем, что автор пытается дать четкое определение самой структуре языка, которая вызывала и вызывает интенсивные споры в академической среде. Основными атрибутами системы любого языка, по словам Н.Ф. Алефиренко, являются субстанция (первооснова), структура и свойства.

Крайне важен для автора анализ такой науки, как социолингвистика, которая объединяет социологию и лингвистику. По сути, только мертвые языки могут быть оторваны от современной социологии, потому что не используются ныне живущими людьми. В противном случае, по утверждению Н.Ф. Алефиренко, язык очень тесно переплетается с такими понятиями, как «нация» и «национальность» (с. 247).

Действительно, именно национальный язык становится впоследствии литературным, обязательным для употребления среди культурного

слоя отдельно взятой нации. Однако национальный язык имеет тенденцию к изменениям в зависимости от ситуативных аспектов. В связи с этим очень важно такое понятие, как семантика отдельно взятых языков. С точки зрения языковой семантики языки могут перетекать друг в друга, т. е. заимствовать слова и выражения, причем заимствованные формы иногда меняют или уточняют смысл, и в результате меняются нюансы вербального выражения разных лексем (слов и словосочетаний). Это происходит тогда, когда нации имеют общий культурный генокод.

Н.Ф. Алефиренко показывает, как именно эти аспекты генокода становятся основанием для формирования любой национальной культуры, поскольку культура совершенно невозможна без словесных конструкций, семантических оборотов, которые выражают явления этой культуры на практике. Культурное обогащение языков происходит каждый день, однако резкий сдвиг в языковой картине мира наблюдается в период больших социальных потрясений, когда рушатся старые стереотипы восприятия языковых концептов. Именно поэтому в семантической картине мира многих народов разнообразные семантические доминанты после неких социальных потрясений имеют потенциал вылиться в новые концепты для нации. Автор эксплицирует способность семантических дериватов определять значения различных концептов. Причем лексика, связанная с их наименованием, может иметь как прямой, так и переносный смысл.

Переносный концептуальный смысл играет важную роль в интерпретации концепта и его дериватов в различных ситуациях. Н.Ф. Алефиренко предостерегает и от забвения экстралингвистических факторов, которые могут органично дополнять лингвистический анализ новых концептов. По его мнению, контекстуальное понимание является гораздо более эффективным, нежели дискурсное, в силу определенной мобильности всех элементов деривативной структуры в контекстуальной интерпретации.

Термины «контекст» и «дискурс» представляются как некая диалектическая проти-

воположность. Контекстуальное выражение («здесь и сейчас») и дискурсное выражение («вообще и в целом») отдельно взятых терминов имеют потенциал отличаться кардинальным образом, что особенно актуально, если говорить о времени различных социальных потрясений, когда семантический сдвиг отдельно взятых устойчивых лексем происходит чаще всего.

После социальных потрясений такие лексеммы имеют потенциал вернуться в первоначальное значение либо остаться в измененном значении, если социальные потрясения были особенно сильными. Н.Ф. Алефиренко приводит в пример Октябрьскую революцию 1917 года, когда были изменены семантические корни очень многих словесных конструкций, некоторые словесные конструкции приобрели смысл, кардинально отличающийся от первоначального дискурсного смысла.

Именно здесь можно видеть очевидную связь лингвистики и историографии. Иногда трактовка исторических событий посредством историографии является весьма неоднозначной. Трактовка же исторических событий, выраженная в лингвистических аспектах отдельно взятых словесных конструкций, имеет потенциал вступить в диалектическую связь с предыдущей трактовкой этих же событий предыдущими поколениями. В качестве примера можно привести, с одной стороны, восхваление Октябрьской революции («да здравствует Октябрь!»), с другой – выражение недоверия к этому же событию с точки зрения последующих поколений («незаконный переворот»).

Очевидно, что современная лингвистика обладает большим количеством связей с целым рядом других наук. При этом проблемы настоящего времени, связанные с лингвистической эволюцией и ее нюансами, имеют комплексный характер и должны быть решены исключительно путем сотрудничества ученых, которые представляют самые разнообразные научные дисциплины.

Процесс языкотворчества остановить невозможно, новые словесные конструкции, име-

ющие слегка иное концептуальное значение, появляются в нашем языке каждый день, что говорит о процессе постоянного семантического сдвига. Если еще 30 лет назад фраза «Где мой телефон?» звучала как абсурдный набор слов, то теперь она имеет вполне конкретное контекстуальное содержание. Аналогичный пример можно наблюдать во время анализа фраз «Посчитай на телефоне», «Я купил домашний кинотеатр», «У меня в метро отлично ловит сеть», «Я, когда еду один, всегда за рулем книги слушаю». В настоящее время данные фразы приобрели ситуативно-коммуникативный смысл в силу научно-технического прогресса. Этот слегка ироничный факт лишней раз напоминает о важности зарождения и обнаружения связей между различными науками и их отраслями.

Выявляя как дискурсную, так и концептуальную природу подобных фраз, Н.Ф. Алефиренко подчеркивает необходимость своевременного фиксирования и анализа результата таких связей между научно-техническим прогрессом и гуманитарными науками, носящих экстралингвистический характер.

Автор отмечает, что контекстуальное значение отдельно взятых фраз в неформальных разговорах может очень сильно расходиться с первоначальным значением фрагментов текста. Такие фразы впоследствии могут иметь даже антонимическое толкование в рамках семантического сдвига в отношении базового значения. Это особенно актуально, если говорить о коммуникации при помощи современных технологий между людьми, находящимися в родстве либо в близких отношениях. Благодаря коммуникативному пространству их роли в потенциальном разговоре меняются сами по себе, чаще всего эта смена ролей может быть воспринята болезненно как одним, так и обоими участниками коммуникативного пространства. В таких случаях различные экстралингвистические факторы могут оказывать сильнейшее влияние на модель поведения отдельно взятого представителя коммуникативного пространства.

В заключение подчеркнем, что анализируемый научный труд Н.Ф. Алефиренко является весьма актуальным и значимым не только для настоящего времени – он отвечает насущным требованиям нынешнего тысячелетия об интеграции знания (см. также: [3]). Ученый предпринимает

новаторскую попытку объединить многие науки в научную суперпарадигму. Действительно, проблемы многих гуманитарных и технических наук переходят друг в друга, формируя единую парадигму для решения комплексных вопросов по отношению к научным дисциплинам.

Список литературы

1. Раренко М.Б. Лингвистика текста и теория ментальных пространств // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 146–161.
2. Луаиби Ф.Р. Лингвистика как наука о языке // APRIORI. Сер.: Гуманит. науки. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-kak-nauka-o-yazyke> (дата обращения: 23.03.2025).
3. Хомутова Т.Н., Орехова Е.В., Силкина О.М., Нохрин А.В., Шабан А.К.М. Интегральная лингвистика: коллектив. моногр. / под ред. Т.Н. Хомутовой. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2023. 267 с.

References

1. Rarenko M.B. Lingvistika teksta i teoriya mental'nykh prostranstv [Text Linguistics and the Theory of Mental Spaces]. *Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoy lingvistike* [Paradigms of Scientific Knowledge in Modern Linguistics]. Moscow, 2006, pp. 146–161.
2. Luaibi F.R. Lingvistika kak nauka o yazyke [Linguistics as Science About Language]. *APRIORI. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 2015, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-kak-nauka-o-yazyke> (accessed: 23 March 2025).
3. Khomutova T.N., Orekhova E.V., Silkina O.M., Nokhrin A.V., Shaban A.K.M. *Integral'naya lingvistika* [Integral Linguistics]. Chelyabinsk, 2023. 267 p.

Информация об авторах

Ю.А. Шеховская – кандидат филологических наук, соискатель кафедры «Иностранные языки профессиональной коммуникации» Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (адрес: 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87).

Т.Н. Федуленкова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Иностранные языки профессиональной коммуникации» Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (адрес: 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87).

Information about the authors

Yuliya A. Shekhovskaya, Cand. Sci. (Philol.), Applicant at the Department of Foreign Languages of Professional Communication, Vladimir State University (address: ul. Gor'kogo 87, Vladimir, 600000, Russia).

Tatiana N. Fedulenkova, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Prof. at the Department of Foreign Languages of Professional Communication, Vladimir State University (address: ul. Gor'kogo 87, Vladimir, 600000, Russia).

Поступила в редакцию 24.05.2025
Одобрена после рецензирования 26.05.2025
Принята к публикации 29.05.2025

Submitted 24 May 2025
Approved after reviewing 26 May 2025
Accepted for publication 29 May 2025

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Багдасарьян Н.Г., доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры «Социология и культурология» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (национального исследовательского университета);

Бирич И.А., доктор философских наук, доцент, профессор департамента философии и социальных наук Московского городского педагогического университета;

Болотова Е.Ю., доктор исторических наук, профессор, директор Института исторического и правового образования, заведующий кафедрой отечественной истории и историко-краеведческого образования Волгоградского государственного социально-педагогического университета;

Вигель Н.Л., доктор философских наук, заведующий кафедрой философии с курсом биоэтики и духовных основ медицинской деятельности Ростовского государственного медицинского университета (г. Ростов-на-Дону);

Горностаева Ю.А., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории германских и романских языков и прикладной лингвистики Сибирского федерального университета (г. Красноярск);

Дёмин И.В., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, профессор кафедры теории и истории государства и права и международного права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева;

Забровская Л.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток);

Завьялова Г.И., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, культурологии и социологии Оренбургского государственного университета;

Колмогорова А.В., доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии школы гуманитарных наук и искусств, руководитель лаборатории языковой конвергенции Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

Кузнецов В.Ю., доктор философских наук, доцент, доцент кафедры онтологии и теории познания философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;

Макаров А.И., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теории права Волгоградского государственного университета;

Макулин А.В., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Моисеенко Л.В., доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Московского государственного лингвистического университета;

Моторова Н.С., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета (Минск);

Нацок М.Р., кандидат филологических наук, доцент, декан международного факультета, доцент кафедры «Русский язык как иностранный» Адыгейского государственного университета (г. Майкоп);

Немыка А.А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного Кубанского государственного университета (г. Краснодар);

Осьмухина О.Ю., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (г. Саранск);

Паникар М.М., кандидат исторических наук, доцент, доцент департамента политологии и международных отношений Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

Поликарпов А.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Тихонова С.В., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского;

Трошина Т.И., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Упоров И.В., доктор исторических наук, кандидат юридических наук, член Российской академии естествознания (г. Краснодар);

Хренов В.В., кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург);

Цуциева М.Г., доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Военной академии связи (Санкт-Петербург);

Чистова Е.В., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории, практики и дидактики перевода Университета мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского (Москва);

Шелестюк Е.В., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета;

Шетулова Е.Д., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры методологии, истории и философии науки Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”» содержит публикации по основным направлениям научно-исследовательской работы в области истории и археологии, языкознания, философии.

Общие требования

Тексты предоставляются в электронном виде. Для этого необходимо зайти на сайт журнала <https://vestnikgum.ru/> и, нажав на кнопку «Отправить материал», перейти на редакционно-издательскую платформу, куда можно будет после регистрации загрузить статью и сопроводительные документы. Необходимо указать отрасль науки и специальность (шифр и название), по которым выполнено научное исследование.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением *.doc. В имени файла указываются фамилия и инициалы автора.

Параметры страницы

Формат А4. Поля: правое, левое – 25 мм; верхнее, нижнее – 20 мм.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ – 10 мм. Межстрочный интервал – полуторный. Порядковые номера страниц проставляются посередине верхнего поля страницы арабскими цифрами.

Шрифт

Times New Roman. Размер кегля (символов) – 14 пт; аннотации, ключевых слов – 12 пт.

Объем статьи

Максимальный объем статей: научных – 10–15 страниц, обзорных – до 20 страниц.

Сведения об авторе

Указываются на русском и английском языках фамилия, имя, отчество автора (полностью); ученая степень, звание, должность и место работы (кафедра, институт, университет). Общее количество научных публикаций, в т. ч. отдельно количество монографий, учебных пособий; рабочий адрес с почтовым индексом; тел./факсы (служебный, домашний, мобильный), e-mail.

ORCID

В сведениях об авторе также необходимо указать международный авторский идентификатор ORCID в формате интерактивной ссылки <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>. Если у автора нет номера ORCID, его необходимо получить, зарегистрировавшись на ресурсе orcid.org. В профиле обязательно должна быть указана минимальная информация: место работы, ученая степень, должность.

Индекс УДК

Располагается отдельной строкой слева перед заглавием статьи. Индекс УДК (универсальная десятичная классификация) должен соответствовать заявленной теме, проставляется научной библиотекой.

Заглавие	Помещается перед текстом статьи на русском и английском языках. Используется не более 11 слов.
Аннотация	<p>Предоставляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть:</p> <ul style="list-style-type: none"> – информативной (не содержать общих фраз); – оригинальной; – содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); – структурированной (следовать логике описания результатов в статье); – компактной (укладываться в объем от 200 до 250 слов). <p>Авторы статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография» предоставляют аннотацию объемом 50–100 слов.</p>
Ключевые слова	После аннотации указывается до 6–8 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
Примечания и комментарии	Примечания, комментарии, ссылки на нормативные акты, сайты (если это не книга, сборник, статья и т. п. в электронном виде), документальные источники, а также справочную и анализируемую литературу даются в виде подстрочных сносок (внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра (нумерация сквозная).
Библиографические ссылки	<p>Библиографические ссылки на использованную литературу оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 (п. 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»).</p> <ul style="list-style-type: none"> – Подпункт 7.4.1 – ссылка на текст. <i>Например:</i> в тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И.М. Кауфмана [59]; в списке литературы: 59. <i>Кауфман И.М.</i> Терминологические словари: Библиография. М.: Сов. Россия, 1961. 419 с. – Подпункт 7.4.2 – ссылка на фрагмент текста. <i>Например:</i> в тексте: [10, с. 81], [10, с. 106] и т. д.; в списке литературы: 10. <i>Бердяев Н.А.</i> Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.
Рисунки, схемы, диаграммы	Принимается не более 4 рисунков. Рисунки, схемы, диаграммы приводятся в тексте статьи и предоставляются отдельными файлами. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах *.tiff, *.tif (300 dpi). Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (<i>рис. 2</i>). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, подпись и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений.

Таблицы

Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабдить порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь тематические заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12–2011 (касается русских слов), 7.11–2004 (касается слов на иностранных европейских языках). Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

- Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала. Электронные варианты отредактированного текста авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.
- Все статьи отправляются на независимую экспертизу и публикуются только в случае положительной рецензии. Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.
- Статьи публикуются на бесплатной основе.
- Для отправки статьи воспользуйтесь кнопкой «Отправить материал» на сайте нашего журнала <https://vestnikgum.ru/>

Тел.: (8182) 21-61-00 (18-20); e-mail: vestnik_gum@narfu.ru, vestnik@narfu.ru

- Редакция принимает предварительные заявки на приобретение номеров журнала.

На электронную версию журнала можно подписаться через каталоги:

«Урал-Пресс» http://www.ural-press.ru/catalog/97209/8650495/?sphrase_id=328736

«Пресса по подписке» <https://www.akc.ru/search/>

Свободная цена.